

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

РОССИЯ И МИР:
2023
*ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА*

Ежегодный прогноз

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2022

Руководители проекта: академик РАН А.А. Дынкин, академик РАН В.Г. Барановский

Рецензенты:

директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук М.Ю. Головин
главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения»,
кандидат исторических наук А.В. Рябов

Авторский коллектив:

Ю.Л. Адно, С.А. Афонцев, Е.А. Белков, О.В. Богаевская, А.С. Богачева, К.А. Богданов,
Л.С. Вартазарова, К.Р. Вода, А.Г. Володин, П.С. Галаш, И.В. Данилин, С.В. Жуков,
В.Ю. Журавлева, В.С. Загашвили, И.А. Зимин, И.Д. Звягельская, И.Э. Ибрагимов, Е.А. Канаев,
Ю.Д. Квашнин, С.В. Кислицын, И.Я. Кобринская, И.А. Копытин, И.А. Крамник, А.К. Кудрявцев,
А.В. Куприянов, С.О. Лазовский, Е.Л. Леонтьева, А.В. Ломанов, Ю.П. Лукашин, С.А. Луконин,
А.В. Малашенко, Д.Б. Малышева, Г.И. Мачавариани, Д.Д. Меджидова, Е.Н. Никитина,
Н.А. Николаев, И.А. Подколзина, Н.А. Пожилова, А.П. Поливач, В.В. Попов, О.Б. Резникова,
Л.М. Самарская, И.А. Свистунова, Э.Г. Соловьев, Н.Ю. Сурков, В.Ю. Татузов, Т.И. Тюкаева,
А.Н. Федоровский, Б.Е. Фрумкин, Л.С. Худякова, А.С. Четверикова, В.Г. Швыдко

Ответственные редакторы: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани

Р76

Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта:
А.А. Дынкин, В.Г. Барановский ; отв. ред.: Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. – Москва :
ИМЭМО РАН, 2022. – 130 с.

ISBN 978-5-9535-0568-0

DOI 10.20542/978-5-9535-0568-0

Доклад «Россия и мир: 2023» двадцатый первый в серии ежегодных публикаций ИМЭМО РАН и ФПИИ. Доклад состоит из трех частей: глобальные тренды, экономика и внешняя политика. Главное внимание сфокусировано на проблемах, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильного экономического и политического развития России на ближайшую (2023 г.) и более отдаленную перспективу. В подготовке доклада использован многолетний опыт прогнозных исследований, проводимых ИМЭМО РАН. Анализируются основные внешние вызовы для России и возможности ответа на них.

Russia and the World: 2023. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy / project leads –
A.A. Dynkin, V.G. Baranovsky ; eds.: G.I. Machavariani, I.Y. Kobrinskaya. – Moscow : IMEMO, 2022. –
130 p.

ISBN 978-5-9535-0568-0

DOI 10.20542/978-5-9535-0568-0

The report "Russia and the World: 2023" is the twenty first in a series of annual publications of IMEMO RAS and PSIF. The report consists of three parts: global trends, economy and foreign policy. The main focus is on issues of key importance for ensuring stable economic and political development of Russia in the immediate (2023) and longer term. The report is based on decades long IMEMO experience in forecast research. The main external challenges for Russia and options to respond them are analyzed.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0568-0

© ИМЭМО РАН, 2022

© Фонд перспективных

исследований и инициатив 2022

РОССИЯ И МИР: 2023

Часть 1. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ	7
ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ.....	14

Часть 2. ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ.....	25
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ЗАМЕДЛЕНИЕ РОСТА	29
МИРОВАЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА.....	35
ЭКОЛОГИЯ.....	39
ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА	45
Продовольствие	45
Нефть и газ	49
Металлы.....	54
Лесобумажные товары.....	61
СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	65
Страны Европы.....	65
Соединенные Штаты Америки	71
Япония.....	77
Китай	81
Индия	84
Анализ достоверности прогноза на 2021 г.	88

Часть 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ.....	93
ЕВРОПА.....	100
БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФГАНИСТАН	106
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	112
ТИХООКЕАНСКАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ.....	121

ЧАСТЬ I

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТRENДЫ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Мировое развитие в 2023 г. будет определяться:

- во-первых, кумулятивным воздействием всего комплекса политических и военно-политических факторов, унаследованных от эпохи после второй мировой войны, а также возникших в пост-биполярные десятилетия;
- во-вторых, долгосрочными экзогенными глобальными трендами, с одной стороны, но с другой – эффективностью или неудачами стратегии и тактики решения экзогенных проблем («геополитикой климата», противоречивой динамикой мировой продовольственной безопасности, всплесками нестабильности в связи с политикой властей по борьбе с COVID19– как в случае с волнениями в Китае в конце 2022 г.);
- в-третьих, кризисной военно-политической динамикой и высокой вероятностью появления на этом фоне новых «черных лебедей».

Продолжающийся украинский конфликт будет оказывать влияние на ситуацию в социально-экономической, энергетической, внешнеполитической, военно-политической сферах не только на континенте, но и в мире в целом. Глубина кризиса обусловлена также синергетическим эффектом – военно-политический конфликт усугубляется его наложением во времени на множественные глобальные деформации, вызванные пандемией 2019-2021 гг., а также изменения климата, что – все вместе – имело результатом повышение цен на продовольствие и энергоносители и их дефицит.

События 2022 года запустили маховик мирового переустройства. Давно назревший этап его реформирования входит в активную фазу, с пока не ясными ориентирами, но высокой вероятностью изменения важнейших конструкций, заложенных в послевоенную архитектуру и, как казалось, обновленных с преодолением биполярности.

2022 год выявил слабые места этого преодоления и обозначил ключевые проблемные императивы перестройки, причем во всех сферах и на всех уровнях. Хотя далеко не все наметившиеся сдвиги можно рассматривать исключительно как продукт эксцессов истекшего года – их корни значительно глубже. При этом масштабы, равно как и временную глубину ожидаемых сдвигов прогнозировать трудно. Пока горизонт многих из них определяется прежде всего ожидаемой продолжительностью кризиса, т.е. периодом 2023-2024 гг.

Напряженность на политическом треке, вылившаяся в 2022 г. в острое противостояние по линии Россия-Запад, по сути, проистекает из хаотичности и *незавершенности процесса распада биполярной системы*. Наряду с происшедшими кардинальными политическими и экономическими переменами в европейском

ландшафте новые реалии, возникшие на континенте в 1989-1991 гг., не были завершены и подтверждены новой «Ялтой», в трактовке указанных перемен, как и достигнутых договоренностей обнаружилось глубокое противоречие, расширение НАТО было воспринято российской стороной как несбалансированное и нарушающее равновесие, что вызвало её острую контр-реакцию. Точкой отсчета набравшей обороты конфронтационной спирали стала известное выступление президента В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г.

События 2008 г (Южная Осетия) и 2014 гг. (Крым) внесли свой вклад в нарастание этой тенденции. Вместе с тем они не были восприняты на Западе как реальные геополитические и военно-политические риски и вызовы. Сказалось всё еще сохранявшееся стереотипное мышление в парадигме «сфер влияния». Вместе с тем российские озабоченности, будь то реальные или мнимые, оставались – опять-таки в силу некоторой инерционности мышления – на периферии внимания Запада. Его заботили прежде всего другие вызовы: и меняющее мировой баланс укрепление позиций Китая, и острый финансовый кризис 2008-2009 гг., и нестабильность в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (среди прочего давшая толчок миграционному кризису в Европе), и «климатизация» мировой повестки, и – в довершение всего – двухлетний шок от пандемии.

На этом фоне Россия в конце 2021 г. фактически выдвинула Западу ультиматум с требованием глубокого пересмотра форматов безопасности в Европе (см. прогноз ИМЭМО «Россия и мир: 2022»). И в самом начале 2022 г. появились некоторые слабые признаки готовности Запада к диалогу. Уверенности Москве придала и успешная операция в рамках ОДКБ по оказанию помощи президенту Токаеву в стабилизации ситуации в Казахстане.

Однако дальнейшие события опровергли подавляющее большинство умеренных отечественных и зарубежных прогнозов. Отметим, однако, что в прогнозе ИМЭМО «Россия и мир: 2022» ожидаемое развитие событий было прописано следующим образом: «В отношениях с Украиной нельзя полностью исключать ни сценария «размораживания» конфликта в Донбассе, ни обострения общего противостояния. «Война нервов» ...чревата и переходом в неконтролируемую эскалацию, что дополнительно усугубляется военно-политической поддержкой Киева со стороны западных стран. В таких условиях повышение градуса конфликтности в 2022 г. выглядит вполне вероятным, а удержание ситуации от обрушения в неконтролируемую цепную реакцию можно будет считать уже позитивным сценарием. Возможным вариантом, однако, выглядит и продолжение сложившейся ситуации, в том числе, при поддержке Запада, прежде всего США» (с. 27).

В большинстве прогнозов, даже когда констатировалось крайне опасное нарастание напряженности, высказывалось сомнение, что дело дойдет до

крупномасштабного военного конфликта. Поскольку цели и издержки такового казались запредельно высокими. *«Эксперты ясно представляли последствия такого конфликта. Они ошиблись в прогнозе, но не ошиблись в оценке последствий. Ученые были правы в оценке последствий, но неверно оценили отношение к ним тех, кто принимал решения. Мы ошиблись потому, что не ошиблись»*. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-eksperty-ne-verili-v-veroyatnost-vooruzhennogo-konflikta-s-ukrainoy/>).

К рубежу 2022-2023 гг. сохранялась высокая неопределенность не только касательно урегулирования украинского конфликта, но даже в том, что касается подписания соглашения о прекращении огня. Москва, как предполагали её оппоненты, рассчитывала на него как на средство закрепить свое присутствие на территориях, которые она контролировала. Киев же считал невозможным отказаться от восстановления их прежнего статуса, в том числе и военным путем. Ключевое значение приобретал вопрос о масштабах и пределах поддержки Украины со стороны США и других западных стран.

Исходя из тезиса о *незавершенности процесса распада биполярной системы* как одной из базовых причин эксцесса-2022, логично предположить, что с завершением украинского конфликта может начаться фундаментальная трансформация политических и военно-политических основ постбиполярного – и послевоенного – мироустройства с целью укрепления стратегической стабильности в евро-азиатско-атлантическом регионе. В том числе и прежде всего особого внимания потребуют вопросы ядерной безопасности – причем в условиях начала *нового витка военного строительства*, триггером чему послужил украинский конфликт.

Однако пока совершенно отсутствует ясность относительно того, каким образом может происходить ревизия существующего мироустройства. Ведь она должна затронуть глубочайшие пласты мировой политики: как выстраивать глобальную и региональную иерархию, какие коррективы вносить в процессы глобализации / регионализации, какие механизмы и алгоритмы нужны для того, чтобы управлять международной системой и ее сегментами. Многие из этих проблем укоренены в предшествующих десятилетиях, и чтобы наладить их решение по-новому, потребуются усилия долгосрочного характера.

В 2023 г. с высокой вероятностью продолжатся изменения в балансе между процессами *глобализации и регионализации*, прежде всего в мегарегионе Тихоокеанской и Южной Азии. Самодостаточность, культурная и цивилизационная особость региона и входящих в него стран, связанных большим числом региональных экономических договоренностей, при сохранении, как отмечают эксперты ИМЭМО, сравнительно осторожной реакции государств на

внешнее давление, обуславливают поддержание *доминанты региональных трендов*. Можно ожидать что это будет сказываться и на выборе самостоятельного, относительно сбалансированного подхода к взаимодействию с Россией. Большое влияние на усиление регионализации продолжит оказывать ожесточенная конкуренция в технологической сфере между США и Китаем. В то же время у Индии есть шансы воспользоваться преимуществами глобальных форматов в техносфере.

Общий мировой тренд на «техно-суверенитет» также подпитывает *фрагментацию* глобального мира, что особенно явно проявляется в сфере военно-технического сотрудничества. По прогнозу экспертов ИМЭМО, в условиях нарастающей *фрагментации* основной линией взаимодействия станет укрепление военно-политических связей и сложных систем союзов великих держав. Это резко повышает роль военно-силового фактора во внешней политике стран и формировании ими коалиций: «секьюритизация» глобальных рынков высоких технологий хорошо видна на примере технологической войны США с Китаем, а глобального рынка энергоресурсов – на примере санкционного конфликта с Россией. В этих условиях следует ждать перемен и в надстройке экспортного контроля с возможным дополнением действующих режимов, таких как Вассенаарские договоренности, групповыми схемами координации, близкими к КОКОМу времен холодной войны.

Этот процесс усугубит *фрагментацию мира по военно-политической линии*. В результате этого торговля оружием и ВТС в целом окончательно утратят даже внешние признаки глобального рынка товаров и услуг военного назначения. ВТС, вероятно, перейдет в разряд специфической формы военной (само)помощи внутри блоков.

В текущих условиях перемен во фрагментирующемся миропорядке кооперация получит нагрузку в виде создания единых научно-производственных платформ внутри блоков, причем в т. ч. двойного назначения. Вероятный распад глобальных рынков технологий и высокотехнологических товаров прямо подталкивает рост «импортозамещения», то есть максимального замыкания потоков ресурсов, товаров и услуг внутри блоков, без выноса критических частей цепочек наружу. Военно-техническая кооперация, наряду с кооперациями по выпуску изделий микроэлектронной промышленности, обладает одним из самых значимых потенциалов в этой области. Поэтому следует ожидать ее рост с преобладающим замыканием цепочек внутри групп стран, тяготеющих друг к другу с военно-политической точки зрения.

Фрагментация по военно-политической линии может не всегда совпадать с процессами регионализации. С высокой вероятностью, *в крепнущем тренде*

регионализации будет усиливаться его базовая торгово-экономическая и технологическая компонента при небольшой или снижающейся роли политико-идеологических факторов. И это в противовес усиливавшейся в последние годы «идеологизации» процесса глобализации.

При сохранении тренда на *постепенное снижение вовлеченности США в дела Ближнего Востока* будут проявляться самостоятельные подходы как отдельных стран региона, так и возникающих там *«ситуативных партнерств»*. Ключевыми параметрами взаимодействия / противостояния там будут оставаться проблемы безопасности (с учетом региональных конфликтов) и энергетики. Хотя эксперты отмечают ранее наметившийся в регионе тренд к снижению конфликтности, в 2023 г. ее уровень может возрасти, отчасти опосредованно через связь с украинским конфликтом. В последнем косвенным образом оказался вовлеченным Иран, где по состоянию на конец 2022 г. продолжались серьезные социальные протесты.

Израиль сохранит ключевую роль в сфере безопасности на Ближнем Востоке, однако наиболее активным актором в регионе в 2023 г., как и в предыдущие два года, останется Турция. В период противостояния на Украине она значительно укрепила свои позиции и *статус региональной державы (даже с некоторыми глобальными притязаниями)*. В случае сохранения власти Р.Т. Эрдоганом на выборах в 2023 г. в самом ближайшем будущем можно ожидать дальнейшего внешнеполитического наступления Анкары по многим азимутам – в тюркском ареале Центральной Азии, на Южном Кавказе, не исключая шагов по нормализации отношений с Ереваном, для закрепления результатов урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и южнее, благодаря медиаторству в «зерновой сделке», наконец, на Западе, прежде всего в НАТО, в оборонной сфере. То есть в случае победы на выборах Р.Т. Эрдогана, Турция может оказаться едва ли не единственным политическим и экономическим бенефициаром эксцесса-2022 и будет активно использовать этот авуар.

Турецкий кейс становится, таким образом, в один ряд с *процессом обретения большей субъектности* крупными (Индия) и «средними» (Вьетнам) региональными державами с относительно независимой позицией во взаимоотношениях с внешним миром. Ростом в последние годы их влияния на изменения региональных и глобальных балансов.

Разнонаправленные тенденции развиваются в регионе Центральной Азии, с очевидным усилением *доминирования военно-политического фактора*. С одной стороны, страны, несмотря на разногласия и даже вспыхивающие горячие конфликты (Таджикистан-Кыргызстан), стали уделять больше внимания

собственно внутри-региональным связям. С другой стороны, в рамках традиционной многовекторной внешней политики предпринимаются попытки заручиться дополнительными гарантиями безопасности со стороны внешних партнеров (в первую очередь Казахстан – Китай). Эксперты полагают, что события 2022 г. поставили точку в периоде «безвременья», наступившем для стран Центральной Азии после распада биполярной системы и обусловившем многовекторность их политики, что типично для государств-лимитрофов. Активные поиски дополнительных внешних гарантий безопасности продолжают вести и страны Южного Кавказа.

В экспертном сообществе наблюдается некоторый скепсис в отношении идеи многополярного мира, сформулированной в конце прошлого века. Актуальность её, с учетом происходящего в мировой политике, нередко ставят под сомнение – характеризуя современное состояние международных отношений скорее как «асимметричную биполярность». Речь идет, во-первых, об относительном сплочении Запада вокруг США, что отодвигает перспективы формирования полноценной многополярности, а во-вторых, об отсутствии консолидации региональных незападных центров силы, что делает данную систему малоустойчивой (<https://russiancouncil.ru/news/mesto-zapada-v-formiruyushchemsya-miroporjadke-obsudili-na-kruglom-stole-v-mia-rossiya-segodnya/>).

Действительно, в глобальном военно-политическом мейнстриме в 2022 г. произошло своего рода возрождение (пусть временное) *уходящей однополярной модели* – при доминировании США в проукраинской коалиции, куда вошли не только страны Запада. Важно отметить, что Вашингтон в конце 2022 г., уже после промежуточных выборов в США и съезда КПК, несколько снизил напряженность в отношениях с Пекином, стремясь если не вовлечь Китай в коалицию, то по крайней мере гарантировать его *большой нейтралитет*.

Однако жесткая конкуренция США и Китая в технологической сфере продолжится в 2023 г. и дальше. Тема может обостриться в связи с подготовкой к американским выборам в 2024 г. Не исключено, однако, что уже в 2023 г. *секьюритизация, даже милитаризация* глобальной повестки, *выход на первый план (впервые за многие десятилетия!) вопросов войны и мира* уже создадут предпосылки для начала пересмотра системы международной безопасности – возможно, с участием Китая, что способствовало бы укреплению стратегической стабильности.

Также в 2023 г. на повестку дня мирового сообщества начнут выходить вопросы, связанные с необходимостью преобразований в системе международных институтов, созданных по итогам второй мировой войны, прежде всего ООН. Давно назревшая потребность в их реформировании нашла дополнительные доказательства в период кризиса 2022 г.

Вместе с тем, *за горизонтом 2023 – 2024 гг. трудно предположить сохранение однополярного миропорядка, по сути, рандомно получившего второе дыхание.*

Среди главных причин и факторов – финансово-экономические и социально-политические проблемы, с которыми в той или иной степени столкнется Запад в 2023 г.; предстоящие в 2024 г. выборы в США и связанные с этим возможные девиации во внешней политике Вашингтона. В рамках «коллективного Запада», проявившего, несмотря на серьезные финансово-экономические и энергетические трудности, беспрецедентную сплоченность, после завершения украинского кризиса вполне ожидаема постепенная деконсолидация (как в трансатлантическом формате, так и внутри Европейского Союза).

Уже в 2023-2024 гг., если и когда мир вступит в постконфликтный этап, ключевыми факторами воздействия на мировой порядок будут:

- во-первых, формат развития отношений США-Китай – жесткая конкуренция vs экономическое и военно-политическое противостояние;
- во-вторых, динамика трансатлантических отношений;
- и в-третьих, политика России, возникновение или отсутствие возможностей нормализации её отношений с Западом.

На этом этапе, особенно в условиях, когда силовая компонента международных отношений обрела значимость, сравнимую с эпохой холодной войны, востребованным для сохранения мира и стабильности будет становиться *не однополярный формат, но ответственное и кооперативное лидерство крупных держав* – начиная с США и Китая, но также включая Россию, Индию и обретающих более высокую субъектность других центров влияния. Однако становление такой международной системы потребует как времени, так и преодоления текущих кризисных эксцессов мирового развития.

На фоне силового противостояния в международных отношениях в 2022 г. проявился новый феномен в сфере внутривнутриполитического развития во многих западных государствах. Судя по прошедшим во Франции, Германии, Италии, Соединенных Штатах выборам, *общество в этих странах отходит от крайних и экстремистских позиций и отдаёт предпочтение умеренному широкому политическому центру.* При этом эксцесс-2022 мог послужить общим консолидирующим и предупреждающим об опасностях фоном. Возможно, еще большую роль сыграли усталость и стресс, пережитые в период пандемии; опасения новых финансовых и экономических трудностей; надежда на помощь правительств; разочарование и неверие в отношении крайних форм проявления протестов; наконец, *потребность и желание вернуться к «старой нормальности».* Показательным примером служит кейс Европейского Союза, где основную

ответственность в реагировании на кризисные явления взяли на себя не интеграционные структуры, а национальные государства.

Конфликт на Украине скорректировал прогноз ИМЭМО-2022 относительно доминирования внутренней повестки над внешней, а также роста национализма в странах Европы и в США. Напротив, общество там проявило эмпатию и толерантность в отношении беженцев из Украины, о чем свидетельствуют результаты соцопросов, и даже готовность мириться с серьезными экономическими трудностями. В то же время в случае обретения конфликтом затяжного характера (или после его завершения) в западном социуме нельзя исключать «отскока», возникновения противоположной динамики, своего рода «эффекта низкой базы». Что может сказаться на внутривнутриполитической стабильности (прежде всего европейских стран).

Глобальные экономические тренды

Расхождение страновых траекторий экономического роста на фоне нарастающего глобального недоверия. Отложенные эффекты так называемой неконвенциональной монетарной политики, накапливавшиеся с первого глобального финансово-экономического кризиса 2008/2009 гг., шоки предложения, вызванные нарушениями в мировых производственных и торговых цепочках в результате ограничений на мобильность и бизнес из-за глобальной пандемии коронавирусной инфекции, обострившиеся экономические противоречия между ведущими центрами мировой экономики, приведшие к торговым конфликтам и пока ограниченным торговым войнам, ошибки в выборе скорости энергетического перехода в ЕС, дезорганизация мировых сырьевых рынков в результате украинского кризиса, беспрецедентное санкционное давление на Россию и российская контр санкционная политика, усиливающиеся негативные эффекты от изменения климата прервали сильный отскок мировой экономики на 6,0% в 2021 г. после падения на 3,0% в 2020 г., вызванного COVID-19.

Мировой экономический рост в 2023 г. будет в значительной степени определяться динамикой экономики Китая и Индии, а также других стран АТР, опирающихся на соглашения о свободной торговле, эффективно работающие региональные цепочки добавленной стоимости и низкую стоимость рабочей силы. Несмотря на усиленное негативными внешними факторами замедление, экономика Китая возрастет на 4,5%, ускорившись по сравнению с 3,5% в 2022 г., особенно если будет ослаблена политика нулевой терпимости к COVID. Экономика Индии менее подвержена негативным шокам и возрастет на 7,5%. Высокую экономическую динамику сохранят Вьетнам и Индонезия.

В развитых странах темпы роста существенно замедлятся с 2,6% в 2022 г. до 1,2% в 2023 г. В особо драматическом положении окажется Европа, в экономике которой возможна рецессия. Спад экономической активности, глубина которого определится интенсивностью кризиса на газовом и электроэнергетическом рынках, будет наблюдаться в крупнейших европейских экономиках Великобритании и Германии (-1,0% и -0,5% соответственно). США в оптимистичном сценарии удастся избежать рецессии прежде всего потому, что уровень безработицы пока остается на низком уровне (из-за ухода работников старших возрастных групп с рынка труда), а многие отрасли сферы услуг, восстанавливаясь после локдаунов и ограничений 2020 и 2021 гг., находятся на подъеме. Возможным сценарием 2023 г. может стать стагфляция в Европе и США, причем в отличие от 1970-х гг. стагфляция будет развиваться на фоне существенного более высокого уровня долговой нагрузки правительств, домохозяйств, корпораций реального сектора, банков и финансовых институтов, что сделает выход из стагфляционного режима особенно трудным.

Значимым новым фактором, оказывающим сильное негативное влияние на мировой экономический рост, стал резко возросший уровень недоверия между странами. Обостряющиеся геополитические противоречия вышли за безопасные для экономического роста границы. Геополитическая напряженность и открытые и латентные конфликты снижают приоритетность рациональных экономических соображений и стимулы к координации экономической политики.

Совокупность факторов со стороны спроса и предложения, хрупкость финансового сектора на фоне усиливающегося влияния геополитики на экономический рост и нарастание экономического иррационализма приведут к тому, что до конца текущего десятилетия темпы роста мирового ВВП окажутся ниже трендовых значений предыдущего десятилетия.

Возрастающее влияние на динамику мирового экономического роста к середине десятилетия будут оказывать демографические факторы. Замедление и даже прекращение роста численности населения вкупе с его быстрым старением во многих развитых странах и Китае замедлит предложение труда и приведет к отвлечению ресурсов от инвестиций на поддержание социальной и пенсионной систем.

Повышение ключевой процентной ставки ФРС. Главным драйвером динамики мировой экономики и финансов остается начатая в июне 2022 г. политика Федеральной системы США по повышению ключевой процентной ставки (federal funds rate). Американский Центральный банк преследует цель снизить годовую потребительскую инфляцию до целевого показателя в 2%, избежав при этом существенного роста безработицы и жесткой посадки экономики. Повышение

процентной ставки оказывает понижающее давление на цены финансовых активов, динамику фондового рынка и рынка ипотеки, но повышает стоимость кредитных заимствований для потребителей и производителей, что угнетающе сказывается на инвестициях. Наступление рецессии в экономике США в 2023 г. возможно, однако рыночные игроки считают, что в случае признаков рецессии ФРС ослабит монетарную политику. Учитывая повышенный уровень текущей инфляции, превышающий уровень номинальных процентных ставок, реальная процентная ставка остается отрицательной. Для подавления совокупного спроса целевая процентная ставка должна быть повышена до такого уровня, чтобы поставить инфляцию и инфляционные ожидания под контроль, прежде чем они укоренятся в поведении экономических агентов.

Инфляционная волна. Отложенные эффекты накачки экономической системы деньгами с начала кризиса 2008/2009 гг. и вызванные разными причинами многочисленные шоки предложения запустили еще в середине 2021 г. инфляционную волну. В середине 2022 г. в 69 странах мира с совокупным населением 2,1 млрд человек была зафиксирована двузначная инфляция в годовом исчислении (в середине 2021 г. двузначная инфляция наблюдалась в 23 странах с населением 0,9 млрд человек). В развитых странах инфляция в 2022 г. вышла на самые высокие уровни за последние 40 – 50 лет.

Важным драйвером инфляции является взлет цен на природный газ в Европе, что транслировалось в рост цен на электроэнергию и спотовых цен на газ в АТР, а также значительный рост цен на разрешения на выбросы парниковых газов в ЕС и Великобритании. Рост цен на энергетическое и другое сырье переносится в цены готовых промышленных изделий, особенно в химической промышленности, в том числе на минеральные удобрения, что в конечном счете раскручивает цены на продовольственные товары. Существенный вклад в раскрутку инфляции внес рост цен на продовольствие. Кризис на Украине, которая является одним из крупнейших мировых экспортеров пшеницы, семян подсолнечника, кормов для скота и подсолнечного масла, усугубил ситуацию.

Опережающие индикаторы показывают, что инфляция достигла пика в третьем квартале 2022 г. и в последние три месяца года, скорее всего, замедлится. В США пик – 9,1% – был пройден в июне и к октябрю инфляция снизилась до 7,7% в пересчете на годовой уровень. К концу 2023 г. темпы роста цен опустятся до долгосрочных трендовых значений. Однако сохраняется высокая степень неопределенности.

Курс на технологический суверенитет и усиление конкуренции за технологическое доминирование. Развитие сектора хай-тек и рынков высоких технологий в 2023 г. будут проходить под давлением геоэкономической и

геополитической конкуренции между ведущими мировыми экономическими центрами, прежде всего, американо-китайской технологической «войной» и повсеместным стремлением поставить под большой контроль мега интернет-корпорации (Big Tech).

США продолжают усиливать санкционное давление на КНР с целью максимально ограничить поставки перспективных микросхем, технологий и компетенций по производству полупроводников китайским компаниям, а также попытаются закрыть возможности технологического экспорта и трансфера технологий через третьи страны. В рамках как формальных, так и неформальных схем давления США будут стремиться сократить научно-техническую кооперацию КНР с западноевропейскими, особенно британскими и германскими, научными и вузовскими центрами. В ЕС усиливается курс на ослабление технологической зависимости от Китая. Возможности ответа КНР на санкции США и на недружественные европейские инициативы ограничены. В результате в секторе полупроводников ускорится процесс релокации и регионализации производственных цепочек, в том числе и по политическим мотивам. Интенсифицируется процесс оформления санкционных, нормативных и торгово-инвестиционных барьеров между США, Европой, Японией, Индией с одной стороны, и КНР с другой.

В логике локализации производства и ответа на экономические и геополитические вызовы в США, ЕС, КНР, Японии и Южной Корее будут реализованы новые масштабные программы субсидирования национальных производителей в секторе полупроводников, что усилит тренд на создание выборочно параллельных производственных цепочек, что приведет к дальнейшему нарушению сложившихся рыночных механизмов углублявшейся более двух десятилетий глобальной производственной и научно-технической кооперации в этой сфере.

На этом фоне в США, Китае и ЕС, хотя и с разной степенью интенсивности, активизируется политика по усилению контроля над корпорациями Big Tech. В Китае этот процесс входит в завершающую стадию, что вносит свой вклад в замедление сектора хай-тек и экономики в целом. В США в 2023 г. должны начаться судебные процессы против Big Tech и будет инициирован ряд регуляторных мероприятий против интернет-монополий. На фоне ужесточения монетарной политики это чревато дальнейшим сдуванием интернет-пузыря на рынке капитала (Big Tech, стартапы-единороги и пр.) с негативными каскадными эффектами для венчурной индустрии, интернет-сектора и хай-тек в целом.

Мировая торговля. На фоне замедления мирового экономического роста мировая торговля в январе-августе 2022 г. развивалась достаточно динамично. Китай упрочил свои позиции в качестве ведущего мирового экспортера. Взаимная

торговля США-КНР и ЕС-КНР продолжает расти. Ни США, ни ЕС не преследует цель свернуть торговлю с Китаем, усиливающийся протекционизм и «технологическая война» затрагивает только ключевые для «четвертой промышленной революции» сектора и производства.

Рост цен на все виды сырья и нефтепродуктов сыграл в пользу являющихся крупнейшим сырьевым экспортером США – рост стоимостного объема американского экспорта ускорился. Особенно заметно США нарастили энергетический экспорт в Европу, где американский сжиженный природный газ и частично нефть занимают высвобождающиеся российские ниши. Энергетическая связка США-ЕС и США-Великобритания оформлена политическими соглашениями о совместных усилиях в области энергетической безопасности, поэтому рост торговли нефтью, нефтепродуктами и газом в трансатлантической связке и далее будет расти.

Климатическая повестка и переход к «зеленой экономике». Результаты климатического саммита COP27 в Египте в ноябре 2022 г. отразили переформатирование глобальной климатической повестки. Развивающиеся страны перенесли акцент на финансовые аспекты декарбонизации и деметанизации, поставив свою климатическую политику в прямую зависимость от получения финансовой помощи от развитых стран. Последние не выполнили своих же обещаний, данных на Саммите Земли в 1992 г. и при заключении Парижского соглашения по климату в 2015 г. направлять в развивающиеся странах ежегодно 100 млрд. долл. на поддержку их усилий по декарбонизации и деметанизации. Рост цен на импортируемые нефть и природный газ, необходимость погашения внешней задолженности, ослабленные мероприятиями по борьбе с COVID бюджетные возможности, заставляют развивающиеся страны развивать угольную электрогенерацию, опираясь на собственные запасы угля. На глобальном уровне энергетический переход займет более длительное время и будет стоить существенно дороже, чем это полагалось ранее.

В целом на COP27 произошла переориентация глобальной климатической дискуссии с проблем митигации выбросов парниковых газов за счет вытеснения из экономического оборота ископаемых топлив на проблемы адаптации к глобальному потеплению. Важным прорывом стала легитимация использования так называемых природных решений для достижения целей «чистого нуля».

ЕС для компенсации потерь импорта российского газа, угля, нефти, нефтепродуктов и другого сырья и промежуточных товаров вынуждена возвращать в эксплуатацию законсервированные угольные электростанции и продлять сроки эксплуатации атомных станций, что на данный момент тормозит энергетический переход. Однако, возврат к ископаемому топливу и атомной энергетике окажется

временным. Государственные субсидии, инвестиции и иные формы поддержки «зеленой» энергетики продолжают расти как на уровне ЕС, так и в ведущих европейских экономиках. Тем более, что беспрецедентно высокие цены на газ объективно порождают стимулы к опережающему развитию солнечной и ветровой генерации, а также делают более конкурентными по цене водород, биометан и другие природные источники энергии.

США ускоряют энергетический переход, органичной частью которого является природный газ, а также уголь и нефть, в случае широкомасштабного использования промышленных систем улавливания и хранения углерода. Принятый в августе 2022 г. Закон о снижении инфляции предполагает направление федеральным правительством более 370 млрд долл. в виде налоговых вычетов и субсидий на поддержку декарбонизации и модернизацию энергетической инфраструктуры с целью адаптации к приему электроэнергии от новых возобновляемых энергетических источников до 2031 г. включительно, а также продвижение электромобилей. Льготы будут предоставляться исключительно американским и североамериканским компаниям, так как закон требует повышения национального содержания в стоимости продукции. Фактически закреплена тенденция на политический рещоринг в Северную Америку критически важных для «зеленого» перехода производств. Технологический и инвестиционный протекционизм в пользу североамериканских производителей преследует в том числе и цель снизить зависимость американской и глобальной экономики от Китая, являющегося крупнейшим мировым экспортером экологической продукции, в то же время подрывая конкурентные позиции европейских компаний. Американский «зеленый» протекционизм направлен также против Южной Кореи (крупный экспортер электромобилей), Малайзии (солнечные панели).

Санкционное давление на Россию. Хотя первичные и вторичные санкции уже давно стали стандартной экономической политикой США и в меньшей степени ЕС, впервые под беспрецедентным санкционным давлением оказалась сравнительно крупная экономика из G-20. На Россию приходится 1,8% мирового ВВП, 2,2% и 1,3% мирового товарного экспорта и импорта соответственно.

Главными целями первой волны западных санкций стали: во-первых, запрет на использование российскими компаниями и банками доллара и евро при расчетах с контрагентами; во-вторых, максимальное отсечение российских компаний от международной торговли путем запретов на авиа- и морское сообщение, а также возможностей покупать финансовые и страховые услуги; в-третьих, запреты на экспорт высокотехнологичных товаров и технологий; в-четвертых, прекращение инвестиций и выход иностранных инвесторов из российских проектов. В центре

второй волны санкций, которые вступят в силу в конце 2022 г. и в начале 2023 г. находятся ограничения на импорт российской нефти и нефтепродуктов.

Мировой рынок предоставляет российским компаниям широкие возможности по обходу западных санкций. К тому же санкционный режим постоянно корректируется таким образом, чтобы не нанести избыточного ущерба функционированию мировых рынков и экономик стран-инициаторов санкций. В конце 2022 г. европейское эмбарго будет дополнено введением ценового потолка, который продвигают США и другие страны G7.

Энергетический кризис в Европе. Ошибки европейских макро и отраслевых регуляторов в определении допустимой безопасной скорости энергетического перехода и в устройстве рынков природного газа и электроэнергии, противоречия с Россией по поводу институциональной структуры европейского рынка природного газа (долгосрочные импортно-экспортные контракты versus спотовый рынок), масштабные санкции ЕС и Великобритании в отношении российских энергоресурсов и контрсанкции со стороны России ввергли экономики ЕС и Великобритании в острейший энергетический кризис. В настоящее время главными факторами кризиса являются дефицит предложения газа, что обуславливает беспрецедентно высокие цены на газ и электроэнергию. В 2021 г. Россия экспортировала в Европу 153 млрд куб м трубопроводного газа. Российский газ традиционно обеспечивал около 40% потребления газа Европой. В 2022 г. трубопроводный экспорт составит, по оценкам, не более 68 млрд куб м или 44% от уровня 2021 г. Технические возможности нарастить российский газовый экспорт в Европу сохраняются, несмотря на диверсию, выведшую из строя газопроводы «Северный поток I» и «Северный поток II» при использовании газопроводов через Украину и Польшу. В октябре 2022 г. Россия и Турция приступили к созданию газового хаба на турецкой территории, ориентированного на европейские рынки, однако на настоящий момент геополитические противоречия и экономические соображения делают перспективы этого проекта высоко неопределенными.

Несмотря на экстраординарные меры финансовой поддержки в объеме нескольких процентов ВВП, в Европе резко повысилась энергетическая бедность, наблюдается сворачивание активности газоемких отраслей промышленности, а в электроэнергетике расконсервируются мощности в угольной генерации и приостановлен выход из атомной генерации. Ценой сокращения текущего потребления и существенного роста импорта сжиженного природного газа, включая российский, Европа сумела к ноябрю 2022 г. накопить в подземных хранилищах значительные объемы газа. Тем не менее, учитывая существенное снижение импорта газа из России с августа-сентября 2022 г., в осенне-зимний период 2022/2023 гг. ЕС придется пойти на принудительное сокращение и, с

высокой вероятностью, рационализация потребления газа, что может привести к рецессии. Без частичного восстановления импорта газа из России осенне-зимние периоды 2023/2024 и 2024/2025 гг. окажутся еще более сложными, так как шансов компенсировать дефицит предложения российского газа альтернативными поставками не существует, несмотря на значительное увеличение импорта сжиженного природного газа, в первую очередь из США. Даже в самых благоприятных сценариях для восстановления нормальной работы европейских энергетических рынков потребуются годы.

Глобальная продовольственная безопасность. Мировая продовольственная проблема приобретает кризисные черты. Причинами этого наряду с последствиями изменения климата, «переходящим» негативным эффектом пандемии коронакризиса, стали военно-политические конфликты и недостаточная устойчивость социально-экономических систем. За 2020-2021 гг. доля голодающих в населении мира выросла почти на четверть до 9,8%. При сохранении нынешних трендов в 2022-2023 гг. она может повыситься до 10-10,5%. По оценке ФАО, мировые расходы на импорт продовольствия в 2022 г. вырастут почти на 11%, а на ресурсы для сельхозпроизводства (в т.ч. удобрения) – на 48%. Продовольственная инфляция даже в большинстве стран с уровнем дохода выше среднего уже достигла 5-30%. Дальнейшие перспективы пока неясны. По актуальному прогнозу ФАО-ОЭСР, до 2031 г. динамика спроса на продовольствие может опережать рост населения, а также сельхозпроизводства в мире. Для преодоления эффекта этих расхождений нужны целенаправленные усилия мирового сообщества по обеспечению открытой, предсказуемой и недискриминационной мировой торговли агропродовольственной продукцией и удобрениями согласно правилам ВТО, предоставлению «пожертвований в натуральной форме и ресурсов» наиболее продовольственно-уязвимым странам, а также инвестиционное и иное содействие продуктивности и устойчивости национальных продовольственных систем путем укрепления глобальных цепочек поставок и снижения потерь продовольствия. Соответствующие цели были декларированы саммитами Группы 20 и АТЭС в ноябре 2022 г., а МВФ уже разрабатывает новый международный инструмент финансирования ввоза продовольствия и инвестирования в продовольственные системы стран с низким уровнем дохода – чистых импортеров, на которые приходится около 23% населения мира. Россия может активно включиться в эти процессы, опираясь на растущий потенциал и развитие экспортной транспортно-логистической системы своего АПК.

ЧАСТЬ II
ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

В 2022 г. российская экономика столкнулась с беспрецедентными вызовами, обусловленными резким обострением геополитической напряженности. Консолидированные усилия экономически развитых стран, направленные на подрыв экономического потенциала Российской Федерации, создали крайне неблагоприятный фон для экономического развития страны, устойчиво ухудшавшийся в течение всего 2022 г. Принципиальное значение при этом имели следующие обстоятельства:

- 1) замораживание международных активов страны на сумму более 300 млрд долл. США (с детальным обсуждением перспектив их конфискации и последующего использования для поддержки экономики Украины);
- 2) нарастающее санкционное давление, связанное как с ограничением возможностей взаимодействия резидентов стран-инициаторов санкций с российскими хозяйствующими субъектами, так и с распространением соответствующих ограничений на резидентов третьих стран, планирующих продолжать или развивать сотрудничество с Российской Федерацией («вторичные санкции»);
- 3) отключение ведущих российских банков от международных платежных систем и межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT (с угрозой распространения данной меры на всю банковскую систему России);
- 4) форсированное свертывание энергетического сотрудничества (осложненное разрушением инфраструктуры поставок природного газа в Европу по трубопроводам проектов «Северный поток-1» «Северный поток-2»), а также попытки сократить доходы от российского энергетического экспорта в третьи страны посредством механизма «потолка цен»;
- 5) отказ от сотрудничества с Российской Федерацией в сфере высоких технологий (в первую очередь технологий двойного назначения) и фактическое принуждение компаний из третьих стран к аналогичным шагам (в связи с чем, в частности, тайваньские и южнокорейские компании прекратили поставки микропроцессоров и микросхем в Россию);
- 6) полномасштабная атака на внешнеторговые связи России как по экспортным, так и по импортным операциям (включая не только высокотехнологичный, но и стандартный гражданский импорт), предполагающая отзыв у России режима наибольшего благоприятствования в торговле (что позволяет применять к ней повышенный уровень ввозных таможенных пошлин), а также отзыв статуса страны с рыночной экономикой со стороны США в ноябре 2022 г. (что открывает возможности для фактически произвольного установления размера антидемпинговых пошлин против товаров российского происхождения).

Дополнительным негативным фактором явился массовый уход из страны зарубежных компаний-инвесторов, обусловленный как последствиями санкционного давления, так и опасениями общего нарастания неопределенности в российской экономике под влиянием геополитических факторов. Согласно оценкам Центра стратегических разработок, по состоянию на начало сентября 2022 г. из 600 крупнейших зарубежных компаний, работавших в России, 34% ограничили деятельность в стране, 15% решили покинуть её и передать бизнес российскому собственнику и 7% заявили о полном уходе с рынка. Данный фактор создал значительные риски не только в плане снижения объемов промышленного производства и снабжения потребителей качественными товарами и услугами, но и с точки зрения сокращения численности высококачественных рабочих мест и сокращения высокооплачиваемой занятости.

Несмотря на эти вызовы, благодаря целенаправленной и эффективной антикризисной политике Российской Федерации удалось избежать значительных кризисных потрясений. Вопреки катастрофическим прогнозам, получившим распространение в первой половине 2022 г. (так, в апреле МВФ предсказывал падение ВВП России на 8,5% по итогам года), масштаб сокращения экономической активности оказался гораздо более умеренным. Согласно оценкам Росстата, ВВП страны в реальном выражении сократился на 0,4% в первом полугодии 2022 г. и на 4% в III квартале, что позволяет говорить о существенно более высокой устойчивости национальной экономики к геополитическим шокам, чем предполагалось инициаторами санкций. В октябрьском прогнозе МВФ спад производства в России в 2022 г. оценивается в 3,4%. По нашей оценке, ВВП России в 2022 г. сократится на 2,5%. По прогнозу МВФ ВВП России в 2023 г. сократится на 2,3%, по нашему прогнозу снижение экономической активности будет существенно меньшим. ВВП России в 2023 г. сократится на 1,5%.

Ключевыми факторами, обеспечившими такой результат, явились следующие. Во-первых, благодаря политике переориентации внешнеторговых связей, а также адаптации механизмов внешнеторговых поставок и платежных операций к новым санкционным условиям, стране удалось не только удержать, но и увеличить активное сальдо платежного баланса по текущим операциям. В соответствии с оценками Банка России, в январе-октябре 2022 г. оно достигло 215,4 млрд долл. США, что более чем в 2 раза превысило показатель аналогичного периода прошлого года. Это обеспечило приток в страну иностранной валюты в размерах, позволяющих сгладить влияние замораживания валютных активов. Такому росту активного сальдо также способствовало сокращение импортных операций.

Во-вторых, благодаря массивной поддержке промышленного производства (в т.ч. в секторе ОПК) удалось добиться не только предотвращения спада, но и умеренного роста (на 0,4%) промышленного выпуска в течение I–III кварталов

2022 г. В частности, объем добычи полезных ископаемых в реальном выражении увеличился на 1,9%, производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях – на 21,5%, производство компьютеров, электронных и оптических изделий – на 4,6%, производство готовых металлических изделий – на 3,5%. В то же время производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов сократилось на 43,3%, электрического оборудования – на 4,1%, текстиля и продукции деревообработки – почти на 10%. Это в первую очередь было обусловлено уходом с российского рынка иностранных компаний, предоставлявших необходимые технологии, а также сокращением экспортных возможностей (особенно в последнем случае). Тем не менее, общий баланс промышленного производства в целом оказался положительным.

В-третьих, вопреки алармистским ожиданиям относительно влияния экономических санкций на благосостояние населения, их эффект в данной сфере оказался хотя и выраженным, но умеренным. Согласно официальным оценкам, реальные располагаемые денежные доходы в январе-сентябре 2022 г. сократились в годовом выражении всего на 1,7%. Основным фактором снижения реальных доходов стало ускорение инфляции (до 12,63% в октябре 2022 г. по сравнению с целевым показателем 4,0% в годовом выражении). Соответствующий уровень инфляции в России – с учетом крайне жесткого санкционного давления – оказался, однако, лишь немногим выше аналогичного показателя в странах ЕС (11,5%), что свидетельствует о том, что геополитическая напряженность и разрыв взаимовыгодных экономических связей несет значимые экономические издержки не только для России, но и для ЕС.

Резкое сокращение интенсивности внешнеэкономических связей России ввиду санкционной политики экономически развитых стран и ухода из страны представляющих их компаний вызвало необходимость ускоренной переориентации торгово-инвестиционного взаимодействия на страны с развивающимися рынками. Наиболее перспективными партнерами являются страны Азиатского континента. Интенсификация связей с соответствующими странами может частично компенсировать сокращение российского энергетического экспорта (КНР, Индия, Турция), способствовать формированию новых международных цепочек добавленной стоимости с участием российских компаний (КНР, страны АСЕАН), а также обеспечить доступ к финансовым ресурсам и возможностям осуществления платежных операций в условиях вводимых санкционных ограничений (КНР, страны Персидского залива). Перспективы развития сотрудничества с другими развивающимися регионами мира (Латинская Америка, Африка) в краткосрочном периоде ограничиваются преимущественно внешнеторговой сферой и могут открыть дополнительные возможности для российского среднетехнологического

экспорта, а также для «дружественного импорта» востребованных российским рынком товаров.

Основными препятствиями для реализации соответствующих возможностей являются недостаточное развитие российской экспортной инфраструктуры в восточном направлении (особенно в сфере транспортировки углеводородного сырья), а также опасения потенциальных партнеров относительно введения экономически развитыми странами «вторичных санкций» за сотрудничество с Российской Федерацией и представляющими ее бизнес-субъектами. В случае сотрудничества в высокотехнологической сфере (в частности, в электронике) существенное значение имеет тот факт, что имеющиеся международные цепочки добавленной стоимости с участием азиатских компаний в подавляющем большинстве случаев включают также компании из развитых стран и/или производственные мощности на их территории, что не только препятствует вхождению в эти производственные цепочки российских компаний, но и подрывает стимулы у азиатских бизнес-субъектов налаживать двусторонние связи с российскими компаниями из-за опасения негативной реакции западных партнеров.

Устранение соответствующих препятствий требует как дополнительных инвестиционных затрат, так и наращивания усилий в сфере российской экономической дипломатии. В то же время реалистичные оценки готовности стран-инициаторов санкций нести связанные с ними издержки свидетельствуют о том, что время, необходимое для реализации соответствующих шагов, работает в пользу Российской Федерации.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ЗАМЕДЛЕНИЕ РОСТА

В 2022 г. мировая экономика в значительной степени преодолела последствия пандемии COVID-19. Создание вакцин, широкомасштабная вакцинация, появление лекарств для лечения заболевших в ближайшие годы приведут к трансформации болезни в сезонные заболевания, такие как простуда и грипп. Тем не менее, и в 2022-2023 гг. не исключены локальные карантинные и закрытие отдельных территорий, что, однако, не будет оказывать значительного влияния на экономику. Особое отношение к вспышкам болезни в Китае, где продолжают закрывать большие регионы и города, что негативно влияет на экономический рост. Однако в Китае наметилась тенденция к ослаблению этой политики, что может привести к стабилизации экономического роста на уровне 4-4,5%.

Хотя в 2022 г. продолжалась борьба с последствиями пандемии, которая продлится и в 2023 г., эффективное противодействие новым вспышкам болезни будет минимизировать их воздействие на экономический рост.

Цены на продовольствие начали расти во время пандемии. Поддержка домохозяйств во время пандемии в развитых странах в сочетании с количественными смягчениями привели к быстрому росту спроса на продовольствие, за которым не поспевало его предложение. Это было связано в первую очередь с нарушениями логистики. В результате индекс цен ФАО на продовольствие (за 100 берётся среднее значение за 2014-2016 гг.) снизившийся в 2020 году до 98,1, в 2021 году подскочил до 125,7, а в марте 2022 г. достиг пикового значения – 159,7. Далее по мере решения проблем логистики цены начали снижаться, и в октябре 2022 года индекс цен снизился до 135,9. Учитывая хороший урожай в основных странах-производителях продовольствия в 2023 г., цены продолжат свое снижение, изменить эту тенденцию смогут только какие-либо геополитические катаклизмы. Наиболее сложная ситуация с зерновыми, цены на которые достигли пика в мае 2022 г. – 173,5, а к октябрю снизились до 152,3. Однако начало поставок из Украины и вероятное снятие ограничений на поставки из России должны привести к нормализации ситуации на рынке и дальнейшему снижению цен этой группы продовольствия.

В Европе в условиях быстрого перехода к зеленой экономике, замене ископаемых топлив на возобновляемые источники энергии, стали возрастать потенциальные риски возникновения временных разрывов в обеспечении энергией. Эти риски стали реализовываться, начиная с лета 2021 г., когда началось сокращение поставок газа из России. В январе 2021 г. цена на газ в Европе (TTF) составляла 175 евро за 1000 кубометров, а в декабре того же года – почти 1400 евро. В августе 2022 г. цены достигли пика – 3700 евро за 1000 кубометров. Режим экономии потребления энергоресурсов, рост поставок из других источников, практически

полное заполнение хранилищ газа, теплая осень привели к снижению цен, которые к 10 ноября опустились ниже 1200 евро за 1000 кубометров. Помимо значительных результатов, достигнутых в повышении эффективности использования энергоресурсов, было возобновлено производство угольной генерации электроэнергии, отложено на весну закрытие двух АЭС в Германии. Эти усилия привели к изменению оценки рынком перспектив развития энергетики европейских стран и газовые фьючерсы на весь 2023 г. не превышают уровня 1350 евро за 1000 кубометров. С 10 августа Европой были прекращены закупки российского угля, с 5 декабря прекращены закупки нефти. Разрешено продолжить поставки для Чехии, Словакии и Венгрии, то есть из примерно 110 млн т можно будет поставлять около 10 млн т. С 5 февраля будут прекращены закупки нефтепродуктов из России – это примерно ещё 90 млн т. Это означает, что потребуются значительная перестройка потоков поставок на мировом рынке, как газа, так и нефти и нефтепродуктов. Часть экспортных объемов будет возможно переориентировать на другие страны, таким же образом произойдет переориентация Европы на другие источники нефти и газа. Страны семёрки приняли решение об установлении потолка цен на российскую нефть в размере 60 долл/барр. Обеспечением этих мер выступают запрет на использование танкерного флота, страхование поставок, их финансирование в случае, если цена, получаемая российским экспортером, будет превышать установленный странами семёрки предел.

Таким образом на перестройку мировых рынков потребуется 1-2 года. Одновременно будут продолжены усилия по декарбонизации и деметанизации, ускорению перехода к зеленой экономике.

Частичная потеря экспортных рынков Россией приведет к необходимости снижения производства, так как внутренний рынок не сможет поглотить все высвобождающиеся от экспорта объемы. Это будет означать снижение экспортных доходов бюджета. Не исключено сокращение производства и экспорта до 2,5 млн баррелей в сутки (23-24% от текущей добычи).

Длительность перестройки мировых энергетических рынков, связанная с изменениями географии поставок энергоносителей, экономией потребления энергии, ростом производства возобновляемых источников энергии будет сопровождаться возросшей волатильностью цен.

В начале 2021 г. в ЕС, а с апреля и в США начался рост потребительских цен. Причем во время пандемии инфляция в значительной степени определялась ростом цен на продовольствие. Однако во второй половине 2021 г. инфляция начала подстегиваться ростом цен на энергоресурсы. Большая финансовая поддержка, оказанная населению и бизнесу во время пандемии в развитых странах и

количественные смягчения привели к невиданному с 1970-ых гг. росту инфляции. В США годовая инфляция в 2021 году (декабрь к декабрю) составила 7,0%, а в Европейском союзе – 5,3%. В 2022 г. рост цен на энергоресурсы подстегнул инфляцию. В США к июню потребительские цены выросли до 9,1%, затем инфляция начала замедляться и в октябре уже составляла 7,7% на годовом уровне. В дальнейшем цены продолжают снижение и к концу 2023 г. могут вернуться на докризисный уровень. В ЕС в 2022 г. цены продолжили рост, который полностью определялся подорожанием энергоресурсов, за которым последовал рост цен на все остальные группы товаров. Как результат, в ЕС в октябре инфляция достигла 11,5% в расчёте на год. Если удастся стабилизировать цены на энергоресурсы на современном высоком уровне (1200-1300 евро за 1000 кубометров газа ТТФ, 90-95 долларов за баррель Brent), то весьма вероятно замедление роста цен, а с весны 2023 г. и их стабилизация. Однако возврат к докризисным значениям возможен не ранее 2024 г.

Таблица 1. Темпы прироста ВВП, %.

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО	
	2022	2023	2022	2023
Мир	3,2	2,7	3,3	3,0
Развитые страны	2,4	1,1	2,6	1,2
США	1,6	1,0	2,3	2,0
Япония	1,7	1,6	1,6	1,5
Великобритания	3,6	0,3	3,9	-1,0
Зона евро	3,1	0,5	3,2	0,2
ЕС	3,2	0,7	3,3	0,1
Германия	1,5	-0,3	1,7	-0,5
Франция	2,5	0,7	2,6	0,5
Италия	3,2	-0,2	3,8	0,1
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	3,7	3,7	3,8	4,4
Китай	3,2	4,4	3,5	4,5
Индия	6,8	6,1	7,5	7,0
Бразилия	2,8	1,0	2,8	2,5
Россия	-3,4	-2,3	-2,5	-1,5

Источник: IMF WEO Database, ИМЭМО РАН.

ФРС и ЕЦБ поставили своей главной задачей борьбу с инфляцией и начали повышать ключевые ставки. ФРС уже повысила ставку до 4,0%, ЕЦБ – до 2,0%,

Банк Англии – до 3,0%. В дальнейшем при торможении инфляции центральные банки прекратят повышение ключевых ставок и даже могут начать их снижение, чтобы избежать опасности рецессии в их экономиках.

После падения **мировой экономики** в 2020 г. на 3,0% в 2021 году последовало быстрое восстановление – мировая экономика возросла на 6,0%. В Китае рост ВВП за 2020 г. составил 2,2%, а в остальных крупных экономиках мира по итогам 2020 г. наблюдалось падение производства. Такие крупные экономики как США, Индия, Россия уже в 2021 г. превысили показатели предкризисного 2019 г. Американская экономика возросла в 2021 г. на 5,9%, экономика Индии – на 8,7%, и России – на 4,7%. Практически все страны мира преодолели последствия кризиса и превысили показатели 2019 г. во втором квартале 2022 г. При росте мировой экономики в 2021 г. в 6,0% только сфера мирового туризма не достигла предкризисных показателей, и этот уровень будет превышен не ранее 2023 г. Это означает, что имеются существенные резервы роста мировой экономики в предстоящие годы.

Падение мирового производства в ближайшие годы нам представляется крайне маловероятным. Экономика Китая даже при продолжении использования локдаунов для борьбы с коронавирусом, имеющимися экономическими проблемами, особенно на рынке недвижимости, будет развиваться в предстоящие годы темпами 3-5%. Экономика Индии будет развиваться темпами не ниже 7% в год. Экономика США будет развиваться темпами около 2% в год. Наибольшие риски мы видим в развитии экономики Европы. Однако по прогнозам МВФ рост и в ЕС, и в ЗЕ будет положительным. Вместе с тем, в Германии и в Италии в 2023 г. возможно падение производства на 0,5% и 0,3% соответственно. Все зависит от того, как эти экономики пройдут зиму 2022-2023 г. Если удастся избежать закрытия целых производств, то экономики этих стран могут избежать падения.

Экономика России после быстрого восстановления в 2021 г. (рост на 4,7%) в 2022 г. окажется в зоне отрицательных значений. По нашим оценкам падение может составить до 2,5%. В 2023 г. скорее всего также будет наблюдаться падение производства около 1,5%. В дальнейшем начнется экономический рост, который составит 2-2,5%.

Мировая торговля. Общая ситуация на мировом рынке характеризуется действием целого ряда угроз: эпидемиологическая обстановка, торговые и технологические войны, политические и военные конфликты. При этом действие факторов, сдерживающих рост торговли, усиливается.

По данным МВФ, темпы прироста мирового ВВП сокращаются. Если в 2021 г. они составили 6%, то в 2022 г. оцениваются в 3,2%, а в 2023 г. прогнозируются на уровне 2,7%. Можно предположить, что в 2023 г. темпы прироста физического

объема мировой торговли, которые в 2022 г., по предварительной оценке, сократились с 10% до 4%, еще более уменьшатся и составят 2-3%.

Если в период восстановительного роста в 2021 г. мировая торговля росла примерно в 1,7 раза быстрее мирового ВВП, то в 2022 г. данное соотношение составило уже 1,3, а в 2023 г. темпы роста торговли и ВВП предельно сблизятся и коэффициент эластичности мировой торговли по ВВП, по всей вероятности, будет равен примерно 1. В последующие годы темпы прироста мировой торговли будут незначительно, в 1,1-1,2 раза превышать темпы прироста мирового ВВП.

Хотя оборот мировой торговли превзошел допандемийный уровень уже в 2021 г., влияние COVID-19 по-прежнему ощущается. Особенно отчетливо оно проявляется в политике КНР, характеризующейся крайне строгими санитарными мерами. Наблюдаемое сегодня и ожидаемое в следующем году замедление экономического роста КНР может сыграть заметную роль в сдерживании мировой торговли.

Следствием повышения учетных ставок центральными банками является удорожание кредита и, соответственно, охлаждение потребительского и инвестиционного спроса, что самым непосредственным и негативным образом сказывается на состоянии мировой торговли. Кроме того, мировая торговля продолжает сталкиваться с препятствиями со стороны логистики: нехваткой подвижного состава и судов нужного класса, ограниченной пропускной способностью путей сообщения и морских портов.

Рост цен на продовольствие и удобрения, начало которому положили ограничения, введенные в период пандемии, по всей вероятности, продолжится в 2023 г. Теперь уже – под влиянием сжатия предложения, вызванного последствиями обострений в политической сфере. Удорожание продуктов питания, как и товаров топливной группы, ухудшает финансовое положение и покупательную способность, особенно, небогатых развивающихся стран, с трудом справляющихся с обслуживанием внешних заимствований. Результатом может стать резкое обострение мировой долговой проблемы, способное стать триггером нового мирового экономического кризиса, который приведет к существенному сокращению оборота международной торговли.

Основными источниками дестабилизации мировой торговли останутся обострение политической ситуации в мире и экономическое противостояние США и КНР. Последнее нарастает в двух сферах – торговой и технологической. Если торговые конфликты могут быть преодолены в сравнительно короткое время, то соперничество второго рода может иметь долгосрочные негативные последствия, чреватые возникновением глобального технологического раскола, разделяющим мировую экономику на два соперничающих блока.

В ближайшие годы реализации такого сценария препятствует сохраняющееся несомненное научно-техническое лидерство США, которое позволяет Вашингтону в некоторой степени держать процесс под контролем и делает экономически нецелесообразными автохтонные технологические проекты в догоняющих странах. Однако наряду с экономическими, существуют политические мотивы, которые в иных обстоятельствах могут оказаться решающими. К тому же отставание КНР, как и развивающихся стран в целом, имеет тенденцию к сокращению. Поэтому в долгосрочном плане угроза глобального технологического раскола может стать реальностью.

Все эти факторы, каждый по-своему, не просто обрывают устоявшиеся экономические связи, но и расшатывают правовые основы многосторонней торговой системы, которая и без того переживает длительный кризис, связанный, впрочем, с объективными закономерностями глобального развития. Преодоление этого кризиса видится на пути дальнейшего развития системы глобального управления мировой торговлей.

В 2022 г. после череды провалов, отмечавшихся в предшествующие годы, в деятельности ВТО наметился некоторый прогресс. Проходившая в июне 12-ая Министерская конференция ВТО завершилась явным успехом: были приняты решения по рыболовным субсидиям, реагированию на чрезвычайные ситуации и электронной торговле. Особенно важно, что был запущен процесс подготовки предложений по реформированию самой организации и намечены сроки их рассмотрения – на следующей конференции ВТО, которая должна состояться в конце 2023 г.

В обозримой перспективе растущее внимание в системе многостороннего регулирования торговли будет уделяться проблемам, связанным с климатической повесткой. В частности, ощутимый вклад как в борьбу с изменением климата, так и в стимулирование международной торговли, считают в ВТО, внесет устранение таможенных тарифов и нетарифных барьеров в торговле экологическими товарами и услугами. Однако наступление мирового экономического кризиса и резкое ухудшение политической обстановки могут перечеркнуть эти планы.

МИРОВАЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

Основные факторы, которые будут воздействовать на мировую валютно-финансовую систему, следующие:

- а) «прорыв» инфляции в развитых странах;
- б) локдауны в Китае из-за вспышек коронавируса, тормозящие экономический рост в этой стране и как следствие, охлаждающие мировой спрос;
- в) политика центробанков развитых стран, вынужденных реагировать на вспышку инфляции в нынешнем году и одновременно стремящихся не спровоцировать сваливание их экономик в рецессию;

Валюты. Доллар США находится в центре мировой финансовой системы. При этом в результате принятых американской администрацией мер реагирования на украинский кризис, страны еврозоны и Великобритания уже несут большие экономические издержки, чем США. В результате осенью 2022 г. курс евро периодически опускался ниже одного евро за доллар США, а фунт стерлингов почти сравнялся с долларом. Поскольку указанное распределение потерь, вероятно, сохранится и в 2023 году можно предположить, что евро, вероятно, будет колебаться к доллару в диапазоне 0,85–1,1, а фунт стерлингов – 1,0–1,2. Поскольку центробанк Японии воздерживается от повышения учётной ставки, иена, возможно, продолжит ослабляться к доллару в диапазоне 140–160. Наиболее вероятным в динамике китайского юаня представляется его медленное, в небольших пределах, то укрепление, то ослабление к доллару США. Валюты стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, как обычно, будут отличаться повышенной волатильностью, которая в этот раз будет также зависеть и от характера санкционных мер, принимаемых США и их союзниками.

К настоящему времени, реализация данных мер, особенно в части изоляции РФ от инфраструктуры расчётов в долларах, евро, фунтах стерлингов и иенах, а также беспрецедентная по масштабам заморозка российских зарубежных активов, привела к серьёзному росту озабоченности во многих развивающихся странах по поводу собственной уязвимости к подобным мерам и способствовало определённому увеличению интереса к другим валютам в международных расчётах. Это обстоятельство побудило ФРС США оценить вероятность потери долларом своей роли ведущей мировой резервной валюты. Так, один из 4-х рассмотренных сценариев допускает, что такое может произойти, если Китай с Гонконгом, Индия, Саудовская Аравия и ряд других развивающихся стран переведут в юани экспортные расчёты со странами, не относящимися к союзникам США. Однако такой сценарий оценивается как маловероятный, поскольку для его реализации недостаточно только политических решений перечисленных стран по переводу внешнеторговых расчётов в юани. Необходимы в первую очередь

принципиальные изменения архитектуры денежно-кредитных систем в указанных странах. Например, Китай должен полностью отказаться от контроля за движением капитала, превратив юань в свободно конвертируемую валюту, а Саудовская Аравия прекратить привязку риала к доллару США.

Фундаментальные причины, которые бы побудили упомянутые страны к таким изменениям, пока не просматриваются. Таким образом, в 2023 году доминированию доллара ничего не будет угрожать, но его доля в международном обороте, возможно, начнет незначительное сокращение.

Инфляция. В 2021 г. произошла глобальная постпандемическая вспышка инфляции. Темпы её роста в развитых странах составили 3,1%, а в развивающихся и странах с формирующимся рынком – 5,9%. Однако в 2022 г. ситуация обострилась. Избыточная денежная масса в развитых странах давно накапливалась в результате длительного проведения политики количественного смягчения в различных её формах, а также чрезвычайной поддержки домашних хозяйств и компаний в период пандемии. Долгое время инфляцию удавалось сдерживать посредством перетока избытка денег в финансовые активы и на счета ФРС. Результатом чего стал длительный рост фондовых рынков и, даже появилось понятие «опережающая инфляция финансовых активов». Бесконечно так продолжаться не могло и в 2021 г. во всём мире наблюдался рост инфляции несколько большими темпами, чем в предыдущие годы.

Однако в 2022 г. «плотину взорвали» санкционные меры США и их союзников. В результате к концу года во многих развитых странах инфляция достигла уровней, не виданных с 1970-х годов. Так, в мире в целом инфляция в среднем за 2022 г. составила 8,8%, в развитых экономиках – 7,2% (США – 8,1%, Япония – 2,0%, Германия – 8,5%, Франция – 5,8%, Великобритания – 9,1%), в развивающихся странах – 9,9% (КНР – 2,2%, Индия – 6,9%, Бразилия – 9,4%, Мексика – 8,0%).

В США инфляция начала снижаться с июня 2022 г. и в 2023 г. прогнозируется в размере 3,5%. В остальных странах набранный темп инфляции, вероятно, сохранится до начала 2023 г. В дальнейшем начнется её снижение, по прогнозам МВФ в 2023 г. среднегодовая инфляция в мире составит 6,5%, в развитых странах – 4,4% (США – 3,5%, Япония – 1,4%, Германия – 7,2%, Франция – 4,6%, Великобритания – 9,0%), в развивающихся странах инфляция снизится до 8,1% (КНР – 2,2%, Индия – 5,1%, Бразилия – 4,7%, Мексика – 6,3%). Дальнейшие темпы инфляции будут зависеть не только от политики ведущих центробанков, но и от масштаба денежной помощи, которую развитые страны планируют направить своему населению и компаниям для компенсации резкого роста цен, особенно на газ и электроэнергию.

Процентные ставки. В 2022 году центральные банки развитых стран быстро повышали учётные ставки: ФРС США с 0,25/0,5 до 3,75/4,00%, ЕЦБ с 0% до 2%, Банк Англии с 0,25% до 3,00%. Только Банк Японии сохраняет ставку -0,1%, продолжая сверхмягкую монетарную политику. В 2023 г. ведущие центробанки будут решать две противоположные задачи одновременно. С одной стороны, необходимо бороться с инфляцией. С другой, требуется предотвратить сползание экономик стран в рецессию, поскольку ожидается снижение годовых темпов роста ВВП. Например, по оценке МВФ, в США до 1,0%, в Японии до 1,6%, в Германии до -0,3%, во Франции до 0,7% и в Великобритании до 0,3%.

Поэтому наиболее логичным представляется, что ведущие центробанки, кроме японского, продолжат повышение ставок: в США до 4,25%, в еврозоне до 3% и в Великобритании до 3,5%. Но затем при снижении инфляции в своих странах начнут понижать учётные ставки.

Исходя из сказанного, в следующем году не избежать удорожания кредитов во всех развитых странах. В развивающихся странах будет та же тенденция, только при более высоком в 2–3 раза уровне ссудного процента.

Золото. Поскольку наиболее вероятным представляется, что доллар США продолжит укрепляться в следующем году, а США и их союзники продолжают попытки блокировать экспорт золота из РФ, то на цену золота будет оказываться понижающее давление. Поэтому его цена в 2023 г. вероятно будет колебаться в диапазоне 1650–1850 долл. В то же время за 9 месяцев 2022 г. покупки золота мировыми центробанками были самыми крупными с 1967 г., что указывает на возможные сюрпризы в части изменения политики ряда стран по отношению к золоту.

Государственный долг. В следующем году, вероятно, прекратится снижение соотношения госдолга и ВВП, которое наблюдалось в большинстве крупных экономик мира в 2021–2022 гг. В течение всего 2023 г. госдолг будет нарастать. Основные причины этого – замедление темпов экономического роста во всех крупных экономиках и недостаточный рост доходов госбюджетов. У США и их союзников дополнительный непредвиденный рост расходов будет обусловлен необходимостью компенсировать своим гражданам и компаниям резкий рост цен на газ и электроэнергию. При этом дефолта по госдолгу в крупных экономиках не ожидается.

В 2023 г. рост отношения госдолга к ВВП в США достигнет 123–126%, в Германии – 74–76%, во Франции – 112–117%, в Великобритании – 91–98%, в Японии – 265–270%, в развивающихся экономиках – 67–75%, в т. ч. в Китае – 85–88, и Индии – 84–85%.

Рынки акций. Мягкая монетарная политика, проводившаяся в развитых странах в предыдущее десятилетие, способствовала длительному росту фондовых рынков, исключая небольшой период во время пандемии в 2020 г. Однако в 2022 г. геополитическая напряжённость принесла большую волатильность и на эти рынки. Реагируя на возросшую инфляцию и ожидания замедления роста в 2022 г. рынки в основном снижались. Так DJIA снизился с 36 595 (03.01.2022) до 29 455 (12.10.2022), NASDAQ Composite с 15 832 (03.01.2022) до 10 494 (12.10.2022), а S&P500 – с 4 797 (03.01.2022) до 3 608 (12.10.2022). В 2023 г. эти же факторы будут продолжать воздействие на фондовые рынки.

Прямые иностранные инвестиции. После падения в период пандемии, в 2021 г. отмечался существенный рост потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире, превысивших 1,8 трлн долл. Наибольший рост притока ПИИ – более чем в 2 раза – наблюдался в развитых странах. Приток ПИИ в развивающиеся страны за год повысился гораздо меньше – всего на 30%. Вместе с тем на протяжении ряда лет масштабы потоков ПИИ в мире снижаются. В 2022 г. увеличение цен на энергоносители, рост инфляции и срыв многих цепочек поставок могут привести к стабилизации или продолжению снижения объемов прямых иностранных инвестиций. В 2023 г. эти тенденции продолжатся.

ЭКОЛОГИЯ

Глобальные тенденции. Экологические риски и впредь будут находиться на верхних строках при ранжировании «больших вызовов» глобальной повестки. По международным опросам, результаты которых представлены в последнем докладе «The Global Risks Report 2022», Всемирного экономического форума, они будут регулярно входить в пятерку основных глобальных рисков наряду с геополитическими и социально-экономическими вызовами мировому развитию, благополучию планеты и ее жителей.

В общей структуре глобальных экологических рисков наиболее серьезными с точки зрения их последствий для общества останутся – изменение климата, стихийные бедствия и сокращение биоразнообразия (море и суша). Согласно последнему докладу ВМО о состоянии глобального климата в 2022 г. каждый из последних восьми лет был теплее, чем предыдущие, и одновременно наблюдался рост интенсивности и продолжительности сильной жары, засух, штормов, наводнений и лесных пожаров. Прослеживаются и новые региональные особенности климатических изменений. Так, в Арктике изменение климата происходит сейчас в три раза быстрее, чем в среднем на планете. При этом их последствия в краткосрочном плане пока оцениваются как умеренные по сравнению с предполагаемым усилением их негативного эффекта в долгосрочной перспективе. Количественные оценки фактических национальных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов показывают, что за текущее десятилетие их глобальные выбросы могут возрасти примерно на 14%.

На этом фоне наблюдается ежегодный рост числа, интенсивности и ущерба от разрушительных стихийных бедствий, обусловленных сочетанием экстремальных погодных явлений и антропогенных факторов. Согласно глобальной статистике, зарегистрированной в 2022 г. международной системой «База данных о чрезвычайных ситуациях», за предыдущий год в мире зафиксировано 432 крупных стихийных бедствий с серьезными социально-экономическими последствиями. В результате пострадало 101,8 млн человек, экономический ущерб исчислялся в 252,1 млрд долл. (рост более чем в 2 раза за двухлетний период), а число смертельных случаев от чрезвычайных ситуаций увеличилось до 10,5 тыс.

Все чаще при оценке международным сообществом масштабов и негативных последствий экологических изменений (для общества и природы), а также при атрибуции причин и главных драйверов в их динамике выделяются проблемы, связанные с неудачами в управлении экологическими рисками. Прежде всего, это относится к институциональным основам – недостаточно эффективной координации действий на глобальном уровне и к неудовлетворительной имплементации поставленных целей, стратегий и планов действий. В докладе ВЭФ

по Глобальным Рискам, 2022 г. «неудачи климатических действий» (climate action failure) рассматриваются в числе серьезных вызовов мировому развитию, а в международной оценке ЮНЕП неэффективность системы управления действиями по снижению выбросов названа как одна из причин растущего разрыва между поставленными количественными целями и фактическим сокращением уровня выбросов. Уникальный анализ научных знаний, накопленного опыта, проблем и перспектив развития международной системы климатического управления представлен в недавно опубликованном шестом Оценочном докладе IPCC «Изменение Климата 2022».

В настоящее время наблюдается разрыв между заявленными целями и количественными результатами их реализации. В выводах последнего регулярного доклада ЮНЕП, содержащего оценки фактических и планируемых уровней и динамики выбросов парниковых газов «Emissions Gap Report 2022: Closing the window», представленном накануне COP-27, указывается, что международное сообщество пока не в состоянии выполнить цели Парижского соглашения даже по ограничению к концу века потепления не более чем на 1,5 гр С: для этого нужно сократить глобальные выбросы на 45% к 2030 г.; а для 2 гр С ограничения – на 30%. Предпринимаемые сейчас климатические действия, даже с учетом недавнего ужесточения добровольных национальных обязательств 29 странами, могут обеспечить ограничение роста глобальной температуры лишь на 2,4-2,6 гр С к концу века. Сложившаяся современная система климатического управления, оценивается в нем как кризисная.

6-18 ноября 2022 г. в Египте (г. Шарм-аль-Шейх) состоялась COP 27, в повестку дня которой были включены следующие вопросы: климатическая адаптация; финансовые механизмы; потери и ущерб; передача технологий; имплементация ответных мер; выполнение долгосрочных целей. При открытии COP 27 Генсеком ООН А. Гутерришем была подчеркнута необходимость дальнейшего совершенствования «климатической солидарности», партнерств и системы совместных действий.

В последнее десятилетие наметились новые тенденции в имплементации совместных стратегий и планов действий в области устойчивости, а также интересные координационные подходы в рамках глобальной системы управления устойчивым развитием. Последняя базируется на достаточно стройном дизайне основных мер для перехода на устойчивое развитие к 2030 г. по 17 целям устойчивого развития (ЦУР) глобальной стратегии ООН. В последние годы достигнут серьезный прогресс в повышении доступности и качества сопоставимых на международном уровне данных национальной отчетности для мониторинга

выполнения ЦУР. Число показателей устойчивости, включенных в глобальную базу данных ЦУР возросло со 115 в 2016 г. до 217 в 2022 г.

В последнем международном докладе ООН 2022 г. о глобальном устойчивом развитии (Global Sustainable Development Report, 2022) представлен обзор основных итогов действий и прогресса по каждой из ЦУР. Указывается, что реализация каждой из семнадцати ЦУР оказалась под негативным воздействием нескольких современных кризисов, имеющих кумулятивный эффект – пандемия COVID-19, изменения климата и украинский кризис. Согласно докладу их последствия могут «отдалить переход к более устойчивому мировому развитию». В нем подчеркивается, что возвращение мирового сообщества на траекторию устойчивого развития потребует согласованных усилий и координации на глобальном уровне.

Регионализм. Основные тенденции регионализации и формирования региональной политики устойчивого развития в настоящий момент наиболее четко прослеживаются в деятельности Европейского Союза (ЕС). Именно институты ЕС позволяют охватить все многообразие общественных отношений, формирующихся сейчас на основе концепции ESG (экономического, социального и корпоративного управления).

На начальном этапе наблюдалось усиление правового регулирования, которое проявляется, во-первых, в предпочтительной форме принимаемых законодательных актов, а именно – регламентов, не требующих дополнительного срока на имплементацию.

Во-вторых, в сохранении тенденции принятия рамочных актов, на примере так называемой Зеленой таксономии. Вступившая в законную силу в 2020 г., она создает необходимую основу для принятия в рамках делегированных полномочий Европейской комиссией технических и иных требований, позволяя более оперативно принимать решения.

Что касается механизма СВМ, находящегося в настоящий момент в процессе разработки, то он также содержит рамочные положения, создающие базу для последующего принятия уточняющих документов.

Среди основных проблем, с которыми столкнется реализация проекта СВМ на практике, стоит отметить принятие специализированной номенклатуры. Так, в отличие от Зеленой таксономии или механизма торговли квотами, введенного соответствующей директивой от 2003 г., в рамках СВМ планируется перейти от привычной системы определения секторов или направлений деятельности – к указанию товаров и соответствующих материалов.

В-третьих, продолжится работа по созданию Социальной таксономии ЕС, которая в совокупности с ранее принятой Зеленой таксономией, представляет собой комплекс мер, разработанных в рамках ЕС и направленных на содействие реализации глобальных ЦУР ООН по устойчивому развитию.

Как указано в проекте, отсутствие четкого определения сущностных характеристик социальных инвестиций сдерживает их развитие и потенциальный вклад в решение социальных проблем. В частности, отсутствие согласованных стандартов, значительное количество проектов с приставкой «социальный» не позволяет сделать разумный выбор, в том числе со стороны инвесторов.

Социальная таксономия может решить эти проблемы, а также облегчить инвесторам принятие обоснованных и последовательных решений. Тем не менее, механизмы, используемые для верификации экологически безопасной и устойчивой деятельности, не могут в равной степени быть применены к области социального развития.

В-четвертых, важно, на наш взгляд, отметить возрастающий интерес к альтернативным источникам энергии. Речь идет как об общих требованиях, касающихся пересмотра Директивы о возобновляемых источниках энергии, так и более конкретных законодательных предложениях, являющихся частью программы Fit for 55, например, о проекте Регламента о внутренних рынках ВИЭ и природных газов и водорода. В настоящий момент производство так называемого «синего» водорода приобретает все более значительную роль, в том числе рассматривается, как замена другим видам ископаемого топлива – углю и природному газу, а, следовательно, потребует создания в рамках ЕС скоординированного механизма правового регулирования.

Зеленое финансирование. 2022 год, как и постпандемийный 2021, по количественным показателям оказался не столь успешным, как это прогнозировалось ранее.

По оценке СВИ в первой половине 2022 года общий объем эмиссии устойчивых облигаций, включая «зеленые», социальные, устойчивые, ориентированные на ESG принципы, «связанные» устойчивые (sustainability-linked) и «переходные» сократился по сравнению с 1 половиной 2021 года более, чем на 20% и составил 417,8 млрд долл. В III кв. 2022 г. объемы эмиссии всех видов устойчивых облигаций, включая «зеленые» продолжали сокращаться. Снижение составило 35% по сравнению со II кв. 2020 г. и 45% по сравнению с III кв. 2021 г. Это связано с энергетическим кризисом в Западной Европе, с повсеместным ростом инфляции, волатильностью на финансовых рынках, а также с обострением геополитической ситуации. Накопленная сумма эмиссий по всем видам облигаций за весь период

исследований с 2017 г. к концу III квартала 2022 г. достигла 3,5 трлн. долл., в том числе «зеленых» превысила 2,0 трлн., причем выпуск «зеленых» и «переходных» облигаций в процентном отношении был наиболее значим во II квартала 2022 г. Следует также отметить, что, по оценке СВИ, доля эмиссии устойчивых облигаций, в общем объеме выпущенных на мировых рынках за 3 квартала 2022 г., не изменилась по сравнению с 2021 г. и составила 5%.

«Зеленые» облигации в 2022 г. по-прежнему лидируют, составляя 52%, на социальные приходится 15%, устойчивые – 22%, «связанные» устойчивые – 10%, «переходные» – только около 1%, поскольку еще до конца не разработаны многие критерии для вычленения данной категории облигаций в самостоятельную. «Переходные» облигации – это инструмент, который призван помочь крупным источникам выбросов CO₂ перейти к более экологически «чистой» и ответственной деятельности на пути к полной декарбонизации. Уже сам факт появления и рост суммы эмиссий этих облигаций свидетельствует о том, что в мире меняется отношение к основным направлениям финансирования энергетического перехода: приходит понимание того, что переход не может быть унифицированным и одновременным для всех стран. При этом очевидно, что в перспективе роль «переходных» облигаций будет расти, в том числе в связи с их включением в «зеленые» таксономии целого ряда государств, среди которых следует особо отметить страны Тихоокеанской Азии.

В 2022 году продолжало расти число стран, эмитирующих устойчивые облигации, в том числе «зеленые», однако по-прежнему по объему эмиссии лидирует Европейский союз. При этом страновыми лидерами по выпуску «зеленых» облигаций в 2022г. стали Китай, США, Германия. Всего число стран-эмитетов составило 98. Основными валютами эмиссии «зеленых» облигаций являются евро, доллар США и китайский юань. На них приходится более 80% рынка, где используется более 63 различных валют.

В разрезе основных направлений финансирования особенно показателен анализ так называемых «связанных» облигаций, поскольку здесь каждый заем связан с определенной целью в сфере устойчивости и оценкой КРІ в ее достижении. По имеющимся данным за 2021 – первую половину 2022г.г. преобладающей являлась цель по снижению выбросов CO₂ – от 45 до 60% проектов, причем максимум был достигнут в IV кв. 2021 г. и в I кв. 2022 г. Наряду с декарбонизацией все более широкое внимание привлекает вопрос сохранения биоразнообразия, о чем свидетельствует рост числа проектов по данному направлению.

Несмотря на некоторое сокращение количественных показателей «зеленого» финансирования оно, как и «зеленая» экономика, остается мейнстримом мирового экономического развития. Причем большинство лидеров не только поддерживают

эти тенденции, но и заявляют о необходимости форсировать данные процессы. Во многих странах продолжает активно создаваться нормативно-правовая и институциональная базы для «зеленого» финансирования. В 2022 г. увеличилось число стран, принявших «зеленые» таксономии, причем параллельно развиваются две тенденции: одна к диверсификации классификационных подходов в соответствии с национальными приоритетами, другая – к их гармонизации для достижения целостности международного финансового рынка.

Лидером выступает ЕС, что позволяет странам–членам с большей уверенностью классифицировать финансовые продукты в качестве «зеленых». Так в 2022 г. было введено дополнение к Регламенту ЕС по «зеленой» таксономии, принятому в 2021г. Согласно дополнению атомные электростанции и электростанции с использованием газа будут включены в таксономию в качестве «переходных» категорий с 1 января 2023 г. Правда, по мнению европейских экспертов, инвестиции в эти отрасли будут ограничены необходимостью соблюдать жесткие критерии по объемам и срокам. Постоянно совершенствует свою регуляторно-нормативную базу Китай, активны Сингапур, Индонезия и другие азиатские страны, а также государства Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки.

Одновременно продолжает развиваться нормативное регулирование по предоставлению нефинансовой отчетности компаниями и банками, которая до сих пор носит преимущественно добровольный характер. В ЕС по Регламенту 2019 г., который регулирует раскрытие информации по устойчивым проектам в сфере финансовых услуг и имеет обязательный характер (вступил в силу с 2021 г.), в 2022 г. были приняты необходимые технические стандарты.

Тем не менее, реальная практика «зеленого» финансирования существенно отстает от политической риторики и усилий по созданию нормативно-правовой базы. Разрыв между прогнозируемыми потребностями в таком финансировании (по разным оценкам до десятков триллионов долларов США в год) и реальными инвестициями остается значительным, особенно для развивающихся стран.

Угроза экономической рецессии во многих развитых странах, а также рост суверенных долгов ограничивают возможности государственного участия в «зеленом» финансировании, поэтому в 2022 г. особенно часто поднимался вопрос о необходимости укрепления государственно-частного партнерства, в том числе использования возможностей банков развития, прежде всего международных (IFI).

В 2023 г. можно ожидать дальнейшего развития рассмотренных основных тенденций, при этом количественные показатели ежегодной эмиссии скорее всего останутся на уровне 2022г. В среднесрочной перспективе, по мнению большинства экспертов, «зеленое» финансирование возобновит свой рост.

ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА

Продовольствие

В 2022 г. на развитие мирового производства и торговли сельскохозяйственным сырьем и продуктами его переработки наряду с уже действовавшими факторами – экстремальными погодно-климатическими явлениями, распространением сельскохозяйственных болезней и вредителей, нарушениями на мировом энергетическом рынке, пандемией COVID-19 – негативно влиял украинский кризис и антироссийские санкции Запада.

В растениеводстве ставшие практически регулярными засухи в «пшеничном и кукурузном поясах» США, самая сильная за 70 лет жара и засуха в ЕС, хроническая нехватка дождей и тепловые волны в других странах – крупных мировых экспортерах (Австралии, Аргентине, Бразилии) и продуцентах (Индии, Китае) подрывают мировой сектор базовых (пищевого и фуражного зерна), а также ряда специфических (кофе) продуктов. По имеющимся оценкам, уже более 16% мировых посевов пшеницы, около 13% – кукурузы и почти 34% – сои подвержены хроническому риску умеренной или экстремальной засухи. В ЕС летом 2022 г. 11% территории находились в состоянии чрезвычайной опасности засухи, в Китае жара затронула 20% сельхозпроизводства, в Индии засуха на 13% сократила посевы риса. Восток и юг Африки (от Кении до ЮАР) подвергся самому масштабному за последние годы нашествию саранчи, уничтожающей урожай. Саранча угрожает сельхозкультурам в странах Центральной Азии, ряда регионов России и даже ЕС (Италии). В животноводстве наряду с негативным влиянием жары и недостатка воды, удорожания белковых кормов постоянно возникают новые очаги болезней животных. Только за август 2022 г. в 20 странах были зарегистрированы почти 150 таких очагов, в т.ч. крайне опасных африканской чумы свиней, птичьего гриппа. Негативный эффект «собственно аграрных» факторов усугубляется внешними – прежде всего нарушением поставок и резким удорожанием, как агропродовольственных товаров, так и энергоресурсов и удобрений для их производства. В целом в мире в 2022/23 сельскохозяйственном году, благодаря хорошим урожаям в Канаде и России, прогнозируется рост производства пшеницы лишь на 0,6%, обеспечивающий однако рекордный сбор в 784 млн т. Производство фуражного зерна снизится почти на 3% до 1467 млн т (кукурузы – на 4%), а его запасы будут самыми низкими за последние десять лет. Сбор риса вероятно снизится на 2,4%, оставаясь на близком к среднему за последние три года уровне, благодаря стабильным объемам посевов в Азии и восстановлению производства в Африке. Ожидается прирост общего производства масличных на 7%, прежде всего из-за роста сборов сои и рапса при вероятном снижении производства семян

подсолнечника. Прогнозируется увеличение мирового производства сахара на 2,6% в связи с ожидаемым ростом урожая сахарного тростника в Бразилии, Китае и Таиланде, компенсирующего снижение производства сахара в ЕС и Пакистане.

Таблица 2. Мировые и российские производство и экспорт зерна, подсолнечного масла, (млн т по сельскохозяйственным годам)

	2019/2020	2020/2021	2021/2022	2022/2023
Мир				
Производство зерна,	2680,3	2725,0	2793,3	2747,0
в т.ч. пшеницы	761,5	774,5	779,6	784,0
Экспорт зерна,	454,6	486,1	496,1	486,0
в т.ч. пшеницы	194,5	199,3	205,2	207,0
Производство подсолнечного масла	21,2	19,0	19,9	20,1
Экспорт подсолнечного масла	13,1	11,3	11,0	10,6
Россия				
Производство зерна,	121,2	133,5	121,4	153,0
в т.ч. пшеницы	74,5	85,9	76,0	101,0
Экспорт зерна,	44,4	49,0	38,1	60,0
в т.ч. пшеницы	34,8	39,1	33,0	44,0
Производство подсолнечного масла	5,7	5,1	5,8	6,2
Экспорт подсолнечного масла	3,5	3,2	3,1	4,4
Доля России (%) в мировом:				
Производстве зерна,	4,5	4,8	4,4	5,6
в т.ч. пшеницы	9,8	11,1	9,8	12,9
Экспорте зерна,	9,8	10,1	7,9	12,3
в т.ч. пшеницы	17,8	20,3	15,1	21,2
Производстве подсолнечного масла	26,8	26,8	29,1	30,8
Экспорте подсолнечного масла	26,7	28,3	28,2	41,5

Источник: рассчитано по данным ФАО ООН, Минсельхоза США, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций производителей РФ, 2022/2023 – прогноз

В 2022 г. ожидается небольшой прирост мирового производства мяса и мясопродуктов (в т.ч. свинины на 1,8%), прежде всего благодаря росту свиноводства в Китае, ското- и птицеводства в Южной Америке. Предполагается лишь незначительный (0,6%) прирост производства молока и молокопродуктов (из-за снижения его в ЕС, Австралии, Новой Зеландии и Турции). Мировое

производство продукции рыболовства и аквакультуры возрастет на 1,2% при опережающем росте аквакультуры (в Китае, Чили, Норвегии). При сохранении таких трендов в 2023 г. можно ожидать лишь небольшого прироста мирового производства свинины и курятины на 1,7-1,8%, молока – на 0,7%.

Для российского АПК 2022/23 г. в целом будет удачным. Прогнозируется рекордный в истории России сбор зерна – 153 млн и пшеницы – 101 млн т, рост урожая семян подсолнечника более, чем на 11%, сахарной свеклы – на 5%. Производство свинины и мяса птицы может возрасти на 2,5-3%. ФАО ООН рассчитывает, что Россия частично компенсирует снижение мирового производства зерна, подсолнечника и подсолнечного масла и может стать мировым лидером по экспорту пшеницы, ячменя и подсолнечного масла. На РФ также приходится заметная часть прироста мировых запасов ячменя, а вместе с Китаем – основная часть накопления мировых запасов пшеницы на фоне их снижения в остальных странах мира на 8%. Определенные возможности открываются и в мясном секторе.

Таблица 3. Мировые и российские производство и экспорт мяса*, млн т.

	2020	2021	2022	2023
Мир				
Производство мяса,	317,9	331,1	337,3	340,1
в т.ч. мяса птицы	136,1	137,9	138,8	140,2
Экспорт мяса,	40,2	40,6	40,2	40,5
в т.ч. мяса птицы	15,5	15,8	16,2	16,8
Россия				
Производство мяса,	11,2	11,4	11,9	12,6
в т.ч. мяса птицы	5,1	5,2	5,3	5,4
Экспорт мяса,	0,50	0,65	0,68	0,70
в т.ч. мяса птицы	0,28	0,32	0,39	0,44
Доля России (%) в мировом:				
Производстве мяса,	3,5	3,4	3,5	3,7
в т.ч. мяса птицы	3,7	3,8	3,9	3,9
Экспорте мяса,	1,2	1,6	1,7	1,7
в т.ч. мяса птицы	1,8	2,0	2,4	2,6

* говядина, свинина и мясо птицы (бройлеров)

Источник: рассчитано по данным ФАО ООН, Минсельхоза США, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций продуцентов РФ

Реализация экспортного потенциала АПК РФ во многом будет зависеть от общемировых тенденций в функционировании и ценообразовании на мировом агропродовольственном рынке, обеспечения его открытости, недискриминации и

предсказуемости. По оценке ФАО, в 2022 г. общемировые расходы на импорт агропродовольственных товаров возрастут на 11%, приблизившись к рекордным двум триллионам долларов, а на импорт ресурсов для их производства (особенно удобрений) – почти на 50%, превысив 400 млрд долл. Прежде всего это связано с уровнем мировых агропродовольственных цен, общий индекс ФАО которых и индексы по базовым товарным группам (кроме сахара) в 2022 г. были самыми высокими за последние 18 лет. На исторически высоком уровне оставались цены удобрений, их экономическая доступность – самая низкая за последние 14 лет. В результате возникает чрезмерная финансовая нагрузка, особенно для стран с низким уровнем дохода, у которых в 2022 г. при практически неизменных затратах на ввоз продовольствия его объем в натуральном выражении снижается на 10%. Это расхождение еще более заметно для энергоресурсов и минеральных удобрений, ограничение и удорожание поставок которых даже в развитых странах ведет к сокращению импорта и, как следствие, к снижению продуктивности сельского хозяйства и сокращению доступности продовольствия на внутреннем рынке. В третьем квартале 2022 г. в подавляющем большинстве стран инфляция продовольственных товаров составляла 5-30% против обычных 2-5%. Ситуацию усугубляют и деформирующие мировую торговлю барьеры. В целом к концу 2022 г. ограничения или запреты на экспорт агропродовольственной продукции применяли около 30 стран мира. Особенно негативными для мирового продовольственного хозяйства были санкции, введенные «коллективным Западом» против России. Осенью ЕС, Британия и США ослабили санкционные ограничения на экспорт российского продовольствия и удобрений, однако это не позволяет оперативно вывезти даже безвозмездно предоставляемые Россией беднейшим странам 500 тыс. т зерна и заблокированные с весны в портах ЕС 260 тыс. т удобрений. Геополитическое давление Запада на Россию заставляет ее ускорить переориентацию агропродовольственного экспорта на рынки развивающихся стран, прежде всего Юго-Восточной Азии, Ближнего востока и, особенно Африки, продовольственный рынок которой, по оценке Всемирного банка, к 2030 г. достигнет одного триллиона долларов, треть из которого будет покрываться импортом.

Учитывая продолжающиеся негативные эффекты изменений климата, дефицит удобрений и энергоресурсов для осенних сельхозработ, даже на фоне понижительного тренда мировых продовольственных цен с апреля 2022 г. можно ожидать сохранения в 2023 г. достаточно сложных условий в развитии мирового сельхозпроизводства. Это может помешать началу перехода к повышательному тренду в динамике глобальной продовольственной безопасности, тем более что ФАО прогнозирует на перспективу опережающий рост спроса на продовольствие по сравнению с ростом сельхозпроизводства.

Нефть и газ

В 2021 г. наблюдалось оживление экономической активности в мире. Ключевым драйвером посткризисного восстановления было производство товаров, которое, наряду со снятием ограничений на передвижения, привело к росту потребления углеводородов в мире. Последнее обуславливает сокращение обеспеченности текущей добычи достоверными запасами нефти в мире до 53,5 года. В ОПЕК обеспеченность добычи запасами – 108 лет (в том числе в Саудовской Аравии – 73,6, Иране – 139,8, Ираке – 96,3). В Северной Америке обеспеченность добычи составляет 28,2 лет, в том числе в США – 11,4 лет. В Европе этот показатель составляет 10,4, в России – 27,6, в Китае – 18,2 года.

Мировая добыча нефти в 2022 г., по нашей оценке, составит 99,6 млн барр./д., что на 2,6 млн барр./д. больше, чем в 2021 г.

Мировая обеспеченность текущей добычи достоверными запасами газа составила 48,8 лет, в том числе в Северной Америке – 13,7 (в США – 13,8). В Европе обеспеченность добычи ресурсами составила 14,5 лет, в России – 58,6, в Китае – 43,3. Мировой спрос на газ в 2021 г. составил 4038 млрд куб. м, а в 2022 г., по нашей оценке, – 4000 млрд куб.м. Объемы потребления увеличились во всех регионах мира, однако, наиболее существенно – в СНГ (прежде всего, в Туркмении и России). В США потребление сократилось на 0,4%, а в Китае возросло на 13%. Мировая добыча газа в 2021 г. составила 4037 млрд куб.м. Традиционно наибольшие ее объемы пришлись на Северную Америку – 28,1% (США – 23,1%), СНГ – 22,2% (Россия – 17,4%) и Ближний Восток – 17,7% (Иран – 6,4%). В Европе добыча сократилась на 3,5%.

Несмотря на замедление темпов прироста ключевых экономик мира, рост инфляции, а также энергетический кризис, согласно нашему прогнозу, в 2022 г. потребление нефти возрастет. Последнее обусловлено общим экономическим ростом, отменой коронавирусных ограничений на передвижения, ростом потребления нефтепродуктов транспортным сектором. Согласно Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA), прирост авиаперевозок в сентябре 2022 г. (по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.) составил 57%. Возможная отмена ограничений в Китае и отход от политики «нулевой терпимости» будет способствовать росту потребления нефти и нефтепродуктов.

В 2022 г. мировой спрос на нефть достигнет 99,6 млн барр./д., что при существующих прогнозных показателях добычи будет поддерживать высокий уровень цен. В 2022 г. оставалось в силе соглашение ОПЕК+, которое было продлено до 31 декабря 2023 г. Кроме того, страны договорились о сокращении

общей квоты на добычу в ноябре и в декабре 2022 г. на 2 млн барр./д., при этом Россия и Саудовская Аравия сократили квоты до 10,5 млн барр./д..

В 2022 г. добыча нефти в странах ОПЕК+ находилась на уровне ниже допустимой квоты. Таким образом, в условиях замедления мировой экономики, геополитической напряженности, а также недостатка инвестиций и проблем, связанных с восстановлением прежнего уровня добычи, это решение поможет удерживать цены на нефть на достаточно высоком уровне и снизит волатильность на рынке.

Таблица 4. Достоверные запасы и добыча нефти.

	Запасы, млрд барр.	Добыча, млн барр./д.		
	2020	2020	2021	2022
Мир	1732,4	93,9	95,3	99,3
ОПЕК	1216,0	31,1	31,7	34,6
Саудовская Аравия	297,5	11,0	10,9	11,0
Иран	157,8	3,1	3,6	3,9
Ирак	145,0	4,1	4,1	4,1
Кувейт	101,5	2,7	2,7	2,8
ОАЭ	97,8	3,7	3,7	3,7
США	68,8	16,5	16,6	17,5
Канада	168,1	5,1	5,4	5,6
Мексика	6,1	1,9	1,9	1,9
Великобритания	2,5	1,0	0,8	0,7
Норвегия	7,9	2,0	2,0	2,2
Россия	107,8	10,7	10,9	10,8
Китай	26,0	3,9	4,0	4,2

Источник: BP Statistical Review 2022, ОПЕК Monthly Oil Market Report, November 2022, прогноз – ИМЭМО.

В 2021 г. прирост добычи был незначительным – 1,7%, при этом Россия, Саудовская Аравия и США не вышли на предкризисный уровень 2019 г. Несмотря на рост добычи в Ливии (на 198%), Иране (на 17%), в Венесуэле (на 2%) и в Сирии (на 123%), эти объемы не являются значимыми на рынке и не определяют динамику цен. Вместе с тем, следует отметить, что эти страны, при благоприятном стечении обстоятельств, могут значительно нарастить добычу нефти, что может иметь серьезные последствия для рынка. Однако, по мнению авторов, в краткосрочной перспективе реализация этого сценария крайне маловероятна.

Таблица 5. Мировые цены на нефть, долл./барр.

	2020	2021	2022	2023
"Корзина" нефтей ОПЕК (ORB)	41,5	68	95-98	80-90
Брент (Brent, 38.0 ⁰ API)	41,8	70	100-105	90-100
Юралс (Urals, Med, 36.1 ⁰ API)	41,7	68	78-83	65-75

Источник: OPEC Monthly Oil Market Report, November 2022, OPEC Reference Basket and selected crudes, прогноз – ИМЭМО.

В 2022 г. ключевым событием на рынках нефти, газа и угля стал энергетический кризис, обусловленный рядом факторов. Во-первых, экономический подъем, сопровождаемый ростом потребления углеводородов, продолжился, хотя и более медленным темпом. Во-вторых, геополитическая ситуация, осложнившаяся с началом специальной военной операции, привела к трансформации импортных и экспортных потоков на всех рынках. В-третьих, европейская специфика кризиса заключается в резком росте цен на электричество, обусловленном удорожанием природного газа. В-четвертых, наблюдается вероятно краткосрочный рост потребления угля в развитых странах, что поддерживает цены на это топливо, ключевыми потребителями которого являются прежде всего развивающиеся страны. Наконец, климатическая повестка остается важным фактором, определяющим долгосрочное развитие топливно-энергетических рынков, несмотря на то что на сегодняшний день она оказывается несколько отодвинутой вопросами энергетической безопасности.

Санкции, наложенные Группой 7 на Россию после начала СВО, затронули и энергетический сектор. Среди них можно отметить: (1) запрет на импорт российского угля; (2) запрет на импорт нефти и нефтепродуктов (вступит в силу в декабре 2022 г. – феврале 2023 г. с некоторыми исключениями по странам); (3) запрет на транспортировку и страхование российских нефти и нефтепродуктов. Наряду с почти полным прекращением поставок российского газа в ЕС, все перечисленные факторы приведут к перестройке логистики, создают дополнительную неопределенность на рынках. Наконец, следует упомянуть согласованный Группой 7 «потолок цен» на российскую нефть. Кроме того, вызывает сомнения готовность развивающихся стран, на которые переориентировались российские поставщики, присоединиться к санкциям, а также эффективность вводимых мер при отсутствии поддержки Индии, Китая, Турции и других.

Спрос на уголь увеличился еще в 2021 г., что объясняется высокими ценами на природный газ (ближайший субститут угля в электрогенерации), а также

промышленным подъемом в развивающихся странах. Согласно оценке МЭА, годовой прирост составил 5,8%, в 2022 г. ожидается прирост в 0,7%, однако, в ЕС он составит 10%. Причина заключается в значительном сокращении поставок газа из России. На Россию приходилось около 40% европейского импорта природного газа, замещение российских поставок более дорогим сжиженным природным газом из США привело к рекордному росту цен в Европе, что отразилось на ценах на электроэнергию.

Таблица 6. Достоверные запасы, добыча и внутренний спрос на газ.

	Запасы, трлн куб.м	Добыча, млрд куб.м			Спрос, млрд куб.м		
		2020	2021	2022	2020	2021	2022
Мир	188,1	3854	4037	4000	3823	4038	4000
Северная Америка	15,2	1110	1136	1170	1031	1034	1090
США	12,6	915	934	970	832	827	850
Европа	3,2	219	210	220	541	571	510
Россия	37,4	639	702	530	411	475	450
Китай	8,4	194	209	230	331	379	395
КСА	6,0	112	117	120	112	117	120
Иран	32,1	251	257	265	233	241	245
Катар	24,7	171	177	190	35	40	42

Источник: BP Statistical Review 2022, прогноз – ИМЭМО.

Высокий уровень цен сохранится и в 2023 г., что обусловлено невозможностью полной замены импорта российского газа. В отсутствие поставок из России, Европа будет продолжать полагаться, прежде всего, на американские и катарские поставки СПГ. Поскольку в краткосрочной перспективе диверсификация российского экспорта ограничена необходимостью строить новые газопроводы и терминалы СПГ, конкуренция между импортерами сохранится.

Рост потребления угля в Европе безусловно приведет к большему объему выбросов, однако, страны ЕС не отказываются от планов по энергетическому переходу. Более того, согласно принятому плану REPowerEU, отказ от российских углеводородов приведет к ускоренному переходу на возобновляемые источники энергии и низкоуглеродное топливо (биогаз, биометан, «зеленый» водород). Несмотря на грядущий отказ от природного газа в ЕС, в остальном мире газ по-прежнему будет использоваться в качестве «переходного» или «резервного» топлива, чья функция будет заключаться в

сглаживании перепадов производства электроэнергии ВИЭ, а также в хранении энергии.

Таблица 7. Мировые цены на газ, долл./тыс. куб.м

	2020	2021	2022	2023
Япония (cif)	265	344	400	370-450
Нидерланды (TTF)	105	546	1300	1200-1300
США (HH)	70	130	225	100-150

Источник: BP Statistical Review 2022, прогноз – ИМЭМО.

Тренд на декарбонизацию и деметанизацию наблюдается во всем мире. Вместе с тем, его ускорение в развивающихся странах ограничено стоимостью технологий и оборудования, макроэкономической ситуацией на глобальном и национальном уровнях (инфляция, государственный долг, замедление экономического роста), конъюнктурой на энергетических рынках, а также политической волей властей. Согласно отчету Межправительственной группы экспертов по изменению климата, ограничение роста температуры до 1,5⁰С потребует в числе прочих мер скорейшего отказа от ископаемого топлива. Относительная дешевизна угля и природного газа на протяжении длительного времени выступала в качестве конкурентного преимущества для развивающихся стран, отказ от этого топлива может увеличить издержки производства электроэнергии. Кроме того, энергетический переход должен быть «справедливым», то есть государство должно взять на себя компенсацию убытков и предоставление альтернатив пострадавшим группам населения (например, шахтерам или работникам угольных электростанций). Адаптационные меры на сегодняшний день фрагментированы и распределены по миру неравномерно. Так, наиболее уязвимые к климатическим изменениям африканские страны располагают наименьшими финансовыми ресурсами для строительства устойчивой к климатическим шокам инфраструктуры.

В 2022 г. экспорт российского газа существенно сократился, однако, рост цен на топливо позволил избежать серьезных негативных последствий для бюджета. Так, доходы от продажи нефти, нефтепродуктов и природного газа на ключевом для страны европейском рынке в 2022 г. почти вдвое превышают аналогичный показатель предыдущего года.

Согласно имеющимся данным, сокращение трубопроводных поставок в ЕС за первые семь месяцев 2022 г. составило 40%. За 2022 г. в целом можно ожидать более существенного падения экспорта, поскольку на трубопроводные поставки в Европу приходится 69% российского экспорта.

Металлы

Сталь

В 2022 г. вновь стали проявляться традиционные проблемы, характерные для мировой металлургии в последнем десятилетии: высокая зависимость от экспорта, избыточный объем производственных мощностей в основных переделах, дисбалансы на мировых рынках сырья, ограниченность внутренних источников инвестиций. К этому следует добавить продолжающуюся стагнацию основных металлопотребляющих секторов, прежде всего автомобильной промышленности, производства бытовой техники и строительства, которые пока не вернулись к докризисному уровню. В течение года добавились новые вызовы, связанные с ускорением инфляции, ужесточением денежно-кредитной политики, а также нарастанием внешних рисков регуляторного и геополитического характера.

Эти обстоятельства обусловили весьма умеренную динамику развития мировой металлургии. По оценке World Steel Association (WSA), мировое производство стали в 2022 году выросло всего на 1%, а потребление даже снизилось на 1,8%. (Таблица 1).

Важным фактором явилось замедление экономического развития главного мирового металлургического «локомотива» – Китая, связанное с заявленной руководством страны реализацией обновленной политики национальной экономической стабильности и радикальной структурной перестройкой ведущих секторов хозяйства. В 2022 году спрос на металлопродукцию практически останется на прежнем уровне из-за существенного замедления роста в строительном секторе. В целом доля Китая в мировом металлопотреблении снизилась с 57,1% до 53,4%. Приоритетной задачей по-прежнему считается стабильность внутреннего потребления металла и ликвидация дисбалансов, что приобретает особую значимость в условиях экономического давления со стороны США.

Наиболее успешно преодолела последствия пандемии и динамично развивалась черная металлургия Индии: годовой прирост потребления стали в 2022 году 8,7%, а доля страны в мире выросла с 5,7 до 6,3%. США в целом сохранили динамику предыдущих лет – около 3% прироста по сравнению с 2021 г.

В Европе к традиционным проблемам региона (вялый экономический рост, высокое металлонасыщение хозяйства, нестабильность в энергетической сфере) добавилось негативное влияние украинских событий, что усиливает стагнацию металлопотребления в экономике региона.

Кроме того, в прошедшем году заметно усилилось влияние глобального климатического фактора и тенденций к декарбонизации мирового экономического

роста. В русле этой тенденции Евросоюз разработал новый инструмент декарбонизации – механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ), который заработает в полной мере с 2026 года и под который попала, в частности, черная металлургия.

Таблица 8. Динамика мирового производства и потребления стали, млн т

	Производство			Потребление		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Мир	1880	1900	1880-2020	1834	1800	1820-1870
Азия*	1400	1420	1420-1500	1298	1313	1320-1350
Китай	1100	1060	1130-1180	952	962	965-1000
Индия	130	140	145-155	105	114	115-125
Америка**	172	180	180-195	175	185	185-200
США	90	95	98-100	97	100	102-110
Европа***	180	188	200-205	93	92	200-208
ЕС****	150	152	150-158	163,6	161,5	168-173
СНГ	102	90	90-95	58,5	44,6	45-52
Россия	76	68	70-72	44	33	32-37

Источник: WSA

*Япония, Китай, Индия, Республика Корея, Турция, Тайвань, Иран; **Северная, Латинская Америка; ***без стран СНГ; **** ЕС и Великобритания.

Российская металлургия в настоящее время переживает сложный период, связанный с преодолением последствий пандемии, началом специальной военной операции, внешнеторговыми дисбалансами. Кризисный спад затронул все ведущие металлопотребляющие отрасли экономики. Остановились большинство автомобильных заводов, заметно упал спрос на жилье, остановились многие стройки, особенно в коммерческом сегменте. Из-за невозможности получения импортного оборудования приостановлены многие инвестиционные проекты. К тому же высокая ставка Центрального Банка блокирует инвестиционную активность компаний, а укрепление курса рубля значительно сокращает доходы от экспорта.

В прошлом остались благоприятная экспортная конъюнктура, приносившая высокие прибыли компаниям от экспорта, который поглощал более половины произведенной стали, и рекордные дивиденды, что вызвало повышенное внимание властей, оперативно организовавших меры по удалению избыточного финансового

«навара» у бизнеса. В качестве механизма изъятия «сверхдоходов» в конце 2021 года (в период рекордного роста мировых цен) правительством было утверждено повышение с 2022 года налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на железную руду на уровне 5,5% и коксующийся уголь на 1,5% от среднемировой цены, а также введение акциза на сталь – 2,7%. По данным Минфина, таким образом удалось вернуть в казну около 150 млрд рублей

Ростом фискальной нагрузки проблемы отрасли не ограничились. Сильнейшим ударом по российской металлургии явилось введение в марте санкций по ограничению экспорта большинства видов стальной металлопродукции (листового и сортового проката, арматуры, проволоки, бесшовных и сварных труб). В первую очередь резко ограничены, а по многим продуктовым позициям вообще прекращены, экспортные поставки металла в страны ЕС (главный импортер российской стали – не менее 18%), от чего в первую очередь страдают компании ПАО «Северсталь» и ОАО НЛМК. В подобной ситуации российские компании вынуждены искать новых потребителей экспортного металла главным образом в странах Азии и Китае, хотя это связано с повышением логистических затрат и с крупными ценовыми потерями. По данным Минпроторга, во втором квартале экспорт упал на 20%, загрузка предприятий сократилась с 93 до 75%. Реализация металлопродукции НЛМК, например, за год упала на 15%. Не оправдались ожидания, что ограничение экспорта приведет к росту предложения стали на российском рынке, так как внутренний потребитель в условиях кризиса не сможет поглотить весь избыточный объем, несмотря на существенное снижение внутренних цен на металлопродукцию, введенное волевым решением правительства.

В итоге, по мнению руководителей ведущих компаний, в отрасли сложилась беспрецедентная ситуация: металлургический бизнес испытывает двойное давление: извне (из-за санкций) и внутри страны (жесткой фискальной нагрузкой).

По оценке Ассоциации «Русская сталь», совокупное падение спроса на сталь в российской экономике в 2022 году может составить не менее 10-15%. При этом Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) потеряет около 150 млн долл, «Северсталь» – 200-250 млн долл., а НЛМК – порядка 400 млн долл.

Падение спроса, в свою очередь, может вызвать сокращение занятости на металлургических предприятиях, многие из которых являются градообразующими, что грозит серьезными социальными последствиями.

В этих достаточно сложных экономических условиях металлургический бизнес призван решать глобальную задачу перехода к углеродной нейтральности с сохранением конкурентоспособности металлопроизводителей. Введение

Европарламентом новых углеродных тарифов должно стимулировать переход к затратным «зеленым» технологическим решениям, что может негативно отразиться на финансовых показателях российских компаний. Как крупные экспортеры и крупные заемщики на международных рынках капитала, они уже сегодня вынуждены подстраиваться под новые правила

При этом решающую роль должны сыграть меры государственной поддержки.

На основании президентского закона «Об ограничении выбросов парниковых газов» (2021г.) Правительством разработана Стратегия низкоуглеродного развития российской экономики, составной частью которой должна стать политика металлургических компаний по снижению выбросов углекислого газа – с начала до 2030 года, а затем и на более длительный период.

Одним из возможных вариантов радикального решения задачи является переход от классической технологической схемы «доменная печь – кислородный конвертор» к схеме «производство продуктов прямого восстановления железорудного сырья (или металлический лом) – электродуговая печь». В марте 2021 г. реализация подобного проекта (проект «Эколант») была начата Объединенной металлургической компанией (ОАО ОМК) с участием итальянской компании Danieli на площадке Выксунского металлургического завода. Общая стоимость проекта около 150 млрд рублей. По данным компании ОМК, реализация проекта «Эколант» позволит снизить выбросы углерода на 70% по сравнению с классической схемой.

Решение задачи декарбонизации российской металлургии представляется достаточно сложной. В нашей стране в силу объективных причин вряд ли можно сделать ставку на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Кроме того, российская экономика пока не готова к масштабному использованию водорода в качестве энергоносителя, так как этот переход требует весьма крупных инвестиций и серьезных изменений технологического цикла. Так, по расчетам экспертов, для полного перехода на использование так называемого «зеленого» водорода при выплавке стали в России необходимо около 100 ГВт новых мощностей ВИЭ и еще не менее 50 ГВт традиционной генерации, что потребует свыше 50 млрд .долл. инвестиций, а себестоимость стали при этом вырастет как минимум в два раза.

В любом случае для сохранения своего места на традиционных рынках сбыта металлопродукции и оздоровления экологической обстановки в стране российским компаниям необходимо существенно расширить объем природоохранных мер, направленных на сокращение выбросов парниковых газов, в первую очередь окиси углерода. Комплексные меры по декарбонизации металлургии РФ должны быть детально проработаны и представлены на обсуждение до конца года. Сегодня

большинство компаний делают ставку на повышение энергоэффективности, использование малоуглеродного сырья (окатыши, горячебрикетированное железо) и др. технологические меры. Развитие экологических программ сдерживает дефицит инвестиционных ресурсов, главным источником которых в предыдущие годы являлись доходы от экспорта.

Совокупность острых проблем металлургии нашла свое отражение в решениях июньского совещания с участием Президента, в котором правительству было поручено утвердить стратегию развития металлургической промышленности на период до 2030 года, определив в ней в числе прочего ежегодные целевые показатели по объемам потребления металла на внутреннем рынке. Подчеркивалось, что сталелитейная промышленность дает около 5% ВВП России, а от выпуска металлопродукции зависит развитие ведущих отраслей хозяйства (машиностроение, строительство и нефтегазовый сектор), которые в сумме обеспечивают более 50% российского ВВП.

В августе 2022 года Минпромторг по заданию президента представил проект стратегии развития металлургии на период до 2030 года, описывающий перспективы развития отрасли в условиях масштабных западных санкций в виде двух сценариев: базового и консервативного.

Главным фактором выживания, является, прежде всего, государственная политика, направленная на системное снижение избыточной фискальной нагрузки и стимулирование внутреннего спроса. В краткосрочной перспективе планируется сохранение рабочих мест, однако запас прочности бизнеса не бесконечен.

В задачу государства, очевидно, входит регулирование ценовых отношений между металлургами и потребителями в лице машиностроительных компаний, что должно обеспечить устойчивый спрос на металлопродукцию со стороны последних. И, наконец, сохраняется определенный уровень внутреннего потребления, связанный с реализацией национальных проектов и развитием стройиндустрии. В частности, предложено широкое использование металлоконструкций в жилищном строительстве. Помимо жилищного сектора «емкий» спрос на металлопродукцию должны сформировать крупные инфраструктурные проекты – расширение БАМа, строительство автомагистралей, новые нефтяные и газовые трубопроводы, которые планируется строить в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона. Одновременно Минпромторг предложил закупать избыточную продукцию в госрезерв. Предполагается, что сформированные запасы можно будет использовать для интервенции на внутреннем рынке при росте цен, а также в случае нехватки продукции заводов Донбасса для восстановления инфраструктуры региона.

Большинство экспертов полагает, что спрос на сталь в 2023 году в Китае, который играет определяющую роль в мировом производстве и потреблении, сохранится на уровне нынешнего года. Поэтому, по оценке Всемирной ассоциации производителей стали (WSA), скорее всего можно ожидать лишь незначительного прироста мирового потребления стали в пределах 2,2%, а производства – в пределах 2,5%.

В России при сохранении нынешней ситуации с санкциями вероятно продолжение стагнации и по базовому, и по консервативному сценарию при значительной неопределенности прогнозных оценок. Несмотря на беспрецедентное давление, российские компании намерены продолжить реализацию ESG-повестки. Очевидно, ускорятся процессы цифровизации и продолжится ускоренный рост информационно-коммуникационных технологий. Дальнейшее развитие получают процессы повышения качества и расширения ассортимента металлопродукции.

Алюминий

В 2022 году развитие мирового алюминиевого комплекса сохранило в целом позитивные тенденции в сложных условиях адаптации мировой экономики к последствиям пандемии коронавируса, обострению климатических факторов и сохраняющейся неопределенности экономической динамики. По данным Международного института алюминия (IAI), мировое производство первичного металла в целом выросло на 2,4%. (Таблица 2).

Существенно снизились темпы роста производства в Китае: с 7,5 в 2021 г. до 3,7% в 2022 г. Основная причина: сокращение мощностей (примерно на 8%) из-за дефицита электроэнергии и ужесточения требований декарбонизации, так как алюминиевая отрасль Китая – один из главных источников выбросов углекислого газа.

Несмотря на это доля Китая в мировом производстве заметно возросла: с 51,9% в 2021 году до 56,5%. При этом на мировом рынке устойчиво сохранялся стабильный дефицит металла, что определяет устойчивую тенденцию роста мировых цен, которые впервые с 2008 г. превысили уровень 3300 долл/т.

Особую значимость представляет энергетический кризис в странах Европы из-за роста цен на природный газ и снижения поставок энергии от ВИЭ, что привело к приостановке работы отдельных заводов.

Российский монополист Русал в целом почти не пострадал от санкций, что позволило практически без потерь продолжить масштабную модернизацию производственных мощностей и завершить затянувшийся (с 2007 года) проект ввода в строй Тайшетского алюминиевого завода в Иркутской области.

Таблица 9. Мировое производство и потребление первичного алюминия, млн т

	Производство			Потребление		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Китай	34,5	35,8	38 - 40	35,0	35,6	36 – 36,3
Япония	-	-	-	2,5	2,6	2,5-2-8
США	2,55	2,75	2,8-2,9	6,25	6,4	6,5-6,7
Россия	3,67	3,15	2,65 -2,7	0,74	0,80	0,78-0,8
Норвегия	1,60	1,62	1,63-1,65	0,76	0,77	0,75 -0,8
Канада	1,12	1,05	0,98- 1,0	0,83	0,84	0,8-0,83
Центральная и Южная Америка	1,24	1,3	1,44-1,5	1,45	1,5	1,5-1,55
Европа	4,40	4,50	4,55-4,58	9,3	9,5	9,5-9,6
Индия	3,12	3,4	3,4-3,5	2,0	2,1	2,1-2,2
Ближний Восток*	4,56	4,6	4,7-4,75	1,50	1,55	1,6-1,8
Австралия	2,0	2,1	2,1-2,2	0,25	0,28	0,3-0,32
Мир	67,4	68,7	73,5-76,0	68,6	73,2	76,4-78,4

*Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ

Источники: International Aluminium Institute (IAI); Российская Алюминиевая Ассоциация (Объединение производителей, поставщиков и потребителей алюминия).

К достоинствам производственного цикла почти всех русаловских заводов относится преимущественное использование гидроэнергии (более 80%), не только как дешевого источника, что весьма важно для алюминия, но и как абсолютно экологичного. Поэтому производство «зеленого» алюминия с низким углеродным следом в настоящее время является важнейшим преимуществом Русала на мировом рынке.

Однако компания вынуждена была снизить в нынешнем году производство первичного металла почти на 18% из-за сокращения поставок сырья – бокситов из Австралии (на 20%) и глинозема от Николаевского глиноземного комбината (Украина).

В целом, по оценкам IAI, в текущем десятилетии можно ожидать существенного роста мирового потребления алюминия (первичного и вторичного) более чем на 50% до 120 млн т. Наибольший прирост даст транспортный сектор в основном благодаря развитию производства электромобилей. Далее следует производство упаковочных материалов, строительство и электротехника. При этом Китай, по видимому, восстановит динамику роста производства и потребления металла и укрепит роль мирового лидера.

Лесобумажные товары

В России главными экспортноориентированными отраслями лесопромышленного комплекса остаются заготовка деловой древесины хвойных пород (пиловочник, фанерные края, балансы для целлюлозно-бумажной промышленности и прочие виды круглого леса, используемого как сырье для промышленной переработки и в строительстве), производство хвойных пиломатериалов (доски, брусья, шпалы и другую продукцию лесопиления), клееной фанеры, древесной целлюлозы, бумаги и картона. На эти рынки приходится более 76% стоимости мирового экспорта всех видов лесобумажной продукции. В России этот показатель существенно выше – почти 80%.

Преодоление негативных влияний КОВИД-19 в мировой экономике позволило вернуться к трендам, доминировавшим ранее на рынках лесобумажной продукции.

Деятельность в строительном секторе в Европе заметно активизировалась в 2021 году, что позволило ему превзойти достигнутые в «доковидное» время уровни. В Северной Америке жилищное строительство и инвестиции в жилища возрастали в 2021 году и в начале 2022 года. Во втором полугодии 2022 года число полученных разрешений на строительство жилья и связанные с ним инвестиции сократились вследствие принятых мер по удорожанию кредита. Тем не менее, объемы строительства в конце 2022 года достигнут или даже превзойдут уровни предыдущего года. Однако в 2023 году жилищный рынок в странах Европы несколько сократится. Такова современная картина на главном рынке сбыта строительных лесоматериалов – рынке жилья.

Цены на некоторые материалы из древесины, в том числе хвойные пиломатериалы и листовые материалы (клееную фанеру, плиты из ориентированного волокна) достигли в последнее время высоких уровней. В США стоимость древесного сырья с 2020 г. выросла на 15%, а цены на древесную целлюлозу – на 33%.

Поэтапное ослабление ограничений во всех отраслях экономики привело к активизации отложенного спроса, что расширило рынки лесобумажных товаров.

Правительство РФ с 1 января 2022 года ввело полный запрет на вывоз необработанного круглого леса и заградительную таможенную пошлину на экспорт грубо обработанных влажных пиломатериалов толщиной более 10 см. Речь идет о запрещении экспорта грубо отесанного бревна, которым маскируют попытки вывозить кругляк.

В результате принятия вышеназванных мер наметился качественный сдвиг позиций России на рынках хвойного делового круглого леса: в последние годы вывоз такой продукции снизился – с 37 млн куб. м в 2006 году до 7,4 млн куб. м в 2022 году. В российском экспорте лесобумажной продукции заметно выросла доля

хвойных пиломатериалов и листовых древесных материалов (клееной фанеры, плит с ориентированным волокном и др.), как замена предложения необработанной древесины.

Экспертные оценки ситуации на мировом рынке хвойной деловой древесины в 2022 году и прогноз на 2023 год позволяют сделать вывод, что глобальные заготовки этой древесины в 2022 году могут снизиться на 2,2%, а в 2023 году – еще на 1,1%. Многое зависит от успехов в преодолении или ослаблении «топливного ценового прессинга». У лесопромышленного комплекса появился шанс расширения предложения на рынках сбыта топливной древесины: дров, топливных древесных брикетов и т.п.

Ситуация в мировой целлюлозно-бумажной промышленности в 2022-2023 гг. продолжает соответствовать долговременной тенденции сокращения производства писчей и полиграфической бумаги (газетной, журнальной и т. д.) и роста использования электронных средств массовых коммуникаций. Одновременно растёт потребление санитарно-гигиенических и бытовых сортов бумаги, отдельных видов картонов, специальных сортов бумаги, а также целлюлозы, включая распушенную и растворимую.

Экспертные оценки говорят о некотором восстановлении динамики рынка бумаги и картона в 2022 году, а в 2023 году может возрасти ещё на 1,9%.

В 2023 году можно ожидать продолжения переориентации отрасли на жизнеспособные сегменты рынка бумажно-картонной продукции, а также на изделия, получаемые путем так называемого «рифайнинга древесной биомассы» и нанотехнологической переработки древесного сырья.

В 2022 году продолжился перенос производственных мощностей целлюлозно-бумажной промышленности из стран Европы в другие регионы, включая Северную Америку. Этот процесс вряд ли будет необратимым.

В целлюлозно-бумажной промышленности Китая, вышедшего на первое место в мире по производству бумаги и картона, в последние годы происходили существенные изменения. Во-первых, закрытие старых, малых и неэффективных производственных мощностей по производству бумаги и картона из недревесного сырья (бамбука, хлопкового линтера и др.) и развитие современных крупных целлюлозно-бумажных комбинатов, использующих в производстве древесное сырьё, что увеличивает китайский импорт древесины. Во-вторых, Китай стал активнее закупать на мировом рынке товарную целлюлозу (то есть полуфабрикат) вместо необработанной древесины в форме балансов или технологической щепы.

В 2023 году можно ожидать ускорения роста китайского рынка бумаги и картона до 2,0% по производству и 2,6% по потреблению. В Японии в сфере целлюлозно-

бумажного производства в 2023 году можно ожидать дальнейшего снижения выпуска продукции на 2,1% в рамках перестройки этой отрасли, что является следствием электронизации экономики.

Мировые цены на бумагу и картон в 2022 году заметно возросли. По нашему прогнозу, среднемировые экспортные цены (в скобках российские) на рынке деловой древесины хвойных пород в 2023 году могут составить 120-130 долл. США за куб. м (90-100), на рынке бумаги и картона – до 950-1100 долл. США за тонну (900).

Таблица 10. Мировая заготовка и потребление деловой древесины хвойных пород, млн куб. м

	Производство			Потребление		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Мир	1088,5	1064,8	1053,5	1082,7	1079,7	1062,9
Азия	79,2	78,9	77,7	138,3	143,3	144,0
Китай	29,0	28,8	28,6	78,2	82,1	84,7
Япония	20,7	20,8	21,1	21,6	21,7	21,9
Европа	468,4	456,4	454,7	449,8	453,2	447,4
Великобритания	8,0	8,0	8,0	8,5	8,5	8,4
Германия	57,1	56,0	59,2	49,6	52,0	53,6
Россия	155,3	147,5	140,5	138,9	140,2	134,2
Финляндия	48,6	48,8	49,6	49,0	48,6	49,1
Франция	17,6	16,6	16,6	17,1	16,1	16,2
Швеция	64,3	63,6	62,6	67,6	66,9	65,2
Северная Америка	388,6	391,1	386,2	376,6	375,3	368,4
Канада	103,6	103,6	101,0	98,4	98,2	95,2
США	285,0	287,5	285,2	278,2	277,1	273,2

Импорт российской древесины и основных продуктов ее переработки оказался под санкциями 10 июля. По свидетельству лесопромышленников, санкции, введенные коллективным западом, оказались достаточно чувствительными. По данным Рослесинфорга (подразделение Рослесхоза), под запрет попали поставки на 6 млрд долларов.

Переориентация лесопромышленных предприятий России с рынков Европы на азиатские рынки находит свое выражение в смене инвестиционных планов компаний РФ. Так, лесопромышленный холдинг «Segezha Group» вместо строительства нового целлюлозно-бумажного комбината в Карелии для поставок на Скандинавские рынки отдал предпочтение проекту строительства такого предприятия в Красноярском крае с целью поставок продукции в Китай.

Таблица 11. Мировое производство и потребление бумаги и картона, млн т

	Производство			Потребление		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Мир	406,9	407,6	409,0	397,9	397,6	392,3
Азия	198,3	198,8	198,1	207,8	206,4	204,4
Китай	117,4	118,4	120,7	118,6	120,4	123,5
Япония	22,5	22,4	21,9	22,3	22,1	21,6
Европа	100,2	100,9	100,3	84,7	85,4	84,6
Великобритания	3,6	3,6	3,5	7,2	7,2	7,0
Германия	23,1	23,4	23,7	18,7	19,0	19,0
Россия	10,2	10,7	11,1	7,6	8,0	8,1
Финляндия	8,8	8,5	8,2	0,7	0,7	0,7
Франция	7,0	7,3	7,3	8,1	8,3	8,3
Швеция	9,1	8,8	8,4	1,2	1,1	1,0
Северная Америка	77,1	78,5	78,8	70,8	72,0	72,0
Канада	8,6	8,4	8,1	4,7	4,6	4,4
США	68,5	70,1	70,7	66,1	67,4	67,6

Усиление протекционистских тенденций и обострение конкуренции за выгодные рынки сбыта заставляют тщательнее продумывать экспортную стратегию и отстаивать свои интересы на государственном уровне. Политика сдерживания экспорта необработанной древесины и развития лесообрабатывающих производств на собственной территории дала за последние годы свои результаты. Более чем в два раза сократился экспорт хвойной древесины и активизировалось строительство деревообрабатывающих предприятий. В этом принял участие иностранный капитал, в том числе китайский, заинтересованный в использовании российских лесных ресурсов. Были построены предприятия по производству пиломатериалов, клееной фанеры, древесных плит и т.д., в том числе вблизи российско-китайской границы. Одновременно Россия сохраняет весомые позиции на мировом рынке хвойного древесного сырья (четвертое место в мире по экспорту этой продукции после Новой Зеландии, Чехии и Германии). На рынках пиломатериалов конкурентные позиции России осложняются наличием обязательных стандартов, ввозных пошлин, нетарифных ограничений и т.д., что требует подстраивания экспорта лесообрабатывающей промышленности под условия внешних рынков.

СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Страны Европы

Европейский Союз

Влияние санкционных ограничений и значительное снижение энергопоставок из России перекрыло воздействие тех положительных процессов, которые, согласно прогнозам, должны были обеспечить более чем 4% прирост ВВП в ЕС. Положительные эффекты от мер борьбы с пандемией, возобновление работы третичного сектора, включая туристическую отрасль, оказали влияние только в начале 2022 г. Согласно данным Европейской комиссии, опубликованным в ноябре 2022 г., экономика Евросоюза возрастет на 3,3%, зоны евро – на 3,2%, что ниже ее же оценок ноября 2021 г. на 1 п.п.

На фоне общего замедления экономического роста некоторые европейские страны продемонстрировали подъем, обеспеченный главным образом внешними факторами. В непростых условиях 2022 г. выше ожиданий развивались нидерландская, португальская, ирландская и греческая экономики, за пределами зоны евро – румынская. Позитивная динамика небольших экономик являлась следствием роста экспорта, а также увеличением инвестиций. В Греции, Румынии и Ирландии важным фактором стало и личное потребление. Оживление туристической отрасли внесло значимый вклад в рост экономики Греции и Португалии в силу большой роли этой отрасли в их хозяйстве.

Наиболее «пострадавшими» были крупнейшие экономики ЕС и страны Северной Европы, в первую очередь Германия. Рецессия в 2023 г. возможна не только в Швеции, Германии и сильно связанной с ней Чехии, но и в Италии, Дании, Финляндии. Не исключается спад и во французской экономике.

Подобные оценки относятся к негативным сценариям развития ситуации в Европе и поддерживаются представителями финансового сектора. Не исключено, что рецессия охватит большее число стран, чем указано выше. Значительное замедление роста европейской экономики предопределено.

Незавершенный восстановительный процесс после пандемии в совокупности с форс-мажорными событиями в энергетической сфере ЕС, включающими резкое повышение цен и дефицит самой продукции, привели к замедлению экономического роста начиная со второй половины 2022 г. Сохраняющиеся после пандемии проблемы в торговой сфере усугубились в результате санкций в отношении России, являющейся важным торговым партнером ЕС. Перебои в поставках, переориентация торговых потоков продолжают влиять на экономический

рост ЕС. Замедление роста торговли, наблюдавшееся в 2022 г., не прекратится и в 2023 г.

В ЕС сохраняется преобладание внутренней торговли над торговлей с третьими странами. В 2021 г. доля внутриевропейского экспорта составила 61,2% от общего объема экспортных поставок, а доля внутриевропейского импорта – 61,3% от всего импорта.

Таблица 12. Прогноз динамики ВВП и безработицы в ЕС

	Доля в ВВП ЕС, %	Динамика ВВП, %			Безработица, % экономически активного населения		
		2021	2022	2023	2021	2022	2023
Германия	24,8	2,6	1,6	-0,5	3,6	3,1	3,4
Франция	17,2	6,8	2,6	0,5	7,9	7,7	8,0
Италия	12,3	6,6	3,8	0,1	9,5	8,3	8,5
Испания	8,3	5,1	4,5	1,2	14,8	12,7	12,8
Нидерланды	5,9	4,9	4,6	0,6	4,2	3,7	4,1
Бельгия	3,5	6,2	2,8	0,2	6,3	5,8	6,2
Ирландия	2,9	13,6	7,9	4,0	6,2	4,4	4,7
Австрия	2,8	4,6	4,6	0,4	6,2	5,0	5,1
Финляндия	1,7	3,0	2,3	0,1	7,7	7,0	7,1
Португалия	1,5	4,9	6,6	0,7	6,6	5,9	5,8
Греция	1,3	8,3	6,0	1,5	14,7	12,6	12,8
<i>Зона евро - 19</i>	<i>84,8</i>	<i>5,2</i>	<i>3,2</i>	<i>0,2</i>	<i>7,7</i>	<i>6,8</i>	<i>7,1</i>
Польша	4,0	5,9	4,0	0,5	3,4	2,7	3,5
Швеция	3,7	5,1	2,9	-0,6	8,8	7,2	7,7
Дания	2,3	4,9	3,0	0,0	5,1	4,5	5,3
Румыния	1,7	5,9	5,8	2,0	5,6	5,4	5,6
Чехия	1,6	3,5	2,5	-0,2	2,8	2,7	3,4
<i>ЕС-27</i>	<i>100</i>	<i>5,4</i>	<i>3,3</i>	<i>0,1</i>	<i>7,0</i>	<i>6,2</i>	<i>6,5</i>

Источник: 2021-2022 гг. – Евростат, прогноз – ИМЭМО РАН

Одной из проблем, с которой столкнулась европейская экономика, стала инфляция. Её показатели в силу энергетического кризиса и ситуации с продовольствием превысили все прогнозы: во многих странах ЕС по итогам 2022 г. будут отмечаться исторические максимумы за несколько десятилетий. Наихудшая ситуация наблюдается в прибалтийских государствах, в частности, в Эстонии рост потребительских цен превысит 19%, Литве – 18%, Латвии – 16%. В зоне евро 10-процентный порог также преодолели Бельгия, Греция, Нидерланды, Словакия и Хорватия, которая присоединится к валютному союзу в 2023 г. Еще более негативная динамика характерна для роста цен производителей: по итогам 9

месяцев 2022 г. в зоне евро он уже составил 41,9% при максимальных значениях в Словакии в 62,8%.

Во Франции рост потребительских цен составит 5,8%. Высокая инфляция тормозила совокупный спрос, негативно влияла на реальные доходы населения, привела к повышению издержек производства (в таких энергоёмких отраслях, как алюминиевая и стекольная промышленность, дело дошло до приостановки производства) и ухудшала условия торговли. Инфляционное воздействие роста цен на энергоресурсы в 2022 г. сопоставимо с нефтяными шоками 1970-х годов. Не исключается возвращение в «стагфляционные семидесятые», когда вялый экономический рост сочетался с высокой инфляцией.

Среди стран, сохранивших собственные валюты и инструментарий по их регулированию, наименьший прирост потребительских цен будет характерен для Дании (7,9%) и Швеции (8,1%) при 11,8-15,6% в остальных государствах.

Франция ранее других стран-членов ЕС приняла меры по поддержанию покупательной способности населения. В конце 2021 г. правительством были введены ограничения на рост цен на электроэнергию и газ (так называемый «тарифный щит»), а затем субсидии на автомобильное топливо и «инфляционное возмещение» в размере 100 евро на семью. К этому добавилось повышение минимальной заработной платы, социальных пособий и окладов госслужащих. В итоге в 2022 г. удалось избежать падения личных доходов населения, чьи потребительские расходы возрастут на 2,6%. Помимо поддержания конечного спроса, названные бюджетные меры имели целью сдержать раскручивание инфляционной спирали. В определенной степени эту задачу удалось решить, так как интенсивность инфляционных процессов во Франции (на осень 2022 г.) оказалась ниже, чем у партнеров по ЕС.

Европейский центральный банк с лета 2022 г. несколько позднее, чем ФРС, начал ужесточать свою политику, ограничивая объем операций в рамках «количественного смягчения» и неоднократно повышая учетные ставки.

В силу роста инфляции и сузившихся возможностей по финансированию бизнеса в Евросоюзе наблюдалось сокращение инвестиционной активности, которое продолжится и в 2023 г. Вероятен дальнейший рост учётных ставок. Высокие затраты бизнеса на фоне роста неопределенности и рисков уже спровоцировали бегство капитала из ЕС. Часть активов переведена за рубеж, в том числе в США. При сохранении основных вызовов процесс вывода капитала из ЕС продолжится.

При снижении остроты проблемы сохраняется разбалансировка государственных финансов, в том числе благодаря восстановительной программе «Следующее поколение ЕС». Полностью стабилизировать ситуацию не удастся и в 2023 г. По

оценкам Еврокомиссии, средневзвешенный дефицит бюджета снизится по итогам 2022 г. до 3,4% и возрастет до 3,6% в 2023 г. Государственный долг постепенно сокращается, хотя также превышает критерии Маастрихтских соглашений: в среднем по ЕС он составит в 2022 г. 86%, в зоне евро – 94%.

Крупнейшие экономики ЕС испытывают более сильные негативные воздействия. В частности, сохранится напряжение в сфере французских государственных финансов. Принятой правительством стратегии по снижению дефицита бюджета до 3% ВВП к 2027 г. будет противодействовать увеличение расходов на поддержание доходов населения, продиктованное стремлением обеспечить социальный мир в стране. В 2023 г. бюджетный дефицит Франции стабилизируется на высоком уровне – 5,2% ВВП (4,9% в 2022 г.), а долговая нагрузка государства составит 112,1% ВВП (111,2% в 2022 г.).

Проблема безработицы уходит на второй план. Благодаря широкой государственной поддержке в период пандемии, направленной на сохранение рабочих мест и поддержку самозанятых, удалось снизить уровень безработицы до одного из самых низких за последние годы. На рынках труда некоторых стран наблюдались трудности с привлечением работников отдельных специальностей, хотя предприниматели продолжали ускоренный наем рабочей силы. В восточноевропейских странах сказывалось влияние украинских беженцев, закрывших потребность в низкоквалифицированных работниках.

К факторам, определяющим развитие европейской экономики в 2023 г., относятся стабильность поставок энергоносителей, риски дефицита отдельных товаров, продолжение инфляционного давления, снижение доступности капитала, пониженный спрос и сокращение потребления в результате падения реальных доходов населения. В совокупности с сохраняющимися рисками пандемии и неопределенностью в отношении последствий украинской ситуации и вовлеченности в нее ЕС эти факторы окажут существенное тормозящее влияние на экономическое развитие Евросоюза в 2023 г. Большинство негативных факторов, заявивших о себе в текущем году, сохранится в 2023 г., более того, на него придется пик их воздействия на реальный сектор. В то же время сохранение возможностей по минимизации рисков определяют вероятность существенного изменения текущих прогнозов.

Великобритания

В 2022 г. на британскую экономику существенное влияние оказывала политическая неопределенность в стране: в парламентской фракции правящей Консервативной партии обозначился глубочайший раскол по вопросу о роли государства в экономике и методах экономического регулирования, следствием

чего стала отставка двух премьер-министров в течение нескольких месяцев. Наибольшее внимание получила проблема роста стоимости жизни, вызванная повышением инфляции: темпы роста потребительских цен достигли 40-летнего максимума и в середине года превысили 10%. Среди ключевых факторов: повышение стоимости энергоносителей, падение фунта стерлингов по отношению к американскому доллару, дисбаланс спроса и предложения на мировом товарном рынке и дефицит рабочей силы на британском рынке труда.

Методы антиинфляционной политики стали «камнем преткновения» в ходе выборов лидера Консервативной партии летом 2022 г. Традиционный, рыночный подход консерваторов, поддержанный Лиз Трасс, базировался на ограничении государственного вмешательства в экономику и стимулировании деловой активности путём снижения налогов. Ценовая стабильность при этом должна была обеспечиваться монетарной политикой, являющейся основным инструментом макроэкономического регулирования. Данный подход был поддержан частью парламентской фракции тори и большинством рядовых консерваторов.

После череды отставок пост премьер-министра занял Риши Сунак, который на протяжении двух предыдущих лет реализовывал экономическую программу в качестве канцлера Казначейства. Подход Сунака опирается на гипотезу о том, что ключевым инструментом борьбы с инфляцией является повышение налогов: эта мера вызывает охлаждение экономической конъюнктуры и, как следствие, замедление темпов роста цен. При такой позиции ведущая роль в системе макроэкономического регулирования переходит от монетарной политики к фискальной. На практике это означает, что правительство во главе с Р. Сунаком будет удерживать налоги на высоком уровне, как минимум, до тех пор, пока инфляция не вернется к приемлемым значениям, тогда как будет сдерживаться ужесточение монетарной политики со стороны Банка Англии. Этот подход поддерживается либеральным флангом парламентской фракции консерваторов и международными институтами, в частности, МВФ.

В 2023 г. ожидается повышение налогов на наиболее обеспеченные категории налогоплательщиков, увеличение ставки налога на прибыль корпораций с 19% до 25% и ставки налога на непредвиденную прибыль нефтегазовых компаний с 25% до 30%. Следствием принимаемых мер станет наибольшее увеличение налогового бремени за последние 70 лет. С учетом наметившихся во второй половине 2022 г. признаков рецессии, результатом проводимой политики может быть довольно существенное и длительное охлаждение деловой активности и снижение конкурентоспособности британской экономики. Падение потребительской уверенности частично компенсируется тем, что спрос наименее обеспеченных домохозяйств будет поддерживаться с помощью дополнительных пособий и

компенсаций из государственного бюджета. Неблагоприятная экономическая конъюнктура и удорожание кредита будут выступать в качестве ограничителей инвестиционных расходов.

При сохранении указанных выше тенденций, восстановление ВВП едва ли начнется ранее второй половины 2023 г. По итогам года его падение может составить около 1%. Мы полагаем, что в 2023 г. рост цен замедлится, и в среднем за год инфляция составит 7%. Банк Англии завершит цикл повышения процентной ставки, которая, скорее всего, не превысит 4%, а к концу года может снизиться.

На рынке труда в 2023 г. мы ожидаем смены тренда. Следует отметить, что тенденцией последних лет стало снижение доли экономически активного населения. Это произошло преимущественно за счет лиц старше 50 лет, пересмотревших свои жизненные приоритеты на фоне изменения режима работы и роста стоимости активов в условиях пандемии и постпандемийного восстановления. Тот факт, что пятая часть населения работоспособного возраста не работала и не искала работу, объясняет сформировавшуюся в 2022 г. нехватку рабочей силы. Сложившаяся ситуация обусловила снижение уровня безработицы до минимального с 1974 г. уровня – 3,5% – и послужила одним из инфляционных факторов. В 2023 г. в условиях повышения корпоративных налогов и ослабления деловой активности уровень безработицы будет постепенно расти и к концу года может достичь 5%.

Изменение тренда будет наблюдаться и на рынке жилья. Льготы по ипотечным кредитам и налоговые каникулы в отношении гербового сбора в период пандемии стимулировали резкое удорожание жилых домов: с марта 2020 г. до августа 2022 г. их стоимость выросла на 25%. Повышение ставок по ипотечным кредитам и то обстоятельство, что рынок существенно перегрет, становятся факторами, способными привести к падению цен в 2023 г. на 10-15%. Несмотря на закономерность данного процесса, снижение цен на недвижимость для ипотечных заемщиков, а также финансового и строительного секторов может оказаться болезненным.

Значимым фактором риска в 2023 г. останется раскол в консервативной фракции парламента по экономическим вопросам. Кроме того, открытый характер британской экономики делают ее особенно чувствительной к изменению мировой экономической конъюнктуры. В 2023 г. недостаток внутренних факторов роста будет усиливаться глобальной политической и экономической неопределенностью.

Соединенные Штаты Америки

В 2022 экономическая активность в США снизилась по сравнению с предыдущим годом, когда в ходе восстановления после рекордно короткой и глубокой «ковидной» рецессии 2020 г. ВВП США вырос на 5,9%, продемонстрировав самые высокие темпы роста с 1984 года. Замедление динамики ВВП в 2022 году даже вызвало дискуссии о возможном начале рецессии в США. Актуальность этого вопроса подстегивалась промежуточными выборами в Конгресс, которые традиционно рассматриваются как референдум доверия правящей партии, особенно в экономической сфере. Однако, как экономические показатели, а так и результаты промежуточных выборов говорят о том, что, несмотря на имеющиеся проблемы, экономика США находится в контролируемо стабильном состоянии.

По сравнению с 2021 г. динамика ВВП в 2022 г. существенно замедлилась. В 1 и 2 кварталах 2022 г. было зафиксировано снижение ВВП на 1,6% и 0,6% соответственно, в 3 квартале ВВП вырос на 2,9%. При этом по сравнению с теми же кварталами 2021 г. ВВП вырос в 1 квартале 2022 г. на 3,7%, а во 2 квартале – на 1,8%, и в 3 квартале – на 1,9%. Потребительские расходы населения все время росли, а наиболее сильно снизились объемы инвестиций в жилье и федеральные расходы.

Динамика промышленного производства США находится в положительной зоне уже девять кварталов подряд, а в 1, 2 и 3 кварталах 2022 г. его уровень увеличился на 4,7%, 5,1% и 2,2% соответственно. Коэффициент использования производственных мощностей составил в октябре 2022 г. 79,9%, что немного превышает среднее значение этого показателя за 1972-2021 гг. (79,6%) и на 1,3 п.п. выше, чем в октябре 2021 г. (78,6%).

Несмотря на распространенное мнение, что падение ВВП в течение двух кварталов подряд свидетельствует о том, что экономика находится в рецессии, вряд ли Национальное бюро экономических исследований (NBER) объявит рецессию в США на основании падения ВВП в 1 и 2 кварталах 2022 года (согласно определению Национального бюро экономических исследований США, рецессия – это существенное снижение экономической активности, которое наблюдается во всей экономике и длится более нескольких месяцев). Решение об объявлении рецессии принимается Национальным бюро экономических исследований на основании комплексного анализа различных показателей, при этом принимается во внимание глубина, степень охвата и продолжительность спада экономической активности. В последние десятилетия двумя основными ориентирами при принятии решения были реальные доходы без учета трансфертных платежей и уровень занятости, но также принимаются во внимание реальные потребительские расходы, объемы розничных и оптовых продаж и промышленного производства.

Благоприятная ситуация на рынке труда, динамика промышленного производства и потребительских расходов не позволяют сделать вывод, что в первом полугодии 2022 г. американская экономика находилась в рецессии.

В экономике США наблюдаются противоречивые тенденции: с одной стороны, продолжающееся благополучие на рынке труда, положительная динамика потребительских расходов и промышленного производства, а с другой – рекордно высокий уровень инфляции, нестабильность инвестиционного процесса и падение потребительского доверия. Индекс потребительского доверия Мичиганского университета упал в июне 2022 г. до 50,0 – исторического минимума за 70 лет существования этого индикатора, затем начал расти и в ноябре все ещё остается на низком уровне – 56,8. Один из наиболее значимых индикаторов будущей рецессии – разница между доходностью долгосрочных (10-летних) и краткосрочных (трехмесячных) облигаций Казначейства США – вышел в отрицательную зону в октябре 2022 г., что говорит о так называемой инверсии кривой доходности и статистической вероятности рецессии в ближайшие 12 месяцев.

Однако ситуация на рынке труда США продолжает оставаться стабильной. Численность занятых в экономике увеличилась с января по октябрь 2022 г. на 1,4 миллиона и составила в октябре 158,6 миллиона, что соответствует докризисному уровню начала 2020 года. Уровень безработицы снизился с 4% в январе до 3,7% в октябре 2022 г., а количество безработных снизилось с 6,5 млн в январе до 6,1 млн в октябре. Доля экономически активного населения в первые десять месяцев 2022 г. колебалась между 62,1% и 62,4%, что выше значений 2021 г., но все еще ниже, чем в первые два месяца 2020 г., когда этот показатель составлял 63,4%. Доля занятых в численности населения составила в октябре 60%, все больше приближаясь к докризисному уровню 61,1%.

Приближение основных показателей к докризисным значениям свидетельствует о том, что рынок труда США практически полностью преодолел последствия «ковидной» рецессии 2020 года и вернулся к нормальному функционированию. Если в мае 2020 г. 35,4% занятых работали удаленно из-за пандемии, то в сентябре 2022 г. таких было всего 5,2%. В сентябре 2022 г. всего 1,4 млн человек сообщили, что они не работают или перешли на частичную занятость, поскольку их работодатель потерял бизнес из-за пандемии, а в мае 2020 г. таких было 49,8 млн человек.

Количество вакансий в экономике в сентябре 2022 г. составило 10,7 млн, в 1,9 раз превысив число безработных в этом месяце (5,7 млн). Количество вакансий достигло пика в 11,9 млн в марте и с тех пор снижается, а число безработных достигло низкого докризисного уровня и вряд ли будет снижаться дальше,

учитывая резкое ужесточение монетарной политики ФРС. Поэтому можно ожидать некоторого повышения уровня безработицы в ближайший год.

Основной проблемой в экономике США в 2022 г. стал высокий уровень инфляции. Цены начали расти еще в первой половине 2021 года. Индекс цен расходов на личное потребление PCE достиг 7% (пикового значения за 40 лет) в июне 2022 г., после чего несколько снизился и в сентябре составлял 6,2%. Индекс потребительских цен CPI (за предшествующие 12 месяцев) также вырос с 7,5% в январе до максимума 9,1% в июне, после чего стал снижаться и достиг 7,7% в октябре 2022 года. Базовый индекс CPI (без учета цен на продовольствие и энергию) составил в октябре 6,3%.

К рекордно высокой инфляции привел целый комплекс причин: реализация отложенного в 2020 г. из-за пандемии спроса, огромный пакет федеральной помощи 2020-21 гг., включающий прямые стимулирующие выплаты, высокий спрос и дефицит предложения на жилищном и автомобильном рынках, сверхмягкая монетарная политика ФРС, проводившаяся до марта 2022 года. Большую роль в росте цен сыграли сбои в глобальных цепочках поставок, начавшиеся во время пандемии и усугубившиеся из-за украинского кризиса и новой волны локдаунов в Китае, которые привели, в частности, к дефициту электронных комплектующих. Другая реальная опасность состоит в том, что превышение спроса над предложением на рынке труда вызывает рост номинальной заработной платы и, в конечном счете, издержек производства, что может привести к формированию инфляционной спирали зарплата – цены. Пока рост средней почасовой заработной платы (4,7% в октябре 2022 г. по сравнению с годом ранее) не превышает уровня инфляции. При этом ФРС внимательно следит за возможностью формирования инфляционной спирали и учитывает этот фактор при определении стратегии монетарной политики.

Благоприятная ситуация на рынке труда позволила ФРС быстро перейти от сверхмягкой к жесткой монетарной политике. Решение о повышении ставок было принято в марте 2022 г.. С тех пор глава ФРС Дж. Пауэлл и другие представители центробанка неоднократно заявляли, что борьба с инфляцией является приоритетной, и если понадобится, ставку могут поднять и выше «нейтрального» уровня, даже если это будет грозить замедлением или снижением экономического роста. Однако ни Дж. Пауэлл, ни министр финансов Дж. Йеллен не считают рецессию неизбежной, а Комитет по операциям на открытом рынке ФРС США после каждого заседания заявляет, что он твердо планирует вернуть инфляцию на целевой уровень 2%.

В марте было принято решение о повышении ставки на 0,25 п.п. до 0,25-0,5%, в мае – на 0,5 п.п., в июне, июле, сентябре и ноябре – на 0,75 п.п. В результате

целевой уровень ставки по федеральным фондам поднялся с 0-0,25% в начале года до 3,75-4% (максимального уровня за 14 лет) в ноябре. Отметим, что единовременный подъем ставки на 0,75 п.п. не производился с 1994 г., а в 2022 г. таких повышений было уже четыре.

На майском заседании ФРС было принято решение о начале снижения активов ФРС с 1 июня. Размер баланса ФРС снизился с 8,915 трлн долл. в конце мая до 8,621 трлн долл. в конце ноября 2022 г., то есть примерно на 294 млрд долларов.

На ноябрьском заседании ФРС подтвердила намерение продолжать повышение целевого уровня ставки по федеральным фондам, однако, в ближайшем будущем несколько ослабить темпы этого повышения, поскольку появились признаки снижения темпов инфляции. В декабре ожидается повышение ставки на 0,5 п.п., после четырех подряд повышений на 0,75 п.п. Однако принципиальная линия на повышение ставки будет продолжена, несмотря на риски для экономического роста. Уровень ставки в 2023 году скорее всего превысит 5%. По мнению некоторых представителей ФРС, дальнейшее резкое повышение ставки будет представлять опасность и для финансовой стабильности. Однако позиция ФРС остается неизменной: опасность инфляции считается крайне серьезной, и, по мнению центробанка, перевешивает риск рецессии. Другими словами, ФРС готов идти на риски снижения экономической активности ради снижения уровня цен. Эта позиция подкрепляется тем, что последствия роста цен затрагивают всё население, а в случае рецессии негативные эффекты коснутся обширного, но все же ограниченного круга лиц, например, тех, кто непосредственно лишится работы или потеряет свой бизнес.

Меры по борьбе с инфляцией были предприняты не только ФРС, но и американским президентом и законодателями. В августе 2022 года был принят Конгрессом и подписан президентом Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act), в котором в качестве государственных мер борьбы с инфляцией установлены предельные цены на рецептурные лекарства для пенсионеров, ограничены цены на медицинскую страховку, а также предусмотрены меры по снижению бюджетного дефицита и инвестиции в климатические проекты.

Другой важный закон, принятый в 2022 году – Закон о чипах и науке (Chips and Science Act), принятый Конгрессом и подписанный президентом Д. Байденом в 9 августа 2022 года. Закон призван стимулировать производство полупроводников на территории США, снизить зависимость США от зарубежных поставок, а также стимулировать развитие передовых технологий и формирование высококвалифицированной рабочей силы в областях STEM (естественных наук, технологий, инженерии и математики), с целью устранить уязвимости США в области поставок критически важных электронных компонентов. По оценке

Министерства торговли США, дефицит полупроводников привел к уменьшению ВВП США в 2021 г. на 240 млрд долларов. Министерство торговли квалифицирует географическую концентрацию производства полупроводников как ключевой риск, который подвергает практически каждый сектор американской экономики риску дестабилизации в случае потери доступа к внешним поставкам.

Закон предусматривает инвестиции в размере 52,7 млрд долл. в производство полупроводников, развитие передовых технологий и создание хорошо оплачиваемых наукоемких рабочих мест в обрабатывающей промышленности на территории США и введение инвестиционного налогового кредита на капитальные вложения при производстве полупроводников (24 млрд долл.). Кроме того, на поддержку национальной научной и технологической базы выделяется 170 млрд долл. в течение пяти лет, из которых 82 млрд долл. являются дополнительным финансированием по сравнению с ранее существовавшими программами. В рамках этого финансирования в Национальном научном фонде создается Управление по технологиям, инновациям и партнерству, которое будет заниматься развитием передовых технологий в области полупроводников и компьютеров, ИИ, квантовых технологий, биотехнологий и передовых энергетических технологий. Около 10 млрд долл. будет направлено через Министерство торговли на создание инновационных и технологических хабов по всей стране в кооперации с властями штатов и муниципалитетов, университетами, местным бизнесом и НКО. На проведение исследований Национальный институт стандартов и технологий получит 10 млрд долл., министерство энергетики – 68 млрд долларов. Законом запрещается использование выделенных средств на любые программы и инвестиции в Китае и других странах, «вызывающих озабоченность».

В 2022 г. дефицит федерального бюджета США сократился в два раза по сравнению с предыдущим годом и составил 1,4 трлн долл., или 5,5% ВВП (в 2021 г. дефицит составил 2,8 трлн долл. и 12,3% ВВП). Такое сокращение было связано в первую очередь с прекращением огромных расходов в рамках антикризисных программ, а также с ростом доходов бюджета, в том числе из-за роста цен и оживления экономической активности.

На жилищном рынке США в 2022 году произошло снижение активности из-за роста цен на стройматериалы и роста ипотечных ставок, которые сейчас находятся на самом высоком уровне с 2001 года. Объем запуска строительства новых домов демонстрировал тенденцию к снижению и в октябре составил 1,43 млн, что на 8,8% ниже, чем в октябре 2021 года. В то же время продолжился рост цен на жилье: медианная цена нового дома составила в октябре 2022 г. 493 тыс. долл., а годом ранее – 427,3 тыс. долларов (рост на 15,4%).

Ситуация на рынке продаж автомобилей по сравнению с прошлым годом не улучшилась. По-прежнему проблемой остается дефицит предложения, связанный с перебоями поставок электронных компонентов и других комплектующих, который усугубился локдаунами в Китае. В январе 2022 г. объем продаж автомобилей и легких грузовиков составил 15,1 млн в годовом выражении, но затем в мае сократился до 12,6 млн. В октябре объем автопродаж впервые с начала года приблизился к январскому значению, достигнув 14,9 млн в годовом выражении. Если в 2021 г. объем автомобильных продаж в США составил 15 млн, то в 2022 г. оптимистичным прогнозом является 14 миллионов. При этом цены на новые автомобили выросли с октября 2021 г. по октябрь 2022 г. на 8,4%.

Таблица 13. Основные показатели экономики США, прирост, %

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ВВП	2,9	2,3	-2,8	5,9	2,3	2,0
Промышленное производство	3,2	-0,7	-7,0	4,9	4,5	3,5
Потребительские расходы	2,9	2,0	-3,0	8,3	2,8	1,2
Частные производственные капиталовложения	5,7	2,8	-5,3	9,0	7,0	5,7
Инвестиции в жилье	-0,6	-1,0	7,2	10,7	-8,0	-4,3
Государственные расходы и инвестиции	1,7	3,3	2,6	0,6	-1,2	1,5
Потребительские цены (индекс PCE)*	2,1	1,5	1,1	4,0	5,5	3,3
Потребительские цены (базовый индекс PCE)**	2,0	1,7	1,3	3,5	4,6	3,2
Уровень безработицы***	3,9	3,6	6,7	3,9	3,7	4,4
Дефицит торгового баланса (млрд долл.)	578,6	559,7	654,0	845,0	995,0	1100,0

* Индекс, включающий расходы на энергоресурсы и продовольствие.

** Индекс, не включающий расходы на энергоресурсы и продовольствие.

*** Доля в экономически активном населении, на конец года.

В следующем году основные риски для американской экономики будут связаны с инфляционными процессами и борьбой с ними ФРС с помощью ужесточения монетарной политики, прежде всего, повышения целевого уровня ставки по федеральным фондам. Жесткая монетарная политика может продолжаться до тех пор, пока не начнет ухудшаться ситуация на рынке труда, который в настоящее время находится в благополучном стабильном состоянии. Существует некоторый риск, что политика ФРС в сочетании с внешними экономическими и политическими факторами могут привести к рецессии в США, однако даже если это произойдет, она не будет слишком глубокой и продолжительной.

Япония

Японская экономика вступила в 2022 год на фоне повышенных ожиданий: долгожданное восстановление оптимизма в деловой среде и рост хозяйственной активности после «ковидных» ограничений позволяли рассчитывать на энергичный рост в течение 2022-2023 гг. с опорой на позитивную динамику как потребительского, так и инвестиционного спроса. Правительство прогнозировало, что в 2022 фин.г. (апрель 2022 г. – март 2023 г.) ВВП в реальном выражении вырастет на 3,2%, что положит начало достаточно длительному периоду устойчивого самоподдерживающегося роста при умеренном стимулировании бюджетными рычагами.

Однако в дальнейшем в ситуацию вмешался ряд факторов, нарушивших относительно благоприятные для роста условия. Во-первых, японские компании – как импортеры, так и экспортеры – столкнулись с фактом долгосрочной дестабилизации международных производственных и логистических цепочек вследствие пандемии коронавируса и роста геополитической напряженности, в первую очередь противостояния США и КНР, а также коллективного Запада и России. Хотя вовлеченность Японии в соответствующие конфликты является ограниченной и во многом опосредованной, а карантинные и прочие противоэпидемические ограничения в Японии не носили столь широкого и разрушительного для экономики характера, как, например, в соседнем Китае, ущерб, нанесенный экономике Японии, был значительным. Ведущие компании вынуждены вносить значительные изменения в свои технологические и торговые цепочки, нести дополнительные издержки, связанные как непосредственно с перестройкой системы связей с внешним миром, так и с удорожанием импорта, в первую очередь энергоносителей, некоторых видов промышленного сырья, полупроводников и других электронных компонентов, и др. Процесс этой перестройки не завершен и окажет существенное воздействие на экономическую динамику ближайших полутора-двух лет.

Во-вторых, под существенным давлением оказалась стабильность цен и ценовых пропорций на внутреннем рынке. Несмотря на то, что показатели инфляции, прежде всего потребительской, остаются на низком уровне, в ряде сегментов (помимо уже упомянутых энергоносителей, это продовольствие и сельскохозяйственное сырье) ценовой всплеск был ощутимым настолько, что повлиял на общие ожидания. Кроме того, рост оптовых цен в производственном секторе, который не мог быть легко перенесен на розничные цены продукции конечного спроса, отрицательно сказался на динамике производства широкого круга потребительских товаров.

В-третьих, переход денежных властей в основных экономиках западного мира к антиинфляционной политике с тенденцией к её ужесточению. Повышение ключевых процентных ставок центральными банками (ФРС, ЕЦБ, Банк Англии), специальные налоговые меры на фоне сохранения Банком Японии мягкой (или даже ультрамягкой) кредитно-денежной политики привел к дестабилизации курса японской валюты. Сильно увеличившийся разрыв в уровнях процентных ставок денежного рынка Японии и других главных западных экономик вызвал масштабный отток ликвидности за рубеж и, как следствие, резкое снижение курса иены. С января по октябрь 2022 г. иена подешевела со 115 до 147 иен за доллар, опустившись до уровней конца 1990-х годов. Помимо инфляционного эффекта («импортируемая инфляция»), столь масштабные и резкие изменения курса оказывают значительное негативное воздействие на экономику из-за снижения предсказуемости деловой среды. Серьезность негативного эффекта признана правительством и в сентябре совместно с Банком Японии оно организовало крупные интервенции на валютном рынке с целью нивелирования «избыточной волатильности».

В-четвертых, угнетающее воздействие на инвестиционную активность оказали нарастающие опасения рецессии в США и Европе в 2023-2024 гг. Несмотря на то, что пессимистические оценки высказывались главным образом экспертами неправительственного сектора, опросы представителей бизнеса выявляли их обеспокоенность вероятностью негативной динамики экономик основных развитых стран в ближайшие годы.

Отчасти под влиянием названных факторов уже первое полугодие 2022 г. не оправдало правительственных ожиданий и в результате показатели экономического роста в 2022 г., а также в последующий период, будут существенно скорректированы в сторону уменьшения. Рост потребительских цен в 2023 по данным МВФ составит 1,4%, а прирост доходов населения в реальном выражении не превысит 1%. Ожидаемые показатели позиции экономики относительно внешнего мира также сильно изменились. Торговый баланс вопреки изначальным прогнозам будет дефицитным практически в течение всего 2022 фин. года, а положительное сальдо текущего баланса сократится в разы по сравнению с предшествующим периодом.

Вместе с тем базовые оценки фундаментального состояния и перспектив японской экономики официальными структурами остаются неизменными. Главной задачей, как и ранее, видится преодоление последствий коронавирусной инфекции 2020-2021 гг., в виде угнетенного состояния частного потребления и инвестиций и, как следствие, общей вялости хозяйственной активности. Выведение экономики из этого состояния, по мнению правительственных экономистов, требует активной

политики стимулирования частного спроса, дополнительных государственных расходов на поддержку хозяйственной активности, а также моральной поддержки населения и бизнеса, ищущих возможности «сосуществования с ковидом».

В качестве инструментов оживления частного спроса, как и в годы так наз. *абэномики*, приоритетными являются управляемая умеренная инфляция и стимулирующие бюджетные ассигнования. В числе последних особо выделяются расходы на реализацию программ, содействующих закупкам высокотехнологичных товаров и услуг в рамках концепций «научно-технологической державы», цифровизации («цифровой трансформации») экономики и общества, а также «экономической безопасности».

Что же касается стимулирования качественных изменений на стороне предложения, то главной задачей в представлении уполномоченных ведомств является преодоление таких ограничителей как количество и качество трудовых ресурсов, структурная адаптации экономически активного населения к потребностям бизнеса. Другим приоритетным направлением неизменно называется усиление инновационной составляющей в деятельности бизнеса, что должно составить, наряду с «цифровой трансформацией», основу национальной конкурентоспособности на средне- и долгосрочную перспективу. Вместе с тем эффективность инструментария, имеющегося в распоряжении правительства, для достижения этой цели остается под вопросом.

Более реальным и актуальным является активно обсуждаемая во второй половине 2022 г. возможность внесения корректив в привычный набор мер экономической политики, призванных непосредственно воздействовать на состояние конъюнктуры. Главной из обсуждаемых тем является возможное ужесточение кредитно-денежной политики после истечения в конце марта 2023 г. срока полномочий нынешнего главы Банка Японии – центрального банка страны. Занимающий этот пост с 2013 года Х. Курода известен как бескомпромиссный сторонник политики низких процентных ставок, кредитной экспансии и дешевой иены, что практически гарантирует неизменность нынешних параметров монетарной политики до конца срока его пребывания на нынешнем посту. В то же время набирает силу мнение, что результативность этой линии с точки зрения стимулирования инвестиционной активности корпораций сегодня близка к нулю, и соответствующие положения нуждаются в изменении. Вместе с тем повышение ключевых ставок, если оно и произойдет, будет медленным и осторожным.

Другим кандидатом на скорый пересмотр является линия на поощрение инновационной активности бизнеса через покрытие части связанных с ней издержек при помощи бюджетных инструментов. Резкое удорожание импорта привело к тому, что так называемые стимулирующие пакеты дополнительных

бюджетных мер уже сейчас в значительной степени переориентированы на частичное компенсирование удорожания критически важных элементов издержек, а также потерь населения от роста цен. Именно на эти цели направляется большая часть выделяемого нынешним кабинетом дополнительного финансирования в рамках законодательно оформляемых пакетов. Вторым же главным его направлением вместо неопределенного «стимулирования инноваций» становится субсидирование локализации производства полупроводниковых элементов и некоторых других «критически важных компонентов», объясняемое интересами экономической и военной безопасности.

Отодвигающаяся по времени перспектива восстановления энергичного роста экономики сняла с повестки дня, по крайней мере на время, вопрос об «оздоровлении» государственных финансов. Хронический дефицит центрального бюджета покрывается выпуском все новых объемов государственных долговых обязательств, аккумулируемых, главным образом, Банком Японии. Это не позволяет в обозримом будущем уменьшить объем накопленного государственного долга, превышающий (в узком определении, по методологии МВФ) 220% ВВП, что делает Японию рекорсменом по этому показателю среди стран «Большой семёрки». Несмотря на это, вопрос о последствиях роста государственных расходов в рамках программ поддержки производства и потребления по-прежнему рассматривается как вторичный, а дальнейший рост объема государственного долга – как допустимый.

Китай

Несмотря на негативные явления 2022 года, такие как уменьшение объема продаж жилой и коммерческой недвижимости, снижение темпов прироста китайского экспорта, не восстановившееся конечное потребление домохозяйств – вероятность масштабного кризиса в 2023 г. из-за внутренних причин достаточно низка.

К основным позитивным факторам роста китайской экономики в 2023 году можно отнести, во-первых, откат в государственной политике по «охлаждению» рынка недвижимости и переход к его стимулированию, и, во-вторых, проявление позитивного, хотя и ограниченного, эффекта от программы инфраструктурного строительства, масштаб которой был увеличен, и её положительные результаты будут заметны в конце 2022 г. и в течение всего 2023 года.

Доминирующим негативным фактором для экономического роста будет продолжение, хотя и в меньшем масштабе, реализации государственной политики «нулевой терпимости к коронавирусу» в рамках которой китайские власти могут вводить режим изоляции. Это приводит к снижению деловой активности, что отрицательно сказывается на промышленности, сфере услуг, экспортном секторе и на конечном потреблении домохозяйств. Признаков полного отказа от этой политики пока не видно.

Основной тенденцией 2023 г. на китайском рынке недвижимости станет частичное снятие ограничений на кредитование застройщиков, а также её покупателей, что, по мнению властей, должно привести к перезапуску строительного сектора.

В 2022 г. ситуация складывалась непросто – продажи жилых и коммерческих площадей по состоянию на конец сентября так и не восстановились по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Цены на жилую недвижимость в 70 крупнейших городах продолжали снижаться 12 месяцев подряд: в августе – на 2,1% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года.

Кроме того, увеличилось количество незавершенных объектов строительства и задержек их ввода в эксплуатацию. Соответственно ухудшилось финансовое положение застройщиков, что приводило к просрочкам выплат по выпущенным ими ценным бумагам. В середине-конце 2022 г. стали отмечаться случаи бойкотирования гражданами КНР платежей в ответ на нарушение застройщиками сроков строительства.

Вместе с тем, несмотря на сложную ситуацию китайский рынок недвижимости, скорее всего, не станет источником масштабного кризиса в экономике. На середину 2022 г. общий объем кредитов, связанных с незавершенными объектами

строительства, оценивался примерно в 500 млрд юаней, что составляет всего 1,5% от общего объема ипотеки или 0,3% от общего объема кредитного портфеля.

Кроме того, власти предпринимали дополнительные меры для скорейшего завершения строительства: банкам было предписано увеличить кредитование застройщиков; создавались специальные фонды для финансирования строительства; государственные банки выкупали объекты незавершенного строительства, достраивали их, сдавали в аренду и компенсировали таким образом свои затраты.

Народный банк Китая и Комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности разрешили властям некоторых городов самим понижать требования к взносу на покупку первого жилья. Например, в городах Нанкин, Сучжоу и Уси объем первоначального взноса был снижен на 20 процентных пунктов. В 24 городах власти сняли запрет на получение родителями ипотечных кредитов на покупку жилья для своих совершеннолетних детей. В ряде городов отменен запрет на приобретение недвижимости гражданами без местной прописки.

Вероятное замедление темпов прироста объемов китайского экспорта также будет сдерживать экономический рост КНР в 2023 году. Эта негативная тенденция отмечается примерно с середины 2021 года. Например, в третьем квартале темпы прироста китайского экспорта составили 23,9% и 22,7% в четвертом квартале. В первом и втором кварталах 2022 г. аналогичные показатели составили уже 15,6% и 12,8% соответственно. В августе темпы прироста китайского экспорта составили 7,1% в годовом выражении.

По основным китайским торговым партнёрам ситуация складывалась следующим образом. Темпы прироста китайского экспорта в США в августе 2022 г. сократились на 3,8% в годовом исчислении на фоне увеличения на 11% в июле, темпы прироста экспорта в ЕС сократились до 11,1% после увеличения на 23,2% в июле, темпы прироста китайского экспорта в страны АСЕАН также замедлились до 25,1% после прироста на 33,5% в июле.

По словам заместителя министра коммерции КНР Ван Шувэня перспективы спроса на китайские товары на основных экспортных рынках весьма туманны – это один из главных вызовов для китайской внешней торговли в будущем году. Учитывая геополитическую обстановку в мире поводов для ускорения темпов прироста китайского экспорта в 2023 г. пока не просматривается.

Темпы прироста конечного потребления домохозяйств пока не могут выйти на траекторию устойчивого роста. Одним из следствий этого является снижение темпов прироста розничных продаж потребительских товаров. В январе-феврале 2022 г. соответствующий показатель достиг своего пика в 6,7%, далее обвалился до

минус 11,1% в апреле, в августе вырос до положительных 5,4%, а в октябре опять снизился до отрицательных 0,5%. При том, что до пандемии этот показатель в среднем прибавлял по 12% в месяц на протяжении более 10 лет подряд. Учитывая продолжение, хотя и с ограничениями, политики «нулевой терпимости», такие скачки сохранятся и в 2023 году.

На фоне негативных тенденций на рынке недвижимости, снижающихся темпов прироста китайского экспорта, а также не оправившегося от негативных последствий пандемии и изоляции сектора услуг Госсовет КНР пошел, правда, с запозданием, по традиционному пути спасения китайской экономики – увеличению инвестиций в инфраструктурное строительство.

В конце июня-начале июля 2022 г. в очередной раз были расширены лимиты на выпуск долговых ценных бумаг на сумму 300 млрд юаней, а также повышена квота на кредитование инфраструктурных проектов до 800 млрд юаней. Например, Банк развития Китая разместил ценные бумаги на сумму 210 млрд юаней, Сельскохозяйственный банк – на сумму 90 млрд юаней.

Полученные подрядчиками от банков средства могут быть потрачены на проекты в следующих сферах:

- транспорт, охрана водных ресурсов, энергосети;
- модернизация производства (преимущественно в сфере науки и инноваций);
- городская инфраструктура (в т.ч. инженерные сети и др.);
- сельское хозяйство и сельская инфраструктура;
- инфраструктура государственной безопасности.

Новые правительственные планы поддержки экономического роста путем дополнительного выпуска ценных бумаг и расширения кредитного лимита теоретически могут привлечь инвестиции в инфраструктуру общим объемом примерно 1,2 трлн юаней. Вместе с тем, ставший уже традиционным механизм стимулирования китайского экономического роста, вероятно, теряет свою эффективность из-за недостаточного количества потенциальных инфраструктурных проектов с устойчивой финансовой отдачей. Это также может оказать негативное влияние на экономическое развитие Китая в 2023 году.

Индия

Восстановительный экономический рост в Индии в 2022 г. не превысит 6,8% (по сравнению с 8,7% в 2021 году). Понижительный пересмотр показателей экономического роста на 2022 г. в размере 0,6% по отношению к уже сделанному в июне 2022 г. прогнозу МВФ был вызван как вышедшими «слабыми» данными по объему промышленного производства в Индии во втором квартале 2022 г., так и сократившимся внешним спросом на товары индийского производства. Прогноз экономического роста на 2023-2024 ф.г. остался неизменным, на уровне 6,1%. По данным МВФ, инфляция в Индии может вернуться к «терпимым» значениям не ранее 2023-24 ф. г.

Такие рейтинговые финансовые агентства, как Citigroup, Asian Development Bank, Fitch Ratings, оценивают темпы экономического роста в Индии в 2023 г. в пределах 7%. Более оптимистическая картина представлена в прогнозе S&P Global Ratings: экономический рост индийской экономики в 2023 г. оценивается в 7,3%. Показательно, что Резервный банк Индии в сентябре с.г. снизил свои прогнозные значения на 2023 г. с 7,2% до 7%. Пересмотренные оценки Резервный банк Индии мотивировал такими факторами, как «воздействие геополитических напряжений», «ужесточение глобальных финансовых условий» и замедление темпов внешнего спроса на индийскую продукцию. Специалисты РБИ полагают, что неблагоприятные прогнозы на рост мировой экономики «добавили неопределенности нынешней сложной ситуации».

Индийские финансовые эксперты обращают внимание на рекордный внешнеторговый дефицит страны за пять месяцев (апрель-август) текущего финансового года, который составил 125,2 млрд долларов, что почти в два с половиной раза превышает аналогичные показатели предыдущего года. Также отмечается, что индийская рупия в нынешнем календарном году потеряла 7% стоимости по отношению к американскому доллару и по-прежнему остается под финансовым давлением. Подобная ситуация может иметь следствием снижение объема золотовалютных резервов страны и неблагоприятное воздействие на индийский импорт. До конца не преодолены последствия эпидемии коронавируса, сказавшиеся отрицательно на уровне занятости в стране. Критический настрой финансовых аналитиков «компенсируется» общей положительной динамикой развития Индии. Считается, что «крупнейшая демократия мира» переживет надвигающийся глобальный экономический спад легче многих других стран. Также подчеркивается, что темпы инфляции будут ниже, а экономический рост выше, чем в других странах.

Несколько иную аргументацию экономического роста Индии в 2023 г. предлагают аналитики Всемирного банка, которые недавно снизили прогноз темпов экономического роста этой страны с 7,5% (июнь 2022 г.) до 6,5%. Согласно их представлениям, ускоряющаяся инфляция на фоне повышения цен на ключевые сырьевые товары и рост стоимости заимствований неблагоприятно отразятся на частном потреблении в 2023 г., тогда как замедление роста мировой экономики будет препятствовать повышению спроса на экспортные товары индийского производства. Далее, рост частных инвестиций, вероятно, будет тормозиться высокой экономической неопределенностью и более значительными финансовыми затратами. Продолжающееся упрощение правил ведения бизнеса поможет облегчить тяготы переходного периода в процессе создания новых рабочих мест и рационализации порядка деловых операций.

В докладе Всемирного банка отмечается, что экономика Индии «оживает» быстрее, чем хозяйственные системы других стран. Активно восстанавливается экспорт услуг, а достаточные резервы иностранной валюты обеспечили устойчивость динамики внешнеторговых операций. Положительную роль в восстановительных процессах сыграл и фактор незначительного внешнего долга Индии.

Вместе с тем в докладе Всемирного банка отмечается, что вторая половина 2023 календарного года для Индии может быть «проблемной». Во-первых, этому способствует замедление темпов роста реального сектора экономики в странах с высокими доходами. Во-вторых, повсеместное ужесточение денежно-кредитной политики, «сжимающее» финансовые рынки, что имеет следствием не только отток капитала из развивающихся стран, но и повышает процентные ставки и таким образом оказывает отрицательное воздействие на инвестиционный процесс в целом.

Несколько иной взгляд на перспективы экономического роста Индии в 2023 г. содержится в докладе рейтингового агентства S&P Global Ratings. Из его доклада следует, что к марту 2023 г. показатели экономического роста в стране возрастут до 7,3%. Авторы исходят из своеобразной диалектики понижительных и повышательных трендов в индийской экономике. С одной стороны, понижительное давление на экономический рост оказывают высокие цены на нефть, замедление глобального спроса на продукцию индийского экспорта и высокая инфляция. Агентство предсказывает инфляцию потребительских цен на уровне 6,8%. С другой стороны, экономический рост будут поддерживать такие факторы, как нормальный по обилию осадков муссон и оживление сферы услуг. Значительную роль в поддержании экономического роста сыграет устойчивое увеличение внутреннего потребления. В докладе агентства также отмечается, что

определенным ограничителем инфляционных процессов может стать осенний муссон, способный интенсифицировать аграрное производство и ограничить рост цен на продукты первой необходимости.

«Стереоскопический», учитывающий влияние глобальных, региональных и национальных факторов на перспективы социально-экономического развития Индии в 2023 г. предлагает ежегодный аналитический доклад Конференции Организации объединенных наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), который содержит иные акценты при оценке перспектив «крупнейшей демократии мира» в следующем году. Аналитики ЮНКТАД полагают, что экономический рост Индии в 2022 г. составит 5,7%, тогда как в 2023 г. его показатели снизятся до 4,7%. Значительное влияние на понижательную тенденцию будет оказывать падение темпов роста экономики на глобальном уровне. В аналитическом докладе ЮНКТАД, вышедшем в свет 3 октября 2022 г., утверждается, что в 2022 г. рост мировой экономики не превысит 2,6%, что на 0,9% ниже уровня, прогнозировавшегося в предыдущем регулярном докладе этой организации. Падение темпов роста мировой экономики отразится практически на всем глобальном хозяйстве, подчеркивают авторы доклада. Также депрессивное воздействие на экономический рост будет оказывать налогово-бюджетное давление, которое может побудить национальные правительства, включая индийское, отказаться от прежде планировавшихся инвестиций в инфраструктуру и другие отрасли хозяйства, снизив капитальные затраты на развитие экономики более чем на 1% ВВП.

В Индии, отмечается в докладе, хозяйственную активность сдерживают возможные высокие финансовые издержки и недостаточные для экономического роста государственные расходы, что и стало причиной замедления темпов роста экономики в 2022 г. Хотя правительство Индии уже анонсировало планы по наращиванию государственных инвестиций в развитие системы автомобильных и железных дорог, руководители страны находятся под постоянным прессингом необходимости уменьшения бюджетных дефицитов, и этот политический императив может иметь следствием нежелательное сокращение государственных расходов.

Авторы доклада ЮНКТАД отмечают противоречивые последствия выхода Индии из пандемических ограничений. С одной стороны, среди членов Группы-20 Индия имела наиболее высокие показатели экономического роста в 2021 г. (8,7%). С другой стороны, частичное восстановление «цепочек» трансграничных производственных поставок привело к росту внутреннего потребления и в конечном счете имело следствием смену положительного торгового баланса на отрицательный, что тормозит экономический рост в стране. Предложенная

правительством Индии «схема» стимулирования промышленного производства действительно поощряет приток корпоративных инвестиций в народное хозяйство. Однако растущие расходы на приобретение энергоносителей усугубляют внешнеторговый дефицит страны и уменьшают размеры «подушки безопасности» золотовалютных резервов Индии.

Индия, отмечается в докладе ЮНКТАД, будет испытывать экономические трудности также в результате «каскадных и множественных кризисов», ставших возможными в результате «неравномерного восстановления» мировой экономики в 2021 г., а также вследствие «замораживания» доходов ниже уровня 2019 г. в промышленно развитых странах.

В докладе ЮНКТАД отмечается, что более 50% индийского импорта приходится на сырьевые товары, включая энергоносители и продовольствие. В результате импорт «подталкивает» вверх внутренние цены, и значительная часть среднего класса оказывается в слабо защищенном положении. На основе данных по мировой экономике за последние 50 лет делается вывод, что повышение цен на нефть на 50% (как это произошло в 2021 г.) увеличивает уровень инфляции на 3,5-4,4%, с лагом примерно в два года.

Таким образом, все прогнозы, признавая трудности роста индийской экономики в 2023 г., констатируют в целом устойчивый характер экономики «крупнейшей демократии мира», вытекающий из ориентации на внутреннее потребление и на взвешенный характер участия этой страны в мировом хозяйстве.

Политическое развитие Индии в 2023 г. представляется устойчивым и предсказуемым. В конце второй декады октября 2022 г. состоялись выборы президента старейшей партии страны, Индийского Национального Конгресса. За М. Карге (Mallikarjun Karge) проголосовали 7897 делегатов с правом голоса (84,14%), тогда как за Ш.Тарура (Sh. Tharoor) было подано 1072 голоса (11,4%). Выборы руководителя Конгресса напомнили о не преодоленном внутреннем кризисе ИНК, что подтверждает предположение о формировании в Индии системы однопартийного преобладания, которая существовала в прошлом и центром которой был Индийский Национальный Конгресс. Пока признаки формирования двухпартийной системы в Индии на обозримую историческую перспективу не просматриваются. Видимо, поэтому критика ИНК в адрес правящей Бхаратия Джаната Парти сосредоточена на системе «соревновательного авторитаризма» и «культе личности» премьер-министра Н. Моди.

Анализ достоверности прогноза на 2021 г.

Прогнозы на 2021 г. разрабатывались осенью 2020 г. на основании имеющихся данных за 3 квартала 2020 г., то есть в условиях полной неопределенности. Основная неопределенность при проведении оценок: ход пандемии и антикризисные действия правительств. Тем не менее, представленные в таблице №14 оценки МВФ (октябрь 2020 г.) и оценки ИМЭМО РАН (ноябрь 2020 г.) оказались очень близки к реальным показателям роста мировой экономики. Об этом свидетельствует сопоставление этих оценок с фактическими данными, опубликованными МВФ в октябре 2022 г.

Таблица 14. Сопоставление прогнозов темпов прироста ВВП с фактическими данными на 2021 г.

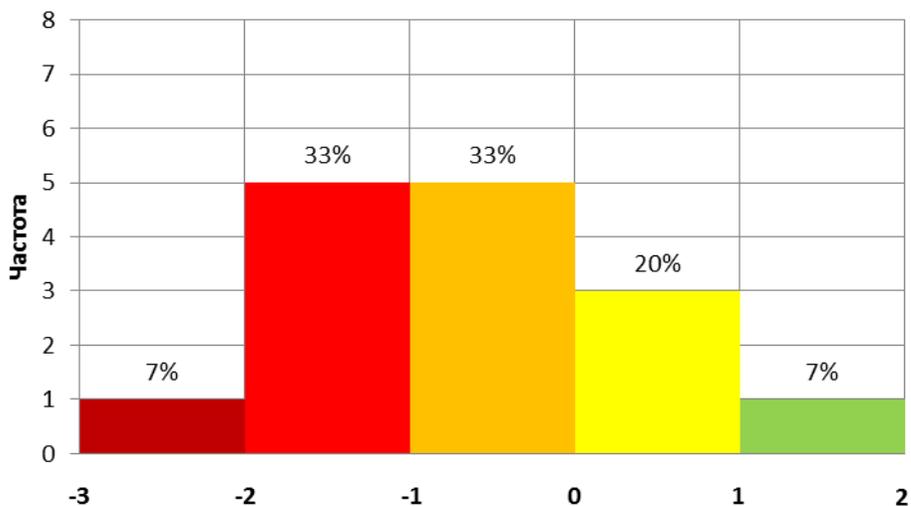
	МВФ	ИМЭМО	Фактические данные
Мир	5,2	5,4	6,0
Развитые страны	3,9	4,5	5,2
США	3,1	4,5	5,7
Япония	2,3	2,5	1,7
Великобритания	5,9	6,0	7,4
Зона евро	5,2	5,1	5,2
ЕС	5,0	5,1	5,4
Германия	4,2	4,4	2,6
Франция	6,0	6,0	6,8
Италия	5,2	5,1	6,6
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	6,0	6,0	6,6
Китай	8,2	7,0	8,1
Индия	8,8	8,5	8,7
Бразилия	2,8	3,0	4,6
Россия	2,8	3,0	4,7

Отклонение прогнозных оценок от фактических данных хорошо видны на гистограммах, на которых эти отклонения в ту или другую сторону указаны на оси абсцисс, а доля оценок в процентах, попавших в соответствующий интервал – на оси ординат (гистограммы 1, 2).

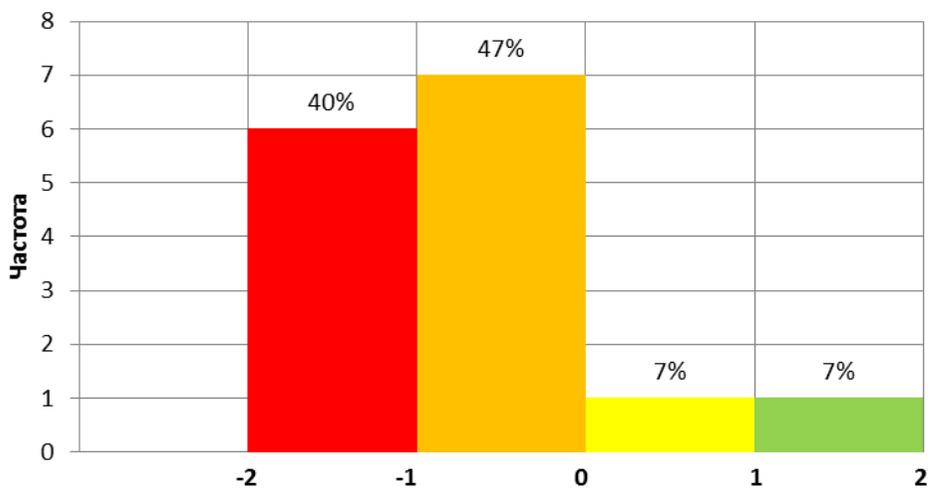
Из этих гистограмм видно, что оба прогноза показали вполне удовлетворительную точность, при этом прогноз ИМЭМО несколько точнее. Максимальное отклонение прогноза ИМЭМО – 1,8 п.п., МВФ – 2,6 п.п. Минимальное отклонение прогноза

ИМЭМО – 0,1 п.п., МВФ – 0 п.п. На гистограммах видно, что в интервал ошибок -1,0 – +1,0 попало по 8 ошибок ИМЭМО и МВФ, а в интервал ошибок -2,0 – +2,0 – попали все 15 оценок ИМЭМО и 14 оценок МВФ.

Гистограмма 1. Распределение ошибок прогнозов МВФ на 2021 г., %

Гистограмма 2. Распределение ошибок прогнозов ИМЭМО на 2021 г., %

Статистический анализ показывает, что стандартная ошибка прогноза ИМЭМО составила 0,24, а прогноза МВФ – 0,28. Средний квадрат ошибки прогноза ИМЭМО оказался равен 1,2, а прогноза МВФ – 1,6. Среднее абсолютное значение ошибки прогноза ИМЭМО – 0,96, а МВФ – 1,03. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в условиях высокой степени неопределенности перспектив развития мировой экономики в конце 2020 г. оба прогноза оказались на достаточно высоком уровне.

ЧАСТЬ III
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Внутриполитические тренды в США в 2023

2023 г. будет годом транзита и определения среднесрочных приоритетов для всех игроков на внутриполитическом поле. Связано это как с результатами прошедших промежуточных выборов, так и с главным событием 2024 г. – выборами президента. Обеим партиям предстоит определиться со их предвыборной тактикой, кандидатами, идеологическим вектором и электоратом, а Президенту – сделать решающие шаги по продвижению и защите своей повестки. Можно ожидать роста противостояния, традиционно характерного для предвыборного года, как на уровне власти, так и на уровне общества. Можно прогнозировать несколько определяющих для внутриполитического развития процессов в 2023 г.

В фокусе защита прав меньшинств. Демократы, сохранив большинство в Сенате и сильные позиции в Палате представителей, получили возможность не только защищать достижения прошедших двух лет, но и инициировать дальнейшие шаги по реализации социальной повестки. Их фокусом может стать гарантирование социальных прав меньшинств. С учетом возросшей роли Верховного суда в поляризованной среде, демократы будут стремиться играть на опережение его решений по острым вопросам, создавая или укрепляя федеральную законодательную базу, чтобы избежать повторения ситуации с отменой гарантированного на федеральном уровне права на аборт. Будут инициированы законопроекты, гарантирующие на федеральном уровне право на аборт, могут быть приняты законы, гарантирующие право женщин на медикаментозное прерывание беременности и на контрацепцию, а также законы, защищающие права сексуальных меньшинств.

Децентрализация и левый вектор развития у демократов. В Демократической партии фактически произошла давно ожидаемая смена поколений, что может привести к изменению вектора развития партии и модели партийной организации. Поскольку новый лидер меньшинства – член прогрессистского крыла партии, закономерно ожидать окончательного смещения идейного центра партии влево. Численность фракции Голубых псов, которая объединяет умеренных демократов, уменьшилась, поэтому новые лидеры могут посчитать ненужным выстраивать с ними коалицию. Учитывая растущую численность левого крыла, новая модель партийной организации может предполагать большую децентрализацию, за которую уже давно выступали прогрессисты, критикуя Н. Пелози за жесткий центристский стиль управления. Принципиально важной задачей для новых лидеров станет сохранение и расширение каналов финансирования для

избирательной кампании. Не исключено, что отдельные консервативные доноры, делавшие ставку на Н. Пелози, могут отойти от партии.

Усиление правоконсервативного тренда в Республиканской партии. Для Республиканской партии 2023 г. также будет решающим. Она имеет возможность проявить себя в Палате представителей, впервые после ухода Трампа из Белого дома. Партия большинства может задавать тон. И этот тон скажет о партии больше, чем первые два года противостояния Д. Байдену. Смогут ли они предложить что-то конструктивное или сосредоточатся только на блокировании инициатив Президента? Первая тактика может оказаться более привлекательной для умеренного электората Республиканской партии, но готова ли партия работать на него. Это потребует от партийного истеблишмента дистанцирования от правоконсервативного крыла и особенно от сторонников Трампа. Это фактически означает, что истеблишмент должен будет сделать свой выбор относительно кандидатуры Д. Трампа в 2024 г. Учитывая, что альтернатива ему в республиканском лагере появилась, а промежуточные выборы показали, что его поддержка далеко не всегда способствует успеху, нельзя исключать, что партийный истеблишмент будет более решительно пересматривать наследие бывшего президента, переориентируясь на новое поколение политиков из этого же идейного спектра.

Дж. Байден против Д. Трампа ...опять. Избирательная кампания 2024 фактически уже объявлена, как результатами промежуточных выборов, так и официальными заявлениями Байдена и Трампа о готовности баллотироваться. Именно в 2023 г. обеим партиям предстоит определиться со своими кандидатами и как следствие – будущим вектором развития. Для демократов коалиция «остановить Трампа» оказалась самой успешной со времен коалиции Б. Обамы. И пока новой объединяющей идеи у партийного истеблишмента нет. Байден же нужен партии, как тот, кто уже смог его победить. Для республиканцев Трамп пока остается единственным опробованным инструментом мобилизации почти 40% электората. Пара Байден – Трамп оказалась ловушкой для обеих партий, которая затягивает назревшие перемены в партиях, дает возможность партийным элитам отложить поиски нового пути. С большой вероятностью обеим партиям не удастся избежать этой ловушки.

Общественный запрос на умеренность останется без ответа. Поскольку активность демократического электората на выборах в Конгресс считается партией, как волна в защиту демократии, эта тема останется основной, что неизбежно усилит леволиберальную популистскую повестку. Между тем в голосах избирателей, демократов и республиканцев, был еще и протест против радикализации партийных повесток. В действительности общественные настроения совсем не такие монолитные как они воспринимаются партиями, не

только в республиканском лагере, но и в демократическом. Умеренные демократы и колеблющийся электорат голосовали в надежде получить более умеренную социальную повестку. Эта часть электората опять останется не услышанной. Вектор развития общественных настроений и идейного развития партий с большой вероятностью не пересекутся в 2023 г. Борьба с угрозой демократии в лице Д. Трампа в таких условиях может действительно оказаться единственной силой, объединяющей Демократическую партию и ее электорат. В республиканском лагере же пока не будет даже такого единства.

Внешняя политика США

Несмотря на подготовку к выборам 2024 г. и обострение межпартийной борьбы, внешняя политика США будет определяться деятельностью администрации Д. Байдена. Важной задачей станет ускоренное развитие ряда новых подходов, продвигаемых демократами. Цель – утвердить начатые инициативы и застраховать их от отмены в случае прихода президента-республиканца.

В значительной степени эта проблема будет затрагивать отношения США с партнерами по невоенным форматам сотрудничества – Глобальному партнерству по инфраструктуре и инвестициям, Индо-Тихоокеанскому экономическому рамочному соглашению, Партнерству Америк для экономического процветания и др. В условиях поляризации и несклонности республиканцев к поддержке различных форматов торгового-экономической кооперации, задачей демократов на 2023–2024 гг. будет утвердить свои проекты в качестве устоявшегося элемента американской внешней политики.

Такая проблема вряд ли затронет военные союзы – НАТО, AUKUS, а также QUAD – неформальную площадку по кооперации между Австралией, Индией, США и Японией. Растущая конфликтность, выраженная кризисом европейской безопасности, а также противоречиями с КНР, в том числе по вопросу Тайваня, делает военно-политическое сотрудничество очевидной необходимостью как для демократов, так и для республиканцев.

Обновленная Стратегия национальной безопасности США, опубликованная в 2022 г., определяет несколько ключевых вызовов. Во-первых, это стратегическая конкуренция с КНР, которая является важнейшим долгосрочным вызовом. Во-вторых, военно-политическая конфронтация с Россией, которая рассматривается не как долгосрочная, но как наиболее острая среднесрочная проблема. Также выделяются и другие традиционные оппоненты – Иран и Северная Корея. Важнейшей задачей является и борьба с изменением климата, где США намерены реализовывать свои лидерские амбиции.

При этом в документе заметна смена общей внешнеполитической рамки: *Соединенные Штаты переходят в состояние долгосрочной конфронтации,*

описываемой ими как противостояние демократий и автократий. Борьба этих двух противоположностей будет сводиться к способности каждой из сторон доказать большую эффективность своего социально-экономического устройства и предоставления более высокого уровня жизни граждан. Характерно и то, что Соединенные Штаты признают необходимость сотрудничества не только с демократическими союзниками, но также и с теми автократическими государствами, которые выступают против усиления основных оппонентов США – КНР и РФ. Таким образом логика новой стратегии имеет отчетливую переключку с подходами времен холодной войны и биполярного мира.

Стратегическая конкуренция с КНР. США усилят конфронтационный подход в отношении Китая. Но важной задачей останется поддержка базового уровня взаимодействия с КНР в интересах американского бизнеса. Не исключено, что двусторонние торговые и инвестиционные связи продолжат развиваться. Это представляется выигрышной стратегией не только для ослабления напряженности между странами, но и для оказания помощи экономике самих США, темпы развития которой замедляются.

Однако геополитические соображения в отдельные периоды могут доминировать над экономическими расчетами при принятии решений. В Конгрессе уже зондируется возможность создания целевой группы для изучения всей гаммы отношений с Китаем на глобальном уровне – от готовности к пандемии до борьбы с изменением климата.

США будут добиваться большей сбалансированности двусторонней торговли с помощью инструментов «вежливого трампизма». Белый дом не будет отменять таможенные пошлины и другие ограничения, введенные администрацией Трампа. Их выборочная отмена или снижение может осуществляться, но как правило, на основе взаимности, в порядке исключения, на ограниченный срок и только для товаров, в импорте которых жизненно заинтересованы США.

Администрация Байдена продолжит бороться за американское лидерство в инновационных отраслях промышленности. Это предусматривает увеличение инвестиций в промышленность, НИОКР и инфраструктуру. С помощью госсубсидий, мер экспортного контроля и других инструментов часть производственных мощностей переносится из Китая в США. Ставятся задачи подорвать усилия Пекина по модернизации инновационной индустрии, закрыть доступ к передовым технологиям, отстранить от участия в программах международного технологического сотрудничества и системе установления стандартов.

Руководствуясь соображениями национальной безопасности, США намерены максимально сократить зависимость от иностранных поставок. Стратегия

Вашингтона определяется задачами укрепления собственной конкурентоспособности и ставит целью формирование американоцентричных цепочек поставок, желательно без участия КНР. США принуждают своих партнеров выбирать сторону в противостоянии с Китаем, вызывая антагонизм у своих союзников, вынужденных размышлять, насколько далеко Вашингтон готов зайти в вопросах экстерриториального применения своего законодательства.

Конкуренция все больше смещается в сферу микроэлектроники. Американским фирмам, получающим федеральные субсидии, запрещено расширять или модернизировать свои мощности по производству полупроводников в Китае в течение 10 лет. Вводятся ограничения на оборонные и коммерческие технологии. В дальнейшем США собираются превратить односторонние меры экспортного контроля в многосторонние и расширить их до полупроводников более низкого класса.

Будет усилен контроль за инвестициями в инновационные отрасли Китая. Белый дом намеревается также поставить под свой контроль полупроводниковую индустрию на Тайване и в Южной Корее, откуда импортируется инновационная микроэлектроника, не производимая в США. Разработан даже комплекс мероприятий на случай конфликта между КНР и Тайванем, следствием которого может стать остановка до двух третей мировых поставок полупроводников.

Администрация Байдена продолжит заявлять о себе как о глобальном лидере в области борьбы с изменением климата. При этом США продолжают оставаться вторым загрязнителем климата в мире после Китая, который к тому же опережает США в массовом внедрении солнечной энергии и электромобилей. Первоочередная задача Вашингтона – нейтрализовать влияние КНР в развивающихся странах, где Пекин успешно развивает возобновляемую энергетику. Вашингтон также хочет заставить Китай отказаться от статуса развивающейся страны и перейти в группу доноров. В этом случае КНР будет вынуждена платить репарации странам, страдающим от разрушительных последствий изменения климата.

Но все же стоит учитывать, что США и КНР могут преодолеть отдельные разногласия, не допустить, чтобы конкуренция переросла в конфликт, и найти способы работать вместе по неотложным мировым проблемам, таким как изменение климата, глобальная макроэкономическая стабильность, здравоохранение и глобальная продовольственная безопасность.

Пекин, в силу своей зависимости от поставок из США, проявляет сдержанную готовность идти навстречу американским требованиям в разумных пределах. Да и Вашингтон осознает, что не в его интересах полностью блокировать развитие «отраслей будущего» Китая, являющегося одним из крупнейших в мире

потребителей микроэлектроники, полупроводникового оборудования и программного обеспечения, в том числе американского.

Крупные международные проекты США. Соединенные Штаты продолжают развивать сотрудничество с ключевыми союзниками в Европе и Азиатско-тихоокеанском регионе. Активизируются переговорные процессы с дружественными США странами для переформатирования цепочек поставок и переориентации части торговых потоков с КНР на альтернативные рынки. Повышенное внимание будет уделяться созданию и активизации деятельности американоцентричных антикитайских альянсов, включая AUKUS и американо-тайваньскую инициативу по торговле. Но результативность таких действий может постепенно снижаться, учитывая, что страны, активно сотрудничающие с Китаем, будут руководствоваться прежде всего собственными интересами.

Со стороны США будут предприниматься дальнейшие усилия по формированию принципов кооперации со странами, формально не являющимися их союзниками и относящимся к не-демократическому миру. Совместно с Группой семи и Европейским союзом Соединенные Штаты будут развивать Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям (PGII). Данный проект рассматривается в качестве частичной альтернативы китайской инициативе Пояса и Пути. Основной акцент будет сделан на развитии цифровой экономики, соответствующей инфраструктуры, а также государственных, социальных и гражданских институтов в развивающихся странах. Важнейшим отличием от Пояса и Пути должна стать принципиально иная модель финансирования. Если китайский проект развивается за счет государственных средств, то для развития PGII предполагается привлекать частные инвестиции.

Реализация такого подхода ставит сложную задачу по преодолению суверенных рисков в развивающихся странах, участвующих в проекте. Необходимо обеспечить развитие местных институтов для минимального уровня, гарантирующего возврат средств, вложенных частными инвесторами. Для решения этой проблемы предполагается привлекать американские организации и, в частности, Агентство США по международному развитию (US AID).

Проект безусловно рассчитан на долгосрочную перспективу. Однако его структура еще только формируется. По всей видимости, в 2023 г. будут представлены более четкие планы и направления по его развитию.

Еще одним важным направлением, сопровождающим деятельность США как в рамках PGII, так и в русле противодействия КНР и России, станет развитие трансатлантического Торгово-технологического совета (ТТС). Его первое заседание состоялось в 2021 г. и изначально данный формат рассматривался как инструмент для преодоления противоречий между США и ЕС по вопросам

торговли, стандартов, мер безопасности в области информационно-коммуникационных технологий. С началом специальной военной операции на Украине важной составляющей в работе ТТС стала выработка трансатлантических подходов к вопросам экспортного контроля. С высокой вероятностью работа Совета будет продолжена и в 2023 г., его важнейшей задачей будет координация союзников в условиях острой международной конфронтации.

Также США будут развивать такие форматы сотрудничества как Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение и Партнерство Америк для экономического процветания. Обе площадки, носящие в целом неформальный характер, были заявлены Д. Байденом в 2022 г. В случае обоих проектов основными направлениями сотрудничества должны стать развитие региональных экономических институтов и инфраструктуры, повышение надежности цепочек поставок, развитие зеленой энергетики, декарбонизация, решение таможенных вопросов.

Таким образом, развитие сотрудничества с партнерами и не враждебными странами в противовес инициативам КНР, очевидно, станет одним из основных направлений американской внешней политики в 2023 г. При этом не имея возможности оказывать реальную финансовую поддержку за счет средств федерального бюджета, Соединенные Штаты будут стремиться к созданию на базе этих форматов соответствующих условий и площадок, стимулирующих частную предпринимательскую инициативу. В первую очередь – со стороны американского бизнеса.

Военные союзы США. Соперничество с КНР будет определять повышенное внимание США к Индо-Тихоокеанскому региону. Вашингтон продолжит развивать партнерство в рамках AUKUS, исследуя возможности укрепления военного потенциала Австралии, рассматриваемой как один из ключевых союзников в ИТР. Одной из тенденций может стать укрепление сотрудничества между AUKUS и Quad в части развития ИТ, особенно – технологий искусственного интеллекта. Способствовать этому США намерены путем либерализации экспортного контроля и упорядочения обмена информацией.

В НАТО планы и действия США будут по-прежнему подчинены логике противостояния с Россией. Важнейшими приоритетами для США останется усиление позиций в Польше и странах Прибалтики, а также вступление в НАТО Швеции и Финляндии. О завершении последнего процесса в 2023 г уверенно говорить преждевременно. США продолжат опираться в развитии блока в первую очередь на страны Восточной Европы, в том числе используя для этого и механизмы военной помощи Украине. Так, ими могут частично финансироваться закупки новых ВиВТ для стран Восточной Европы в обмен на передачу ими Украине имеющихся запасов вооружения.

Продолжится рост присутствия США в Норвегии, в частности, на основе одобренного в июне 2022 г. норвежским парламентом оборонительного соглашения между Осло и Вашингтоном. Соглашение позволяет США использовать ряд норвежских военных объектов, в частности ВМБ Рамсунд и близко расположенный аэродром Эвенесс на севере страны.

В сфере военно-технического сотрудничества США будут пользоваться положением крупнейшего экспортера и пытаться упрочить его, в том числе, за счет вытеснения России с рынка вооружений и военной техники с помощью санкционных механизмов. Особенно это будет касаться ключевого для интересов США Индо-Тихоокеанского региона, где возможности России в части поставок вооружений постепенно сокращаются. Ключевым инструментом воздействия, помимо собственно санкций, останется также усиление экспортного контроля в отношении России, с целью ограничить доступ российских производителей ВВТ к современной иностранной военной технологии.

ЕВРОПА

В 2022 г. страны объединенной Европы оказались перед лицом «двойного кризиса» – в сферах экономики и безопасности. В Рабочей программе Европейской комиссии на 2023 г. отмечается, что конфликт на Украине и вокруг нее «вернул в Европу ужасную реальность войны»¹, которая стала катализатором энергетического кризиса, негативно отразилась на уровне жизни европейцев и похоронила надежды на быстрое восстановление после экономического спада в период пандемии COVID-19.

Говорить о событиях на Украине как о единственной причине тех проблем, с которыми столкнулись европейцы, было бы неверно. В значительной мере они были обусловлены структурными дисбалансами в экономиках ЕС и Соединенного Королевства, а также долгосрочным трендом на снижение конкурентоспособности и усиление отставания Европы от других центров силы, прежде всего США и Китая.

Несмотря на сложности, связанные с обеспечением бесперебойных поставок энергоносителей, с известной осторожностью можно предположить, что европейские страны сумеют справиться с этой проблемой, пусть и ценой галопирующей инфляции и существенных ограничений, с которыми столкнутся домохозяйства. Вопреки некоторым прогнозам, Европа не замерзнет, хотя режим экономии на отоплении станет нормой как минимум на несколько лет.

---

¹ Commission work programme 2023: A Union standing firm and united. URL: https://ec.europa.eu/info/publications/2023-commission-work-programme-key-documents_en.

Усиление центробежных тенденций в ЕС маловероятно. Поддержанию стабильности в 2023 г. будет способствовать эффект сплочения перед лицом «общей угрозы», а также электоральное затишье в Европе. Сложившиеся обстоятельства временно усилят роль Еврокомиссии вплоть до конца 2023 г., когда де-факто стартует избирательная кампания в преддверии запланированных на середину 2024 г. выборов в Европейский парламент.

Общественные настроения. По данным опубликованного летом 2022 г. «Стандартного Евробарометра», 49% европейских граждан с доверием относятся к деятельности европейских институтов, что является самым высоким показателем с весны 2009 г. Для сравнения, уровень доверия национальным парламентам и правительствам составляет лишь 34%. При этом почти две трети с оптимизмом смотрят на будущее европейского интеграционного проекта. Преобладание пессимистических настроений фиксируется только в одной стране – Греции. Связано это с двумя факторами. Первый – завершение пандемии, снятие последних эпидемиологических ограничений и возвращение жизни в привычное русло. Второй – правильное, по мнению европейцев, реагирование на вызовы украинского кризиса. Большинство (54%) пока поддерживает принятые ЕС меры, причем не только предоставление гуманитарной помощи беженцам и финансовой поддержки властям Украины, но также (хотя и в меньшей степени) введение санкций против России, запрет вещания российских СМИ в Европе и поставку вооружений для украинской армии. Еще шире поддержка продвигаемого Еврокомиссией курса на диверсификацию энергетических поставок, несмотря на то что 78% уже были вынуждены сократить потребление энергии или планируют сделать это в ближайшем будущем².

Вместе с тем в Европе все больше ощущается усталость от конфликта и его социальных и экономических последствий. Проведенные летом 2022 г. по заказу Европейского совета по международным отношениям опросы демонстрируют, что значительная часть европейцев (35%) выступает за его скорейшее урегулирование, даже если установление мира потребует определенных уступок со стороны украинских властей (против этого – 22%, остальные не определились с ответом)³. Если санкции против России не дадут видимого результата, а экономические сложности в самих европейских странах продолжают нарастать, в 2023 г. сторонники мира составят уже не относительное, а абсолютное большинство. Особенно – в странах, географически удаленных от зоны конфликта или сталкивающихся с наибольшими экономическими трудностями.

---

² Standard Eurobarometer 97 – Summer 2022. European Union, 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2693>.

³ Krastev I., Leonard M. Peace versus Justice: The coming European split over the war in Ukraine. URL: <https://ecfr.eu/wp-content/uploads/2022/06/peace-versus-justice-the-coming-european-split-over-the-war-in-ukraine.pdf>.

В 2023 г. следует ожидать роста антиинфляционных протестов в Европе наподобие тех, которые прошли осенью 2022 г. в Соединенном Королевстве, Франции, Германии, Чехии и Румынии. Национальные и коммунитарные власти будут реагировать на них точечными социальными мерами, призванными купировать недовольство среди наименее защищенных слоев населения. Данные меры приведут к перенапряжению государственных финансов с риском повторения долгового кризиса начала 2010-х гг., однако сценарий сворачивания помощи Украине, не говоря уже о налаживании экономических связей с Россией, в перспективе ближайшего года не просматривается.

Активизация наднациональных органов власти. Украинский кризис привел к консолидации стран ЕС на основании широкого антироссийского консенсуса. На первоначальном этапе конфликта решения о помощи Украине и введении санкций в отношении России, а также о мерах по обеспечению энергетической безопасности принимались быстро и солидарно. В предельно сжатые сроки Украине и Молдове был предоставлен статус государств-кандидатов в члены ЕС. Несмотря на то, что по ряду вопросов (формат сотрудничества с Россией в энергетической сфере, поставка Украине летальных вооружений и пр.) среди стран Евросоюза имеются расхождения, в 2023 г. общий вектор европейской политики на данном направлении, по всей видимости, сохранится.

Другой важный тренд – усиление роли наднациональных структур ЕС в формулировании внешнеполитической повестки. В большинстве случаев они выступают с максималистских позиций, предлагая более радикальные подходы, чем большинство национальных правительств. Заявление главы европейской дипломатии Жозепа Борреля о том, что конфликт на Украине должен быть решен на поле боя, призыв председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен подготовить юридическую базу для конфискации российских активов в Европе (что в корне противоречит нормам международного права), резолюции Европарламента в отношении России – вот далеко не полный список таких примеров. Росту дипломатической активности европейских институтов способствуют также ослабление международных позиций Германии, которой после утверждения у власти весьма неустойчивой коалиции во главе с социал-демократами (а также вследствие назревших экономических проблем) становится все сложнее сохранять роль неформального лидера Евросоюза, и сложности во взаимоотношениях Германии и Франции – двух стран, которые ранее во многом определяли европейскую повестку.

В практической плоскости Еврокомиссия взяла на себя функции инициатора и координатора оказания помощи Украине. Ей удалось сломить сопротивление некоторых стран, предпочитавших взаимодействовать с Киевом на двухсторонней основе (Германия, Венгрия), и согласовать 9-миллиардный пакет экстренной

макрофинансовой помощи. Высока вероятность того, что в 2023 г. за ним последует еще один пакет на вдвое большую сумму. С точки зрения системы многоуровневого управления в ЕС, это ведет к росту значения Еврокомиссии в реализации официальной помощи развитию – важного для европейских стран инструмента внешней политики.

Проблемы с нефтегазовыми поставками используются европейскими институтами для продвижения общей энергетической политики. В марте 2022 г. странами ЕС был утвержден проект анонсированного годом ранее трансграничного углеродного налога, который призван укрепить позиции европейских производств с низким углеродным следом, а также разработчиков зеленых технологий. Под действие налога, который будет взиматься с 2027 г., подпадут производство железа и стали, алюминия, цемента и удобрений, электроэнергетика (впоследствии, вероятно, нефтепереработка и нефтехимия). Полученные средства будут направлены в Общий бюджет ЕС. Кроме того, Еврокомиссией разработаны меры по сдерживанию цен на электроэнергию, принята директива о добровольном снижении электропотребления на 15%.

Противостояние России и Запада стало веским доводом в копилку аргументов, выдвигаемых ЕС в пользу «Зеленой сделки», которая наряду с цифровизацией является флагманской инициативой Комиссии фон дер Ляйен. В 2023 г. коммунитарные власти планируют начать комплексную реформу рынка электроэнергии с тем, чтобы отвязать цены на электроэнергию от цен на газ, а также выделить 3 млрд евро на создание рынка водородного топлива и ужесточить систему управления бытовыми отходами.

Еще одно направление, на котором наднациональные органы попытаются сыграть роль «первой скрипки», – обеспечение безопасности выборов в ЕС. Данная тематика оказалась в центре внимания после публикации отчета Европарламента об иностранном вмешательстве в демократические процессы в Европейском союзе, включая дезинформацию (март 2022 г.), и ряда «независимых» экспертных докладов. В 2023 г. следует ожидать новых разоблачений, жертвами которых станут партии, не принадлежащие к политическому мейнстриму, которые якобы получают финансирование со стороны России, Китая и других стран.

Дилеммы стратегической автономии. Крупнейший с окончания Второй мировой войны кризис европейской безопасности привел к усилению атлантизма во внешней политике стран-членов ЕС. В принятой их лидерами Версальской декларации (11 марта 2022 г.) подчеркивалось, что «ключевыми для общей безопасности» являются трансатлантические отношения и сотрудничество по

линии ЕС – НАТО⁴. Разговоры о «смерти мозга» НАТО более не ведутся. Стремительно растет доля военных расходов в ВВП. По предварительным оценкам, в 2022 г. рекордное число входящих в Альянс европейских стран (8 из 28) преодолели двухпроцентную планку, еще две (Франция и Румыния) вплотную приблизились к этому целевому показателю. В 2023 г. милитаризация Евросоюза и «атлантизация» его внешней политики продолжатся. В случае успешной ратификации заявок Швеции и Финляндии на вступление в Альянс, границы между НАТО и ЕС в значительной мере будут стерты (за пределами НАТО останутся лишь четыре страны – Австрия, Ирландия, Мальта и Республика Кипр).

Несмотря на очевидный рост значения трансатлантических связей для европейской безопасности, ЕС не отказывается от идеи стратегической автономии, продвигаемой частью политических элит с середины 2010-х гг. Одобренная в марте 2022 г. концепция «Стратегический компас» по сути фиксирует дихотомию европейской внешней политики – стремление упрочить суверенитет ЕС, сохранив при этом (и даже укрепив) партнерские отношения с Соединенными Штатами⁵.

На наш взгляд, в среднесрочной перспективе концепция стратегической автономии сохранит свою востребованность. Однако конкретные меры по ее имплементации будут лежать не столько в военной, сколько в экономико-технологической плоскости. В 2023 г. в приоритете будет поддержка стратегических отраслей, где ЕС критически зависит от зарубежных технологий и поставок (микроэлектроника, высокопроизводительные компьютеры, аккумуляторные батареи, облачные решения, кибербезопасность и пр.).

Электоральное затишье и выборы в Польше. Уходящий год ознаменовался серьезными внутривнутриполитическими изменениями в ряде европейских стран. В 10 из 27 входящих в ЕС государств состоялись всеобщие парламентские выборы, результаты которых в целом укладываются в главный тренд последнего десятилетия – размывание электоральной поддержки народных партий. Так, во Франции за убедительной победой Эммануэля Макрона на президентских выборах последовала утрата возглавляемой им коалиции абсолютного большинства в Национальном собрании. В Италии по итогам внеочередных выборов было сформировано коалиционное правительство в составе трех правых партий, которые в общей сложности набрали всего 43% голосов (крупнейшая из них – «Братья Италии» – 26%). Фактически в Европе происходит «скандинавизация» политических систем; привычная двухпартийность уходит в прошлое. В 2022 г.

---

⁴ Informal meeting of the Heads of State or Government Versailles Declaration Versailles, 11 March 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf>.

⁵ The Strategic Compass of the European Union. URL: <https://www.strategic-compass-european-union.com>.

однопартийные правительства утвердились лишь в трех странах – Португалии, Венгрии и на Мальте.

Фрагментация национальных политических систем оказывает дестабилизирующее воздействие на внутренние процессы. Вместе с тем она мало влияет на внешнюю политику европейских стран. Добиваясь электоральных успехов, некогда радикальные партии смягчают свои позиции по ключевым международным вопросам и начинают действовать в соответствии с общепринятыми правилами игры. В этом плане примечательна эволюция взглядов итальянских евроскептиков, которые все явственнее дрейфуют в сторону политического центра. Общей тенденцией 2022 г. стало стремление правых националистических партий (хотя и не всех) отмежеваться от России и тем самым избежать маргинализации.

В 2023 г. в большинстве крупных стран Европы не предвидится громких избирательных кампаний. Единственным исключением станет Польша. Согласно проведенным в ноябре 2022 г. опросам, наибольшей популярностью по-прежнему пользуется правящая коалиция «Объединенные правые» во главе с Ярославом Качиньским, однако ее электоральная поддержка заметно сузилась по сравнению с предыдущими выборами и уступает совокупному рейтингу оппозиционных партий и блоков («Гражданская коалиция», «Польша 2050», «Левые» и пр.). В этой ситуации сценарий смены власти выглядит весьма вероятным. Завершение восьмилетнего правления партии Качиньского будет способствовать урегулированию многолетнего кризиса во взаимоотношениях Варшавы и Брюсселя, связанного с несоблюдением польскими властями демократических процедур и стандартов правового государства (в частности, будут разблокированы предназначенные Польше субсидии из европейских структурных фондов).

Немалый интерес представляют также запланированные на июль 2023 г. выборы в Греции. Правда, в случае с этой страной важны не столько результаты голосования (при всем своем внешнем антагонизме, ведущие партии проводят схожую политику), сколько непростой международно-политический фон избирательной кампании. Не исключено, что в условиях снижения электоральной поддержки правящая консервативная «Новая демократия» для укрепления своих позиций повысит ставки в усиливающемся противостоянии с соседней Турцией. Учитывая тот факт, что президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган сталкивается со схожими проблемами (крайне сложные для него президентские выборы состоятся уже в июне), вероятным сценарием становится эскалация двухсторонних противоречий, которая может привести к военным инцидентам в акватории Эгейского моря и осложнить миграционную ситуацию на греко-турецкой границе.

Британия: внешнеполитические амбиции и ограничения. В 2022 г. Соединенное Королевство вступило в период экономической и политической турбулентности. Страна пережила серьезный политический кризис, связанный с

последовательной отставкой двух консервативных правительств – Бориса Джонсона и Элизабет Трасс; 8 сентября завершилась 70-летняя эпоха правления Елизаветы II. Британская экономика испытала инфляционный шок. Темпы хозяйственного роста резко замедлились: в 2023 г. Соединенное Королевство покажет худшую динамику среди стран «Большой семерки».

Новому правительству, возглавляемому бывшим канцлером казначейства Риши Сунаком, придется одновременно решать комплекс проблем, связанных со стабилизацией экономики, восстановлением престижа раздираемой внутренними противоречиями Консервативной партии и сохранением позиций страны на международной арене в условиях финансовых ограничений. Так, заявленная Э. Трасс цель увеличить в 2023 г. военные расходы до 3% ВВП была дезавуирована новым правительством. Такая же участь, вероятно, ожидает финансирование официальной помощи развитию. Вместе с тем поддержка Украины – дипломатическая, экономическая и военно-техническая – останется для Британии одним из внешнеполитических приоритетов. Сохранится и жесткая линия британского истеблишмента в отношении России.

Некоторые изменения возможны в политике Британии на европейском направлении. Соображения экономической целесообразности подталкивают Лондон к налаживанию связей с ЕС. Этому, однако, будет препятствовать нерешенность проблемы торгового регулирования (прежде всего, спор вокруг «Североирландского протокола»).

Определенные подвижки возможны в британо-китайских отношениях. Надвигающаяся рецессия в экономике заставит правительство несколько смягчить антикитайскую риторику. Так, Сунак уже заявил, что не намерен объявлять Китай угрозой безопасности Великобритании, как на том настаивала его предшественница на посту премьер-министра. В то же время, в среднесрочной перспективе противоречия между Британией и Китаем продолжают нарастать.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФГАНИСТАН

В 2023 г. сохраняются основные тенденции, характерные для Ближнего Востока в последние годы. Среди них: укрепление самостоятельности ведущих региональных государств; сохранение высокого уровня конфликтности на фоне процессов осторожного сближения и нормализации; углубление разрыва в уровне социально-экономического развития между отдельными странами и группами государств.

Более развитые государства, располагающие ресурсами и человеческим капиталом, могут рассчитывать на реализацию амбициозных стратегий развития, однако для большинства стран Ближнего Востока (БВ) перспективы достаточно мрачные, особенно с учетом продовольственного кризиса и изменений климата.

Попытки внутренних экономических, социальных и политических реформ подрываются конфликтами и укоренившимися политическими практиками (Ливан, Ирак, Ливия, Сирия).

Сохраняя отношения с США и ЕС, местные силы под влиянием глобальной напряженности будут стремиться диверсифицировать свои связи за счет незападного мира (КНР, стран Центральной, Южной Азии, других регионов) в рамках двусторонних и многосторонних форматов. Совместному решению отдельных региональных вопросов будет препятствовать напряженность в отношениях между США и РФ.

Арабские монархии Залива. Монархии Залива, в первую очередь ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, демонстрируют стремление утвердить свою независимость и влияние как в региональных процессах, так и на международном уровне, используя в своих интересах положение на мировых энергетических рынках.

Страны ССАГПЗ все более активно выходят за пределы БВ, расширяя и углубляя связи в Африке, Индо-Тихоокеанском регионе, Евразии, а также развивая сотрудничество с влиятельными региональными и глобальными игроками и блоками, например, ШОС. Саудовская Аравия рассматривает возможность присоединиться к БРИКС. Ожидается также углубление трансрегионального сотрудничества ОАЭ в формате I2U2 (Израиль, Индия, ОАЭ, США).

США остаются основным партнером монархий Залива в оборонной сфере, однако они предпринимают усилия по диверсификации источников поставок вооружений и военной техники и развитию собственной оборонной промышленности. Особое значение на этом направлении представляет сотрудничество (в первую очередь ОАЭ и Саудовской Аравии) с Китаем и Россией.

Благодаря переориентации российского экспорта нефти в Китай и Индию, страны Ближнего Востока предполагают увеличить свою долю на европейском нефтяном и газовом рынке в ближайшие годы, что, впрочем, ограничивается их техническими возможностями по наращиванию объемов добычи.

Ставки на танкерную перевозку нефти будут расти. За 2022 г. стоимость перевозки танкерами нефти из стран Ближнего Востока, по данным ОПЕК, выросла на 167% по сравнению с прошлым годом.

Предполагаемые МВФ высокие темпы прироста экономики в Саудовской Аравии (9%) и ОАЭ (7%), Катаре (3,4%) станут стимулировать потребительские расходы и ускорят рост промышленного производства и строительства и, соответственно, потребления и производства энергии.

Вместе с тем ОАЭ, Саудовская Аравия и Катар все активнее заявляют о себе как об авангарде борцов за «зеленую энергетику», развитие возобновляемых источников

энергии, предотвращение негативных эффектов изменения климата. Большое внимание монархии уделяют проектам развития «голубого» и «зеленого» водорода, солнечной и ветряной энергетики. ОАЭ и Саудовская Аравия нацелены также на повышение доли атомной энергетики в своем энергопотреблении.

Египет надеется восстановить свою прежнюю роль крупного регионального игрока. Умеренно-стабильная внутривнутриполитическая ситуация, экономическая устойчивость к вызовам и развитие перспективных направлений (нефтегазовая отрасль) и волна «нормализаций» на Ближнем Востоке укрепили уверенность Каира в себе.

Вместе с тем в Египте сохранится сложная социально-экономическая ситуация – продовольственный кризис, последствия изменения климата, будут негативно сказываться на сельскохозяйственном и туристическом секторах. В результате могут активизироваться миграционные процессы.

Иран. В краткосрочной перспективе сохранится влияние на политическую, экономическую и социальную сферы таких факторов как санкции, проблемы социального неравенства, неравномерного развития различных регионов ИРИ, проявления общественно-политического недовольства.

Протестная активность в 2023 г. может постепенно снизиться под давлением силовых структур и в условиях относительно слабой самоорганизации протестующих. Однако почва для протестов сохраняется и сохраняются каналы получения протестующими финансовой помощи и оружия из-за рубежа.

Тем не менее в 2023 г. продолжатся процессы укрепления роли ИРИ в качестве регионального игрока. В 2023 г. сохранится присутствие сил Корпуса Стражей Исламской Революции (КСИР) в зоне Персидского залива, Ираке, Сирии, Ливане, Афганистане; продолжится военно-техническая и идеологическая поддержка шиитских общин и прокси, а также вооруженных формирований на территории Йемена, Палестины и Западной Сахары. Можно ожидать эскалации напряженности в отношениях Ирана и Израиля.

Важным внешнеполитическим направлением в 2023 г. останется поддержание и установление стратегических отношений с Китаем, Россией, Индией и Венесуэлой.

Турция. Важным событием для Турции станут намеченные на июнь 2023 г. президентские и парламентские выборы, которые пройдут одновременно. Несмотря на экономические сложности, с которыми сталкивается страна, президент Р.Т. Эрдоган и его правящая Партия справедливости и развития (ПСР) сохраняют достаточно шансов на победу. Неспособность блока оппозиционных партий в течение длительного времени договориться о едином кандидате в президенты и общей предвыборной платформе существенно ослабила электоральные перспективы оппозиции.

В случае победы Р.Т. Эрдогана Турция продолжит реализацию анонсированных президентом инфраструктурных мегапроектов и будет придерживаться активного и многовекторного курса на международной арене. Приход к власти оппозиции повлечет за собой попытки пересмотреть некоторые внутривнутриполитические реформы Эрдогана, в частности вернуться к парламентской системе государственного управления. Во внешней политике оппозиция будет проводить более прозападный курс и скорее всего усилит координацию с евроатлантическими структурами.

Вне зависимости от того, какие политические силы окажутся у власти, в 2023 г. Турции предстоит решать такие экономические проблемы, как замедление темпов роста, безработица и высокая инфляция. Вовлеченность Турции в конфликты в Сирии и Ливии, а также противостояние вокруг Нагорного Карабаха продолжится. Сохранят свою остроту и турецко-греческие противоречия в районе Эгейского моря и Восточном Средиземноморье.

В Израиле 1 ноября 2022 г. прошли внеочередные парламентские выборы, на которых победил блок ультраправых светских и религиозных партий, созданный бывшим премьер-министром Биньямином Нетаньяху. Тренд на усиление крайне правых связан с запросом на решение проблем безопасности, спровоцированных социально-экономическими причинами (прежде всего, высокими уровнями безработицы и преступности в арабском секторе) и нерешённостью палестино-израильского конфликта, способствующей радикализации как палестинской, так и еврейской молодёжи.

Формирование коалиции под руководством Б. Нетаньяху может на время стабилизировать политическую систему. При наличии заинтересованности всех входящих в новое правительство игроков в его сохранении у него будет шанс оказаться функциональным в кратко- и среднесрочной перспективе, хотя о преодолении системного политического кризиса говорить рано.

Правая коалиция вызывает беспокойство Соединённых Штатов как основного стратегического союзника Израиля, которому не хотелось бы иметь дело с крайними еврейскими националистами. Впрочем, это вряд ли скажется на двусторонних отношениях в долгосрочной перспективе, поскольку их значимость остаётся крайне высокой для обеих сторон.

Обеспокоенность появлением радикалов на министерских постах выражают арабские страны, установившие с Израилем дипломатические отношения. Возможно ужесточение позиций правительства в сфере палестино-израильских отношений, а также по иранской проблеме. Тренд на улучшение отношений с Турцией, вероятно, останется прежним.

Позиция Израиля по украинскому кризису, скорее всего, существенно не изменится. При принятии решений Иерусалим продолжит в наибольшей степени руководствоваться собственными прагматическими соображениями.

Региональные конфликты. В 2023 г. сохранится тенденция к "замораживанию" региональных конфликтов. В Ливии крупномасштабные боевые действия маловероятны. Ни одна из сторон конфликта не располагает ресурсами, чтобы одержать решающую победу. Продолжит закрепляться раскол страны на как минимум две де-факто самостоятельные части – Киренаику (Восток) и Триполитанию (Запад), со своими государственными органами и лидерами. Проведение в 2023 г. президентских выборов маловероятно – попытка организовать общенациональные выборы без достижения предварительных неофициальных договоренностей будет чревата ростом напряженности.

Наиболее вероятным сценарием развития событий в Йемене является возобновление позиционных боев за ряд ключевых районов, таких как провинция Мариб в центре страны. Нельзя исключать заключения нового перемирия, если Саудовская Аравия вместе с международно-признанным правительством пойдет на уступки движению «Ансар Алла» (т.н. хуситы).

В целом ситуация в Йемене, как и в Ливии, будет представлять собой де-факто раздел страны, когда ни одна из сторон уже не в состоянии добиться решительных успехов на поле боя, но при этом не готова идти на болезненные компромиссы ради окончательного урегулирования конфликта.

Сирийский кризис в 2023 г. с высокой вероятностью останется в замороженной фазе при сохранении де-факто раздела страны на как минимум три условные зоны контроля – правительственную (центр и юг), турецкую (северо-запад) и американскую (северо-восток). Однако конфликт может продемонстрировать и некоторую положительную динамику. Оптимистичный сценарий допускает продолжение диалога между Дамаском и рядом арабских стран. Тенденция к осторожному сближению Дамаска и Анкары может быть поставлена под вопрос в результате проведения Турцией локальных операций против формирований сирийских курдов. Напряженной останется обстановка вокруг провинции Идлиб, контролируемой сирийской оппозицией.

В контексте палестино-израильского конфликта основными факторами, способными изменить ситуацию в обозримой перспективе, являются: 1) политика нового израильского правительства в отношении палестинцев, 2) динамика соперничества различных политических группировок внутри ПНА.

ХАМАС, по всей вероятности, продолжит принятую в 2022 г. тактику переноса противостояния с Израилем с территории Газы на Западный берег и непосредственно израильскую территорию, где будет сохраняться высокая

интенсивность столкновений палестинцев с израильскими силами безопасности. Продолжит свою деятельность на Западном берегу и созданная в 2022 г. группировка Lion's Den, нацеленная на вооруженное сопротивление.

Перспективы нормализации. Ожидать новых прорывов в нормализации отношений между Израилем и арабскими государствами в 2023 г. нет оснований, однако уже заключенные соглашения, скорее всего, будут соблюдаться. Их дальнейшие перспективы будут зависеть от того, какие политические силы окажутся в правительственной коалиции Израиля, и как они будут действовать по отношению к палестинцам.

В 2023 г. продолжатся переговоры и контакты по нормализации турецко-египетских отношений. Египет и Турция останутся соперниками, но соперничество, например, в Ливии и Восточном Средиземноморье, будет более «контролируемым». Возможно расширение сотрудничества Турции с ОАЭ и КСА, а также продолжение политических контактов с Израилем.

Вероятно дальнейшее развитие торгово-экономических связей Ирана с Катаром и ОАЭ, его попытки расширить взаимодействие с Афганистаном и странами Центральной Азии. Возобновление диалога Ирана с Саудовской Аравией может столкнуться с серьезными трудностями. Однако нельзя исключить контакты в секретном формате, поскольку оба государства не заинтересованы в эскалации напряженности.

Афганистан

Миграция из Афганистана продолжит быть привычным вызовом для Ирана и Пакистана. Стихийная волна эмиграции, которая возникла после прихода к власти талибов, сходит на нет и формируется обратная тенденция: многие эмигранты, которых потеснили украинские беженцы, возвращаются в Афганистан.

Проблема голода может сохранить свою остроту в 2023 г. Около 75% жителей Афганистана тратят на еду все свои доходы. Эта опасность усиливается засухой, начавшейся несколько лет назад. Чтобы не допустить гуманитарной катастрофы продовольствие в Афганистан поставляют на безвозмездной основе или по крайне низким ценам такие страны, как Россия, Индия, Пакистан, в меньшей степени Китай и Турция, а также Украина (опосредовано через т.н. «зерновую сделку» и при помощи международных структур). По линии международных гуманитарных организаций продовольственную помощь оказывают Афганистану и западные страны. Однако полностью решить проблему за счет внешней помощи вряд ли удастся.

Одним из негласных условий признания режима «Талибана» является радикальное снижение наркоугрозы, исходящей от Афганистана. С этой целью в начале апреля 2022 г. талибами был издан указ о запрете выращивания опиума, а также других

наркотических веществ, их купли-продажи и транспортировки. На деле объемы производства, а также транспортировки наркотических веществ за это время только возросли. Связано это с тяжелым положением как афганских крестьян юго-запада Афганистана, так и страны в целом, которая после августа 2021 г. лишилась внешнего финансирования и золотовалютных резервов. Очевидно, что одних запретительных мер для решения этой проблемы недостаточно. У афганских крестьян нет адекватной по доходам альтернативы опиуму и каннабису, а налаженная логистическая инфраструктура позволяет обеспечить сбыт.

Талибы находятся в довольно интенсивном диалоге с Вашингтоном, который продолжится в 2023 г. Показательна прошедшая в начале октября 2022 г. в Дохе американо-талибская встреча (Минобороны, МИД и разведки талибов с представителями Пентагона, Госдепартамента и ЦРУ), где обсуждались вопросы уничтожения с помощью беспилотников инфраструктуры «Аль-Каиды», ИГ и др. Американцы передали в швейцарский трастовый фонд афганские ЗВР (3,5 млрд долларов), вероятно, с перспективой их дальнейшей передачи талибам в случае их готовности к сотрудничеству в определенных сферах. Прежде всего, в предоставлении разведывательной информации об активности различных террористических групп. Или в смягчении шариатского законодательства в той мере, в которой это будет возможно для того, чтобы США снизили собственные репутационные издержки при работе с талибами.

Взаимодействие талибов с другими державами, вероятно, будет больше затрагивать гуманитарные и торговые отношения. Так Россия готова поставлять пшеницу и нефтепродукты в Афганистан, оказывать гуманитарную помощь и развивать торговые связи.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В 2023 г. *Украина* останется одним из ключевых факторов генерации противоречий и геополитической нестабильности, основным кризисом, накладывающим отпечаток на ситуацию как на постсоветском пространстве, так и в мире в целом. От итога конфликта во многом зависит восприятие роли РФ в мировой политике. Ход и исход СВО накладывает отпечаток на возможности проецирования Москвой своего влияния во всех субрегионах постсоветского пространства, ее участия в урегулировании в различных конфликтных точках на территории стран СНГ.

Ход конфликта по состоянию на конец 2022 г. не дает веских оснований прогнозировать ни времени, ни формата его завершения. Помимо собственно военно-технологических факторов, а также политических позиций Москвы и Киева, не менее важную роль играет и продолжит играть сформировавшаяся на Западе коалиция в поддержку Украины. По мнению экспертов, продолжение

активной помощи Украине ведет к затягиванию конфликта, при этом целью является «истощение» РФ и лишение ее возможности выступать активным игроком на международной арене. В то же время, хотя консолидация проукраинских сил высока, внутри коалиции сохраняются существенные различия интересов, в том числе в отношении России, прежде всего, видения ее будущей роли в мировом порядке. В 2023 г. это будет непосредственно сказываться на ходе конфликта и перспективах его завершения.

Еще одной точкой на карте постсоветского пространства, генерирующей высокий конфликтный потенциал, останется в 2023 г. *Молдавия*. В стране сохранится глубокий раскол элит и общества относительно выбора вектора развития. Правительство М. Санду после некоторых колебаний весной 2022 г. взяло курс на максимальное сближение с ЕС и НАТО. 23 июня 2022 г. Европейский совет принял решение о предоставлении Молдавии статуса кандидата на вступление в ЕС, чем еще более укрепил прозападный вектор руководства страны. В 2023 г. М. Санду и правительство Республики Молдова будут продолжать последовательные попытки окончательной переориентации молдавской экономики в западном направлении (в частности – по налаживанию альтернативных российским поставок энергоресурсов). Эти попытки будут сопряжены с усилением социальной напряженности в обществе, одним из средств преодоления которого станет массивная информационная компания о перспективах вступления в ЕС и направленная против России и интеграционных проектов с ее участием волна официальной пропаганды. Одновременно произойдет интенсификация контактов со странами НАТО, прежде всего с США и Румынией. Активизация взаимодействия официального Кишинева со странами Запада в сфере обороны и безопасности фактически приведет к взятию под внешний контроль силовых структур РМ.

Помимо раскола самого молдавского общества, наибольшую опасность в плане последствий представляет неурегулированный статус Приднестровья. Причем вероятность попытки «окончательного решения» Приднестровской проблемы официальным Кишиневом по мере укрепления прозападного вектора развития властвующей молдавской элитой будет нарастать. Эксперты не исключают привлечение (с санкции Запада) в этих целях военного потенциала ВСУ. Но в ближайшей перспективе вероятность силового решения Приднестровского конфликта по инициативе Кишинева невелика. Наличие замороженного Приднестровского конфликта не препятствует европейской интеграции Молдавии. В настоящее время в отношении Приднестровья, переориентирующего свои экономические связи в западном направлении, европейскими политиками рассматривается возможность «кипрского сценария» вхождения в ЕС в составе Республики Молдова.

На фоне украинского кризиса ситуация в *Белоруссии* останется в 2023 г. достаточно стабильной. Весь 2022 год политическое руководство страны осуществляло сложные маневры как в плане получения экономической помощи в контексте развития интеграционного взаимодействия с РФ, так и в попытках в какой-то форме возобновить отношения со странами Запада. Подобное маневрирование будет продолжаться и далее. Белорусское руководство будет предпринимать попытки занять положение посредника в конфликте между РФ и странами Запада. Однако эффективность этих усилий, вероятно, окажется минимальной. В этом контексте отказ стран Запада от санкционного давления на президента А.Г.Лукашенко, особенно при попытках несистемного поведения и прямого давления со стороны последнего, маловероятен. Равно как и прекращение поддержки различных сегментов белорусской оппозиции.

В европейской части СНГ можно ожидать дальнейшей активизации вовлеченности США, Британии, стран ЕС в политические процессы в Молдавии и на Украине. Это связано с очевидным стремлением ослабить роль России на постсоветском пространстве. Внутриполитическая ситуация в странах региона (Молдавия, Украина), значительная часть элит которых ориентирована на Запад и постоянно апеллирует к США и ЕС, пытаясь максимально политически и экономически капитализировать собственные прозападные и антироссийские повестки, будет этому способствовать.

На политическое развитие и международные отношения **стран ЦА и ЮК** важное воздействие окажут как внутренние процессы и изменения, так и внешние влияния. Число политических и экономических рисков увеличит нарастающая глобальная экономическая рецессия, грозящая истощить традиционные источники ПИИ. Проводимая Россией на Украине специальная военная операция (СВО), беспрецедентные санкции Запада против российской экономики и угрозы США ввести вторичные санкции, также скажутся на странах ЦА и ЮК. Богатые ресурсами Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан окажутся относительно устойчивы к подобным потрясениям. Для стран со слабой ресурсной базой последствия будут более ощутимы.

В **ЦА** нерешенные вопросы демаркации границ, проблема анклавов, споры из-за управления водными ресурсами способны привести к вспышкам новых межгосударственных насильственных инцидентов. Большинство разногласий будут связаны, как и в предыдущие годы, с использованием сельхозугодий, воды, объектов инфраструктуры (дорог, ЛЭП, каналов), трансграничной криминальной активностью. Вместе с тем, безопасность ЦА будет определяться по преимуществу социально-экономическими факторами – глубокой социальной поляризацией обществ, отсутствием собственных крупных производств, необеспеченностью растущего населения новыми рабочими местами. В числе внешних факторов –

угроза подпитки действий исламистских экстремистов с сопредельной территории, непредсказуемость ситуации в Афганистане с перспективой перетока нестабильности в ЦА.

Верные своей многовекторной стратегии, центральноазиатские страны постараются диверсифицировать свои внешнеполитические траектории. Взаимодействие стран ЦА с внешними силами будет определяться возможностями последних оказывать помощь развитию и обеспечивать региональную безопасность. Объективные интересы обусловят тяготение стран ЦА к варианту более тесного сотрудничества с Россией и Китаем, которые сохраняют свою привлекательность в качестве приоритетных внешних ориентиров. Но республики региона будут также выходить на альтернативные центры силы, в числе которых не только США и ЕС, но и Турция, крупные региональные государства Азии и Ближнего Востока.

На **ЮК** ситуацию в сфере международных отношений в значительной мере определит нерешенный армяно-азербайджанский конфликт. Руководство Азербайджана во главе с И. Алиевым, опираясь на военное превосходство, продолжит политику давления на Армению с целью подписания мирного соглашения с признанием территориальной целостности Азербайджана (включая Карабах) и получения т.н. «Зангезурского коридора» для соединения основной территории Азербайджана с его эксклавом – Нахичеванью. Пока все цели руководства Азербайджана не будут достигнуты (на основе провозглашенных президентом Алиевым 5 принципов урегулирования с Арменией) можно ожидать, что напряженность в зоне карабахского конфликта и в приграничных районах Армении будет сохраняться на высоком уровне с тенденцией к географическому расширению зоны эскалации, увеличению частоты, масштабов и степени ожесточенности боестолкновений вплоть до повторения полномасштабных боев на отдельных участках границы или даже (при определенных условиях) попытки силой проложить коридор в Нахичевань.

Для России важными внешнеполитическими приоритетами в ЦА и ЮК останутся обеспечение там стабильности и безопасности, развитие евразийской интеграции, предусматривающей формирование общего рынка товаров, услуг, капитала, рабочей силы, единого цифрового пространства. Россия попытается сохранить лидирующую роль в бывших советских республиках ЦА и ЮК, действуя там через такие международные объединения, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), СНГ. Негативную роль в реализации этих целей способны сыграть нерегинальные акторы, используя временное отвлечение России на решение задач СВО.

В ЦА, где Россия и в 2023 г. останется ведущим инвестором в местную экономику и главным реципиентом трудовой миграции, к традиционным форматам общения

добавится новый – встречи в рамках запущенного в 2022 г. саммита «Россия – Центральная Азия». На ЮК Россия постарается добиться долговременной стабильности. Существенно углубится российско-иранское сотрудничество, как на ЮК, так и в зоне Каспия. Там традиционные партнеры России – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, могут получить выгоды от роста внимания к ним попавшего под санкции крупного российского бизнеса, который будет заинтересован в замещении выпадающих доходов за счет запуска в Каспийском регионе новых крупных экономических проектов и развития там транспортных коридоров. Для ряда стран будет сохраняться роль РФ как крупнейшего донора финансово-экономической помощи. При этом союзники РФ постараются уклоняться от выполнения своих союзнических обязательств перед Россией. Это поставит перед ней задачу обновления курируемых ею международных структур.

Китай, благодаря своей инициативе «Пояс и путь», обширным экономическим и торговым связям, будет преследовать в регионах ЦА и ЮК широкий спектр не только экономических целей. Влиять на политику и сферу безопасности ЦА Китай постарается через двусторонние межгосударственные контакты и регулярные встречи в формате «5+1» (ЦА + КНР). Страны ЦА будут важны Китаю в первую очередь как источники сырья. В т.ч. с учетом новой промышленной стратегии КНР и развития «зеленой» энергетики приоритетом Китая в ЦА станет добыча редкоземельных элементов вместе с увеличением их импорта. ЦА будет рассматриваться Китаем и в качестве дополнительного источника поставок сельскохозяйственной продукции. Внимание Китая к его центральноазиатским и кавказским партнерам, особенно к Казахстану, будет обусловлено их выгодным географическим расположением, позволяющим осуществлять через их территории транзит грузов. Значение ЦА и ЮК для Китая возрастет по мере совершенствования механизма функционирования Транскаспийского международного транспортного маршрута (Срединный коридор).

Турция в контексте президентских и парламентских выборов в 2023 г. постарается использовать отдельные удачные аспекты своего взаимодействия со странами ЦА и ЮК для повышения рейтинга действующего президента и правящей Партии справедливости и развития. В их актив будет занесен опыт приобщения Азербайджана и ряда стран ЦА к пантюркистскому проекту, в рамках которого унификация алфавита с турецкой латиницей должна служить культурному единению тюркоязычных стран. Нельзя также исключить попыток придать Организации тюркских государств, 9-й саммит которой прошел 11 ноября 2022 г. в Самарканде, облика нового союза, способного объединить под эгидой Турции бывшие советские республики. Ставка на Азербайджан позволит Турции плотнее войти в южнокавказское геополитическое пространство. Использование

транспортных коридоров откроет Турции возможности по превращению в важнейший транспортно-энергетический хаб Европы.

Основное внимание *Ирана* на внешнем треке будет сосредоточено на ЮК и в зоне армяно-азербайджанского конфликта. Иран примет участие в поисках стратегического баланса, изменившегося по итогам войны 2020 г. и ознаменовавшегося растущим стремлением турецко-азербайджанского тандема влиять на политические процессы в регионе ЮК. Тегеран будет активно противиться вмешательству нерегиональных государств в проблемы региона. Поле для маневра в ЦА будет сужено для Ирана американскими и европейскими санкциями (в первую очередь это коснется контактов в энергетической сфере с Туркменистаном). Отношения Ирана с другими центральноазиатскими государствами ограничатся областями торговли и культуры, отодвинув на второй план международно-политические вопросы.

Сближение с ЦА *Евросоюз* планирует осуществлять в рамках программы помощи «Команда Европы», запущенной в свое время для поддержки стран-партнеров в их борьбе с коронавирусной инфекцией и ее последствиями. По этой программе ЕС планирует установить со странами ЦА взаимосвязь по водной и энергетической проблемам, наладить поставки из ЦА в западном направлении энергоносителей и критического сырья, проложить в обход России новые транспортные коридоры.

Интерес ЕС к ЮК будет в основном также обусловлен заботой о собственной энергобезопасности. Исходя из этого, предпочтительным для ЕС станет сотрудничество с Азербайджаном как возможным поставщиком небольших, но стабильных объемов природного газа с перспективой постепенного их наращивания.

США попытаются использовать фактор вовлеченности России в СВО на Украине для восстановления своих позиций и активизации сотрудничества со странами ЦА в торгово-экономической сфере, в вопросах безопасности. Отчуждение центральноазиатских стран от излишне тесного сотрудничества с РФ и Китаем станет другим важным пунктом «повестки дня» США в ЦА. К геополитическому противостоянию с Россией США попытаются привлечь на свою сторону также и страны ЮК.

Специфика политической ситуации в странах ЦА и ЮК

Фоном возможных внутривнутриполитических изменений станет продолжающаяся трансформация международных отношений, кризис старой архитектуры безопасности, пересмотр многих международно-правовых норм.

Азербайджану уверенность внутри страны и на международной арене будут придавать позитивные для него итоги войны 2020 г. с Арменией и сохранение своей значимости крупнейшего на ЮК экспортера энергоресурсов. Вопрос

Нагорного Карабаха останется камнем преткновения в армяно-азербайджанских отношениях. Достигнутое при посредничестве России в ноябре 2020 г. соглашение о прекращении огня предусматривает размещение в Нагорном Карабахе российских миротворцев сроком на 5 лет с автоматическим продлением их пребывания на очередные пятилетние периоды при условии согласия на это обеих конфликтующих сторон. Официально рассматривая российский миротворческий контингент как «временно дислоцированный на территории Азербайджанской Республики», Баку постарается использовать угрозу непродления пребывания российских миротворцев в качестве рычага давления на Ереван. Конечная цель такой тактики – заставить Армению признать суверенитет Азербайджана над Нагорным Карабахом в обмен на полную «нормализацию отношений» двух стран.

Для *Армении*, наряду с рождающимися кризис внутренними проблемами, ощутимым и продолжительным останется эффект от тяжелых военных потрясений 2020 г. Провалы на внешнеполитическом треке и утрату важных стратегических позиций в Нагорном Карабахе руководство Армении будет по-прежнему камуфлировать пропагандистской кампанией, призванной представить армянскому социуму Россию в качестве стороны, заинтересованной в поддержании конфликтного очага, и одновременно ответственной за неутешительное состояние, в котором продолжает оставаться Армения после «бархатной революции» 2018 г. и поражения в войне с Азербайджаном.

В 2023 г. существует вероятность того, что правящие круги Армении могут начать политически дистанцироваться от России и даже задействовать процедуру выхода из ОДКБ. Преодоление болезненных проблем станет возможным при условии стабилизации внутривнутриполитической обстановки, достижения консенсуса между соперничающими политическими группами, нейтрализации прозападных сил в структурах власти.

Внешнеполитические тренды *Грузии* не претерпят кардинальных изменений. В сфере безопасности Грузия будет полагаться в основном на развитие сотрудничества с США, ЕС и НАТО. При этом на отношения Грузии с Россией проводимая ею СВО на Украине кардинально не скажется, принимая во внимание устраивающие обе стороны позиции: сдержанные подходы официального Тбилиси, не открывающего против России «второго фронта», как того требуют киевские власти и страны Запада; и невключение Грузии в составленный Россией список «недружественных стран». Шанс на преодоление негативной риторики, на налаживание в будущем двумя государствами взаимовыгодных отношений дает решение Москвы (май 2022 г.) приостановить референдум об объединении Южной Осетии с Россией.

В *Казахстане* конституционные изменения, одобренные на референдуме 17 сентября 2022 г., позволили запустить процедуру завершения стартовавшего в 2019

г. процесса транзита власти. Заложить в Казахстане новую политическую традицию призваны состоявшиеся 20 ноября 2022 г. внеочередные президентские выборы, обеспечившие действующему главе государства Касыму-Жомарту Токаеву следующие семь лет пребывания в кресле президента, а также предстоящие в 2023 г. выборы в Мажилис (нижнюю палату парламента) и маслихаты (местные представительные органы). Таким образом, к середине 2023 г. все основные политические институты Казахстана (президент, парламент, правительство) будут обновлены. Это позволит провести легитимизацию и консолидацию президентской власти, дать главе государства карт-бланш на проведение реформ. Они нацелены на структурные экономические преобразования и политическую модернизацию, включающую в себя увеличение количества политических партий и перезагрузку всей системы государственного управления Казахстана.

Масштабное присутствие в экономике республики иностранного/западного капитала станет определяющим для сохранения стратегии внешнеполитической многовекторности. Взяв курс на лавирование между Россией, Китаем, ЕС, США и Турцией, Казахстан, вероятнее всего, попытается обратить в свою пользу соперничество или же напряженные отношения между ними.

Хотя политическая система *Киргизии* считается более демократичной в сравнении с другими странами ЦА, эта республика с точки зрения стабильности останется в регионе самым слабым звеном. Ресурсов для дестабилизации политической ситуации в Киргизии более чем достаточно: неблагоприятная экономическая среда и безработица, вынуждающая молодое поколение в массе своей становиться трудовыми мигрантами; подрывающие политический потенциал межэлитные конфликты; неразрешенные противоречия между внутренними регионами (Севером и Югом); наркотрафик; рост национализма и радикальных исламистских идей; зашкаливающее число активно действующих НПО, НКО, других прозападных структур; территориально-пограничные споры с соседями. В этих условиях Киргизия оказывается незастрахованной от очередной «революционной» смены власти. В сфере внешней политики Киргизия сохранит курс на приоритетное взаимодействие с Россией и Китаем. При этом может расширяться спектр военно-политических проблем, решать которые Киргизия вознамерится в более тесной привязке к Турции и США.

В *Таджикистане* внутривнутриполитическая ситуация может обостриться по причине серьезных социально-экономических проблем и высокого уровня безработицы, стимулирующих массовый отток за границу на заработки трудовых резервов. Таджикистан, кроме того, останется уязвимой с точки зрения влияния исламизма республикой. На этом не вполне благоприятном социально-политическом фоне власти постараются привести политические институты республики и ее правовые

нормы к состоянию, которое позволило бы безболезненно осуществить давно готовящийся транзит власти. Приоритетным направлением внешней политики останется Афганистан, откуда традиционно исходят угрозы Таджикистану. Камнем преткновения в таджикско-афганских отношениях останется неафишируемая поддержка Таджикистаном сопротивления в населенной преимущественно этническими таджиками афганской провинции Панджшер. Потенциальная внутривластная напряженность в Таджикистане не останется без внимания американских властей, которые постараются расширить с Таджикистаном военно-политическое сотрудничество. Его официальный Душанбе использует для купирования внутривластных коллизий, связанных с перспективами транзита власти, и для противодействия угрозам из Афганистана.

В *Туркменистане* политический процесс будет развиваться в ранее заданных параметрах. На прошедших 12 марта 2022 г. внеочередных выборах главы государства победителем стал сын президента Гурбангулы Бердымухамедова – Сердар. В своей внешней политике Туркменистан постарается избежать привязки к какому-то одному внешнему центру влияния, отдавая предпочтение курсу на поддержание официально признаваемого ООН статуса нейтрального государства.

Благодаря тому, что *Узбекистан* имеет наибольший из всех стран региона уровень диверсификации, его ждет активный экономический рост. Подключение Узбекистана к деятельности ЕАЭС в качестве государства-наблюдателя обещает заметно повысить возможности взаимодействия в регионе ЦА, открыть новые перспективы перед торгово-экономическим сотрудничеством Узбекистана с Россией и другими странами.

В международных делах Узбекистан рассчитывает занять место, соответствующее его положению государства с достаточно стабильной политической системой. В актив Узбекистана войдет продемонстрированное им в 2022 г. умение решать конфликты (в автономном Каракалпакстане в составе Узбекистана, на границе с Казахстаном) переговорным путем, а также занятая республикой активная политическая позиция в ООН, СНГ, ШОС, других организациях, где Узбекистан традиционно выступает с многочисленными инициативами. Узбекистан сохранит свой внеблоковый статус. С Россией он будет развивать двусторонние отношения в вопросах обеспечения национальной и региональной безопасности ЦА, где Узбекистан постарается сохранить за собой роль мотора региональной интеграции. Важное место Узбекистан займет и при формировании действенного механизма по нормализации ситуации в Афганистане с вытекающими отсюда политическими и экономическими дивидендами для самого Ташкента, который руководствуется в своей афганской стратегии в первую очередь экономическими соображениями. Нацелившись на укрепление взаимосвязанности ЦА и Южной Азии, Узбекистан постарается использовать действующие в Афганистане железнодорожные пути и

планируемые там к прокладке транспортные коридоры, обещающие Узбекистану выход к морским портам Ирана и Пакистана. Это в перспективе позволит значительно расширить потенциал узбекской внешней торговли, легче интегрировать республику в мировую хозяйственную систему.

ТИХООКЕАНСКАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ

Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия, рассматриваемые в совокупности и взаимосвязи, образуют крупнейший по численности населения и объему экономики мегарегион, играющий растущую роль в мировой системе международных отношений. Крайне неоднородный по характеристикам образующих его стран и территорий, но в целом динамичный и активно реагирующий на новые внешние вызовы и противоречия, он является мини-моделью разворачивающихся на глобальной сцене процессов, затрагивающих основы миропорядка. Вместе с тем характер реакции этой модели на меняющиеся условия обладает ярко выраженной спецификой по сравнению с европейским регионом или трансатлантическим политическим пространством.

В ближайшие годы международные отношения в этой части мира будут отличаться повышенной вариативностью и меньшей ролью идеологических факторов. Культурная самодостаточность и ощущение недооцененности со стороны внешнего мира, характерные для ведущих стран региона, обуславливают их более комплексную самоидентификацию, не сводимую к европоцентричным идейным клише и штампам, а также сравнительно осторожную реакцию на внешнее давление и провоцирующие политические события. С другой стороны, действующие здесь главные акторы, безусловно, будут испытывать влияние растущих глобальных противоречий и формирования соответствующих им разделительных линий.

На этом фоне из концепций и практики внешней политики стран региона будут уходить приоритеты предшествующих двух десятилетий, связанные с идеями глобализации и формирования единой для всех системы международных политических и экономических институтов. Тенденция к фрагментации мирохозяйственных связей, усилившаяся на фоне пандемии COVID-19 и борьбы с ней, не уходит в прошлое со снятием противоэпидемических ограничений, а получает новый толчок в виде переосмысления представлений об экономической безопасности в условиях общего снижения международного взаимного доверия. Снижение действенности и эффективности широких многосторонних институтов, с одной стороны, затрудняет имплементацию договоренностей о крупных комплексных региональных организационных платформах типа Всестороннего регионального экономического партнерства, а с другой – придает импульс «блоковому» мышлению, попыткам усилить изоляционистские или конфронтационные акценты в рамках новых форматов межгосударственной

координации политики в сфере безопасности (Quad, AUKUS). Параллельно многосторонние форматы с длительной историей (прежде всего, АСЕАН) все острее ощущают необходимость пересмотра по крайней мере некоторых из своих принципов. При этом политические элиты в каждой из ключевых стран региона демонстрируют собственное видение стоящих перед ними задач и выбирают различные внутри- и внешнеполитические приоритеты.

В политической жизни **КНР** ключевым событием станет запланированная на март сессия высшего законодательного органа – Всекитайского собрания народных представителей, одной из функций которого является формирование состава государственного руководства. Утверждение Си Цзиньпина на третий срок генеральным секретарём ЦК КПК в октябре 2022 г. должно повлечь за собой его переизбрание на пост Председателя КНР с пребыванием в должности до весны 2028 г.

На тот же период запланирована смена главы МИД страны, однако продление полномочий Си Цзиньпина как лидера партии, играющей главную роль в формировании внешнеполитического курса, в значительной степени гарантирует сохранение в ближайшие годы основных приоритетов и ориентиров китайской внешней политики предыдущего десятилетия.

Китайскому руководству предстоит принять важное решение о дальнейшей судьбе мер борьбы с эпидемией коронавируса. С начала 2020 г. страна живет в условиях противоэпидемических ограничений; периодическое выявление очагов заболевания приводит к введению строгих локдаунов, негативно влияющих на экономическую деятельность. Система поголовного направления на карантин всех въезжающих в Китай за несколько лет практически остановила международные обмены. Властям предстоит найти путь плавного снятия ограничений, не допустив при этом крупномасштабной вспышки COVID-19 и роста смертности. По политическим соображениям существенное ослабление ограничений возможно лишь после проведения сессии ВСНП, вероятнее всего не ранее лета 2023 г.

Самым опасной угрозой вооруженного конфликта с участием Китая остается тайваньская проблема. КНР все активнее демонстрирует готовность к силовому сценарию восстановления территориальной целостности. К осознанию бесперспективности переговоров с нынешней тайбэйской администрацией о мирном воссоединении острова с основной частью страны добавились опасения американского вмешательства в решение вопроса о статусе Тайваня в целях «сдерживания» Китая. В результате возрастает вероятность внезапной эскалации тайваньского конфликта и вовлечения в него США и их региональных союзников – Японии и Республики Корея. Очевидно, что вооруженное столкновение спровоцировало бы введение против КНР жестких крупномасштабных западных санкций, способных подрвать устойчивость китайской экономики.

Продолжится медленная деградация китайско-американских отношений. Китай готовится к длительному соперничеству с США, усиливая свою способность противодействовать его политике экономического давления и военно-политического сдерживания. Утрата взаимного политического доверия препятствует попыткам заключения между Пекином и Вашингтоном серьезных стратегических договоренностей, основанных на долгосрочных уступках обеих сторон. Большим достижением на этом направлении стало бы предотвращение новых конфликтов между двумя странами, прежде всего недопущение полномасштабного вовлечения США в военную активность вокруг Тайваня.

На уровне многосторонней дипломатии Китай продолжит продвигать свои инициативы «глобального развития» (выдвинута осенью 2021 г.) и «глобальной безопасности» (сформулирована весной 2022 г.). Запад демонстрирует скептический настрой, усматривая в них попытки подорвать существующие институты в экономической и военно-политической сферах. На выражаемые Китаем опасения по поводу расширения влияния создаваемых США в Индо-Тихоокеанском регионе военно-политических альянсов Запад будет отвечать пропагандистской риторикой противодействия «агрессивности» Пекина, что лишь увеличит взаимное отчуждение и помешает поиску общих подходов. Сделанный Западом выбор в пользу «стратегического сдерживания» Китая будет побуждать Пекин отвечать все более жестко и решительно.

Российско-китайские отношения будут сохранять стабильность и устойчивость по отношению к внешним вызовам, развитие связей с Россией останется одним из ключевых приоритетов во внешней политике КНР.

В Японии сохранится стабильное правление правоконсервативного большинства в лице Либерально-демократической партии (ЛДП) как главной политической силы японского истеблишмента и клерикальной по своему генезису партии Комэйто в качестве младшего партнера по коалиции. Вместе с тем продолжение падения рейтинга одобрения деятельности сформированного ими правительства, возглавляемого Ф. Кисида, может спровоцировать в 2023 г. крупные перестановки в составе правящего кабинета. В последующем не исключен роспуск нижней палаты парламента по инициативе правительства для проведения досрочных всеобщих выборов с целью увеличения поддержки ЛДП и ее лидера. Это позволило бы последнему более решительно реализовывать программные установки на усиление военно-политической и дипломатической роли страны на тихоокеанском пространстве, в том числе через преодоление системы ограничений и самоограничений, наложенных на внешнеполитический инструментарий Японии после Второй мировой войны.

В ближайшей перспективе ожидается заметная активизация собственного военного строительства, в том числе рост расходов в рамках новых программ закупок

военного ведомства после обновления в конце 2022 г. базовых документов в этой области – Стратегии национальной безопасности и Основных направлений оборонного планирования. В области обеспечения экономической и технологической безопасности активность японского правительства будет направлена на защиту «чувствительных» технологий посредством усиления экспортного контроля и ограничения инвестиций компаний из ряда стран, прежде всего КНР, а также на наращивание собственных возможностей развития передовых технологий (робототехника, искусственный интеллект, квантовые компьютеры).

На дипломатическом фронте значительные усилия будут сосредоточены на проведении в мае 2023 г. в Японии саммита «Большой семерки». Его проведение в г. Хиросима, как рассчитывает нынешний премьер, позволит ему укрепить его собственную поддержку (здесь располагается избирательный округ Ф. Кисиды) и использовать образ Хиросимы как города, пострадавшего от ядерных бомбардировок в 1945 г., для продвижения японской активности при обсуждении проблем нераспространения ядерного оружия. Другим пунктом повестки саммита, который предполагается сделать своего рода фирменным знаком японской дипломатии, является продвижение различных экологических инициатив.

В области двусторонних отношений сохранится акцент на «союзнические» отношения с США, которые в силу объективных обстоятельств останутся главным контрагентом и партнером Японии в экономической и военной сферах. Несмотря на очевидную асимметричность этого альянса, он оставляет место для изменения балансов относительного веса и выгод сторон по конкретным направлениям, что будет составлять главное поле приложения сил японской дипломатии и ее составляющих.

Американо-китайское противостояние и все более откровенное стремление США «разъединить» торгово-инвестиционную активность компаний двух стран, особенно в высокотехнологичных и стратегически важных сферах, будут создавать для Токио растущие сложности. Результатом станет диалектическое, внутренне противоречивое, а порою и лукавое стремление сочетать антикитайскую риторику и дискриминирующие китайские компании ограничения с попытками поддержать конструктивный диалог с китайским руководством и приемлемые условия для японского бизнеса в Китае. Объективно крупнейшими раздражителями в японо-китайских отношениях будут оставаться территориальные разногласия и солидарность Японии с позицией США по тайваньскому вопросу.

Возможно ограниченное улучшение отношений между Токио и Сеулом в результате модификации акцентов во внешней политике Республике Корея с появлением в ней нового президента Юн Сок Ёля. Происходит наращивание взаимодействия в военной сфере в двустороннем и трехстороннем (с США)

форматах в связи с активизацией ракетных пусков КНДР. Тем не менее, сторонам не удастся преодолеть застарелые разногласия по территориальным и историческим вопросам, которые будут ограничивать их сближение.

Отношения Японии с Россией в ближайшие годы не выйдут из кризиса, вызванного введением Токио широкомасштабных антироссийских санкций, затронувших финансовую, торгово-экономическую, энергетическую, политическую и гуманитарную сферы российско-японского взаимодействия. Сохранение высокого уровня конфронтации между сторонами на политическом и дипломатическом уровне будет затруднять практическое взаимодействие даже в сферах, представляющих взаимный интерес (экономика, культура), и делает маловероятным возобновление переговоров о заключении мирного договора.

Внешнеполитическую стратегию **Республики Корея (РК)** в 2023 г. с большой вероятностью ожидает существенная корректировка, контуры которой наметились еще в предшествующее десятилетие, однако в полной мере поставлены в повестку дня президентом Юн Сок Ёлем, избранным на этот пост весной 2022 г. Основную дипломатическую задачу новая администрация видит в превращении страны в десятую экономику мира и «ключевую глобальную державу» (a global pivotal state), интересы которой не ограничиваются рамками Корейского полуострова, а включают в себя участие в решении региональных и глобальных проблем на основе «дипломатии сотрудничества в рамках развития».

Идеологической основой обновленной стратегии провозглашены уважение политических свобод, поддержание мира на региональном и глобальном уровнях и доминирование принципов права. Практическое же ее наполнение связывается с перезагрузкой союзнических отношений с США. Можно ожидать активизации вовлечения РК в работу широких многосторонних структур с участием Соединенных Штатов, более последовательное следование союзническим установкам. В частности, это углубление координации с США и Японией политики в военной и военно-промышленной областях, в сфере кибербезопасности, борьбе с нетрадиционными вызовами. Вместе с тем обсуждаемая в последние годы возможность полноценного трехстороннего военного альянса с участием РК вряд ли будет реализована. По сравнению с внешнеполитическими шагами Вашингтона и Токио, действия Сеула, скорее всего, будут носить более взвешенный и менее напористый характер, отражая стремление предотвратить дальнейшее обострение отношений с КНР и РФ даже при более высоком уровне согласования с США южнокорейской внешней политики.

Другим ключевым звеном внешней стратегии президента Юн Сок Ёля станет реализация концепции «*новой расширенной Южной политики*» (New Southern Plus Policy), в рамках которой приоритетное развитие получают отношения со странами АСЕАН. Администрация Юн Сок Ёля подтвердила стремление продолжить

реализацию рассчитанного на 2021-2025 гг. плана всестороннего развития связей между РК и АСЕАН в рамках согласованных 110 программ, охватывающих такие сферы, как политика и безопасность, экономика и социокультурные отношения.

В первую очередь, намечается координация действий в сфере безопасности: обеспечение безопасности судоходства, киберпространства, поддержка миротворческих усилий и антитеррористических мер. В экономической области предполагается участие южнокорейского государства и бизнеса в преодолении последствий пандемии COVID-19, развитии цифровизации, а также решении климатических проблем. Предпринимаемые меры будут нацелены в перспективе на получение РК статуса «всестороннего стратегического партнера» АСЕАН.

В **КНДР** в предстоящий период не просматриваются объективные предпосылки для существенных изменений экономического и политического характера. Столь же низка вероятность позитивных сдвигов в межкорейских отношениях, а также в отношениях северной части Кореи с США и Японией. В обозримом будущем на Корейском полуострове будет сохраняться высокая напряженность. Руководство КНДР будет добиваться признания за ней ядерного статуса, продолжая проводить ракетные пуски, а возможно и испытания атомного оружия, рассчитывая использовать в своих интересах кризис в отношениях между РФ и США, а также между КНР и США. Вместе с тем ситуация вокруг Корейского полуострова будет носить контролируемый характер и едва ли станет причиной масштабного конфликта, поскольку в прогнозный период будет оставаться на периферии стратегических интересов США и КНР.

Во внутренней политике **стран ЮВА** кардинальные изменения маловероятны. В электоральные циклы вступят Камбоджа, Мьянма и Таиланд, но ожидаемые результаты не будут иметь следствием масштабные внутренние перемены. При всех особенностях отдельных стран общим элементом повестки их внутреннего развития будут развитие инфраструктуры и ее цифровое сопровождение, совершенствование соответствующих компетенций и расширение возможностей подготовки кадров в высокотехнологичных отраслях, прежде всего в сфере ИКТ. Актуальными задачами станут апробация и внедрение в практику различных форм цифрового сотрудничества между научными и образовательными центрами и отраслями промышленности, развитие «платформенной занятости», расширение цифровых практик финансирования предприятий, прежде всего микро-, малых и средних, и т.п.

Многостороннее экономическое сотрудничество государств АСЕАН будет ориентировано на цели, прописанные в Дорожной карте формирования Экономического сообщества АСЕАН до 2025 г., Генеральном плане АСЕАН по наращиванию взаимосвязей, а также в Генеральном плане АСЕАН по развитию цифрового сотрудничества в рамках Плана действий АСЕАН по развитию

интеграции в цифровой сфере на 2019-2025 гг. На региональном уровне внимание АСЕАН будет направлено на имплементацию соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Актуальной задачей для Ассоциации станет, как минимум, координация деятельности ВРЭП с инициативой «Пояс и Путь» и Индо-Тихоокеанским экономическим рамочным соглашением (ИТЭРС).

Что касается сотрудничества в сфере политики и безопасности, АСЕАН будет использовать свои механизмы многосторонней дипломатии в виде Регионального форума АСЕАН, Совета министров обороны (СМОА+) и Восточноазиатского саммита (ВАС). Эти инструменты, однако, обладают ограниченной эффективностью и не способны предотвратить казусы, подобные ситуации, возникшей на форуме ВАС 2022 г. в Пномпене.

Из угроз региональной безопасности наиболее актуальной для АСЕАН будет оставаться проблема Южно-Китайского моря: ожидаемая замена Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море на Кодекс поведения сторон вряд ли состоится в 2023 г. Не исключены трения между государствами ЮВА и Китаем, равно как между самими странами ЮВА, по вопросу освоения ресурсов реки Меконг.

Можно прогнозировать рост интереса стран АСЕАН к укреплению продовольственной и энергетической безопасности и, соответственно, к мерам, прописанным в контексте второй фазы Плана действий АСЕАН по сотрудничеству в сфере энергетики (2021-2025 гг).

В отношениях с другими странами Ассоциация будет делать акцент на сотрудничество с Китаем, в том числе в рамках ВРЭП, на основе концепции «всеобъемлющего стратегического партнерства». На этой же основе будет выстраиваться сотрудничество с США. Диалог с Японией, Индией и ЕС будет развиваться по отдельным направлениям, основным из которых будет повышение цифровой конкурентоспособности АСЕАН и входящих в нее стран. Отношения АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией будут концентрироваться на внедрении в практику положений обновленного Соглашения о свободной торговле (переговоры о внесении в него дополнений должны были быть завершены к ноябрю 2022 г.).

Отношения между АСЕАН и Российской Федерацией будут, как и прежде, выстраиваться с прицелом на практическое наполнение заключенного в 2018 году Соглашения о стратегическом партнерстве. Будет продолжена реализация мероприятий, прописанных во Всеобъемлющем плане действий по реализации стратегического партнерства между РФ и АСЕАН в 2021-2025 гг. С учетом повышенного внимания Ассоциации к тематике цифрового сотрудничества можно ожидать, что наиболее значимым направлением диалога с РФ станет План

действий Россия–АСЕАН по развитию сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций на 2016-2025 гг.

Важным элементом политической жизни **Индии** в ближайший год будет подготовка к общенациональным выборам, которые должны пройти в начале 2024 г. и определить партийную принадлежность правительства на следующие пять лет. На данный момент правящая «Бхаратия Джаната парти» (БДП) не имеет серьезных конкурентов: крупнейшая оппозиционная Партия Конгресса находится в зыбком кризисе, а другие слишком слабы, чтобы составить конкуренцию БДП даже в случае формирования избирательного блока. Однако если БДП в 2023 г. потерпит поражение на выборах в местное законодательное собрание в одном из контролируемых ей крупных штатов (Карнатака или Мадхья-Прадеш), она может выступить на общенациональных выборах менее убедительно, чем надеется ее руководство.

В пользу правящей партии работает относительно благоприятная экономическая ситуация – высокие темпы роста и низкая инфляция, прежде всего отсутствие скачков цен на базовые для населения товарные позиции – рис, пшеницу, минеральное топливо. Это способствует внутривнутриполитической стабильности и уменьшает вероятность роста социального недовольства.

Правительство продолжает реформирование законодательства, нацеленное на дальнейшую либерализацию экономики и привлечение иностранных инвестиций; реализует запущенные им инициативы и инфраструктурные проекты. Ставится задача массовой переподготовки рабочей силы в соответствии с актуальными требованиями высокотехнологичного производства и развитие инфраструктуры, в первую очередь портовой.

Во внешней политике правительство Н. Моди продолжит курс на выстраивание Индией собственной сферы влияния и безопасности с опорой на страны Южной Азии (за исключением Пакистана) и региона Индийского океана, используя в качестве концептуальной основы идею Индо-Тихоокеанского региона (ИТР, Индо-Пацифики). Если до последнего времени индийское руководство уделяло особое внимание восточному вектору сотрудничества, указывая на необходимость сохранять АСЕАНОцентричную архитектуру ИТР, то сейчас Нью-Дели всё активнее развивает отношения со странами Западной Азии, в первую очередь Аравийского полуострова и Персидского залива, и Израилем. Таким образом Индия стремится сбалансировать свою внешнеполитическую стратегию и использовать новые партнерства в западной части региона Индийского океана для привлечения инвестиций и технологий.

Одновременно Индия будет и дальше сближаться со странами ЮВА и «Четырехстороннего диалога по безопасности» (Quad), который под индийским

влиянием постепенно трансформируется из структуры, нацеленной на сдерживание Китая, в формат взаимодействия по самому широкому кругу вопросов, в первую очередь гуманитарных. При этом индийское руководство будет стараться не обострять отношения с КНР, не идя в то же время на уступки в территориальном споре и наращивая инфраструктуру, в том числе военную, в приграничных горных районах. В отношении России Индия намерена проводить курс на сохранение стратегического партнерства, по-прежнему рассматривая Москву как один из столпов будущего полицентричного миропорядка.

Научное издание

Россия и мир: 2023.
Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз

Руководители проекта:
Дынкин Александр Александрович
Барановский Владимир Георгиевич

Ответственные редакторы:
Кобринская Ирина Яковлевна
Мачавариани Гиви Ираклиевич

Ежегодник

ISBN 978-5-9535-0568-0

Подписано в печать 12.12.2022.
Формат 72×100 1/16. Печать офсетная.
Объем 8.2 п.л., 7.2 а.л. Тираж 300 экз. Заказ № 10/12-114.

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

Отпечатано в цифровой типографии «Спринтер»
www.printbooks.ru
тел. 8 (495) 225-25-28
ул. Профсоюзная, 23